

УЧРЕДИТЕЛИ

МИНИСТЕРСТВО
ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

МЕЖДУНАРОДНАЯ
АССОЦИАЦИЯ
ПРЕПОДАВАТЕЛЕЙ
РУССКОГО ЯЗЫКА
И ЛИТЕРАТУРЫ

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
ИНСТИТУТ
РУССКОГО ЯЗЫКА
ИМ. А.С. ПУШКИНА

ЗАО «ОТРАСЛЕВЫЕ
ВЕДОМОСТИ»

ПРИ ПОДДЕРЖКЕ

ФОНД РУССКИЙ МИР

Дорогие читатели!

2 апреля, в день рождения датского сказочника, романиста, поэта, драматурга Ханса Кристиана Андерсена, в мире отмечается Международный день детской книги. Его цель – привлечь внимание к проблемам детского чтения.

Многие образы детской литературы становятся афористичными и переходят во взрослый язык. Почему в России очень высокого человека могут назвать *дядей Степой* (из цикла стихотворений С.В. Михалкова)? Почему наша *Таня громко плачет* (А.Л. Барто)? Как вел себя *человек рассеянный* и на какой улице он жил (С.Я. Маршак)? Кто такие *Айболит* и *Мойдодыр* (К.И. Чуковский)?

Ответы на эти вопросы крепко-накрепко сидят в сознании русских людей, если, конечно, в свое время им читали детские книжки. Поэтому, чтобы лучше понимать мир взрослых, полезно заглянуть в мир их детства. Обязательно прочитайте в семье и на уроках в начальной школе сказки «дедушки Чуковского» – так стали называть этого замечательного писателя еще при жизни.

С уважением,

Ю.Е. Прохоров,
главный редактор журнала
«Русский язык за рубежом»

23 марта 2013 г. д-р пед. наук, д-р филол. наук, ректор Государственного института русского языка им. А.С. Пушкина, главный редактор журнала «Русский язык за рубежом» **Юрий Евгеньевич Прохоров** отметил 65-летний юбилей. От всей души поздравляем Юрия Евгеньевича с юбилеем и желаем ему здоровья, долголетия и творческих успехов на ниве преподавания и распространения РКИ!

Сотрудники Государственного института
русского языка им. А.С. Пушкина
и редакции журнала
«Русский язык за рубежом»

Международный редакционный совет	Р. Беленчикова (Германия), Е. Бразаускаене (Литва), Ду Гуйчжи (Китай), Р. Гусман-Тирадо (Испания), К.С. Дхингра (Индия), М. Лекич (США), С. Почеканска (Болгария), Н. Райан (Австралия), М.Л. Ремнева (Россия), М. Рогаль (Словакия), Э. Эндерлейн (Франция)
Редакционная коллегия	А.В. Абрамович, Т.М. Балыхина, Н.Д. Бурвикова, Ю.Л. Воротников, А.В. Голубева, Т.В. Кортава, В.Г. Костомаров, Н.А. Купина, И.П. Лысакова, В.В. Молчановский, В.В. Морковкин, С.А. Небольсин, А.П. Сквородников, М.Ю. Федосюк, Н.И. Формановская, С.А. Хавронина
Главный редактор	Ю.Е. Прохоров
Ответственный секретарь	Т.К. Будовская
Выпускающий редактор	А.А. Шараборова
Редакторы	А.А. Шараборова, А.А. Соломонова, Г.В. Хруслов
Секретарь	Е.С. Танцурин
Корректор	Г.Ф. Богачева
Верстальщик	А.Г. Гейн
Обложка	А.Г. Гейн
Адрес редакции	117485, Россия, Москва, ул. Академика Волгина, 6, ком. 440, 442, 444 Тел. / факс +7 (495) 336-66-47 e-mail: ryzr@pushkin.edu.ru, editor@pushkin.edu.ru
Адрес сайта	www.russianedu.ru
Издательская подписка Менеджер	ООО «Агентство подписки и продвижения «Алеф Принт» Залогина Екатерина Тел.: 8-800-200-11-12; e-mail: podpiska@vedomost.ru
Подписка по каталогам	«Роспечать» – 18382
Подписка за рубежом и в СНГ	ООО «Информнаука» Тел. +7 (495) 787-38-73; www.informnauka.com
Отпечатано в типографии	ООО «Еврострой» «EUROCONSTRUCTION»
Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору за соблюдением законодательства в сфере массовых коммуникаций и охране культурного наследия (свидетельство ПИ № ФС 77–25333 от 3.08.2006)	
Формат 84x108 1/16 Объем 8 п.л.	Тираж 1500 экз.

1-я с. обложки: Девочка с книгой. © Фото Samham
2-я с. обложки: IV фестиваль русской литературы Slovo (Великобритания, Лондон, 5–26 марта 2013 г.) (с. 94).
© Academia Rossica
3-я с. обложки: Олимпиада по РКИ «Русская традиционная культура» (Эстония, Таллин, 11–12 марта 2013 г.) (с. 119).
© Фото Инны Адамсон
4-я с. обложки: Проект Wall Poems (Нидерланды, Лейден) (с. 100).
© Фото Tubantia, Periscek

Журнал входит в рекомендованный ВАК РФ перечень ведущих рецензируемых изданий, в которых могут быть опубликованы результаты научных исследований соискателей ученой степени доктора и кандидата наук.
При перепечатке материалов ссылка на журнал обязательна.
За точность цитат и библиографических данных ответственность несут авторы.

УЧЕБНЫЙ РАЗДЕЛ

Синтаксис на уроках РКИ

МЕТОДИКА

Учебники по РКИ

История изучения РКИ

Косвенные речевые смыслы

ЛИНГВИСТИКА

Русская звучащая речь

Язык писателя

Когнитивная лингвистика

ЛИТЕРАТУРА И КУЛЬТУРА

Литературоведение

НАМ ПИШУТ**КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ****АКТУАЛЬНОЕ СЛОВО ДНЯ****ЮБИЛЕЙ****ХРОНИКА****АВТОРАМ****НОВОСТИ****А.В. Величко (Россия)**

Фразеологизированные предложения

со значением оценки 4

С.В. Абрамова (США), Э.Г. Азимов (Россия)

Современные американские учебники по РКИ 32

Е.О. Ершова (Россия)

Этапы распространения русского языка

в немецкоязычном мире

(на материале учебной литературы XVI–XIX вв.) 42

В.И. Шляхов (Россия)

Проблема бессознательного в языке

и скрытые смыслы в иносказаниях 50

И.Л. Муханов (Россия), Кумико Сагава (Япония)

Прагматические аспекты русской интонации

(на материале вторичных употреблений

интонационных конструкций) 57

Е.О. Кузьмина (Россия)

Экспериментальная мастерская языковой игры

в афористике С. Кржижановского 64

М.Ю. Лебедева (Россия)

«Эти взрослые такие дети!» (особенности

противопоставления *ребенок* – *взрослый*

в русском языке) 71

Нам Хе Хён (Республика Корея)

Концептуальный перенос

как фактор полисемантизации

(на материале русских соматизмов) 77

Ян Чжэн (Китай)

История перевода произведений В.П. Астафьева в Китае:

проблемы и перспективы 84

А.А. Оранская (Япония)

Русская рапсодия 89

..... 95

И.Т. Вепрева, Н.А. Купина (Россия)

Портянки 111

Из прошлого в будущее. Издательству «Русский язык».

Курсы – 20 лет 115

..... 118

Стандарты представления материалов

в журнал «Русский язык за рубежом» 127

А.В. Величко

rkiff@philol.msu.ru

канд. филол. наук, доцент

МГУ им. М.В. Ломоносова

Москва, Россия

Фразеологизированные предложения со значением оценки

Фразеологизированные предложения, русский синтаксис, семантический и коммуникативный аспекты.

Предлагаемая разработка системы заданий и упражнений посвящена яркому, специфическому явлению русского синтаксиса — фразеологизированным предложениям. Она включает в себя комментарии, упражнения и задания. Упражнения и задания направлены на изучение группы фразеологизированных предложений, выражающих оценку. Задания способствуют усвоению структурных, семантических и коммуникативных особенностей таких предложений. Материалы адресованы иностранным учащимся II и III сертификационных уровней общего владения русским языком.

Общая характеристика предложений ФС

Предложения фразеологизированной структуры (ФС) — это предикативные специфические синтаксические построения, структурные признаки и семантика которых не обусловлены регулярными синтаксическими связями, действующими закономерностями русского языка. «Русская грамматика» фразеологизированными предложениями называет «такие построения, в которых связи и отношения компонентов с точки зрения живых грамматических правил оказываются необъяснимыми» [3: 217]. Так, в предложении ФС *Тожe мне город!* нельзя выделить пары слов на основании синтаксических связей согласования, управления или примыкания: соединения **тоже мне*, **тоже город*, **мне город* лишены грамматической, синтаксической сути, не являются словосочетаниями и не имеют смыслового содержания. В ФС компоненты связаны идиоматически.

Специфика ФС как фразеологических единиц, имеющих синтаксическую природу, заключается в том, что их образуют компоненты двух видов, обладающие разной природой, — постоянные и переменные.

Постоянные компоненты определяют структуру синтаксических фразеологизмов и их значение. Это служебные слова, частицы, местоименные слова, междометия, которые утратили или значительно ослабили свое лексическое значение, а также грамматические признаки той части речи, к которой они относятся. Так, структуру фразеологизированного предложения *Тожe мне город!* образуют постоянные компоненты *тоже* и *мне*. Слово *тоже* утратило здесь свое словарное значение отождествления, а слово *мне* лишено свойственного личному местоимению в форме дательного падежа значения адресата (ср. *Покажи мне город*, *Дай мне книгу*) или субъекта (ср. *Мне хочется посмотреть этот город*). В предложении *Чем не праздник!* постоянный компонент *чем не*,

при этом местоимение *чем* утратило здесь лексическое значение и вопросительность, а частица *не* лишена значения отрицания.

Слова, выступая в качестве постоянных компонентов ФС, приобретают новое качество. Они определяют фразеологизированный характер ФС, образуют структурную рамку, модель предложения и представляют его значение, т.е. являются конструктивно и семантически образующими.

Переменные компоненты — это лексически свободные компоненты. Это слова знаменательных частей речи. В составе ФС имеет значение только часть речи слова, которое является переменным (свободным) компонентом, и его морфологическая форма (вид и форма глагола, падеж, число существительного и прилагательного и т.д.). Лексическое наполнение таких компонентов определяется говорящим в соответствии с содержанием сообщения. Так, фразеологизированные предложения, образованные постоянным компонентом *тоже мне*, включают в качестве свободного компонента существительные самой разнообразной семантики: *Тогда мне город! Тогда мне стадион! Тогда мне праздник! Тогда мне спортсмен!* и т.д.

ФС можно записать в виде модели. Постоянные и переменные (свободные) компоненты в модели получают разное представление. Постоянные компоненты, которые создают, определяют конфигурацию структуры и являются выразителями ее значения, обозначаются в модели в непосредственном, натуральном виде как конкретные лексические единицы.

Переменные компоненты обозначаются через указание их морфологического статуса (часть речи) соответствующими сокращенными названиями (глагол, сущ., инф. и т.д.). Конкретная морфологическая форма слова, обозначающего переменный компонент, при необходимости, обозначается соответствующим индексом. Так, предложения *Тогда мне город! Тогда мне праздник! Тогда мне помощник!* построены по модели **тоже мне + сущ.**, а предложения *Вот это дерево! Вот это спортсмен! Вот это неожиданность!* — по модели **вот это + сущ.** В предложении *Всем пирогам пирог*, построенном по моде-

ли **всем + сущ. в д.п. + сущ.**, постоянный компонент — слово *всем*, а переменный компонент представлен повторяющимся существительным в разных формах — в форме дательного падежа множественного числа и в форме именительного падежа.

Сочетание компонентов двух видов (постоянных и переменных) определяет грамматическую сущность ФС: они частично воспроизводятся (являясь фразеологизированным построением), а частично строятся (это свидетельствует об их синтаксической природе). Напомним для сравнения, что лексические фразеологизмы (например, *бить баклуши, сидеть сложа руки, лезть на рожон, сломя голову* и т.д.) воспроизводятся целиком, без изменений (не считая случаев их вариативности) и в готовом виде включаются в предложение, в ситуацию общения.

Что касается правил построения фразеологизированных структур, следует обратить внимание на характерную для многих из них **вариативность оформления компонентов**, как постоянных, так и переменных. Переменный, свободный компонент во многих ФС может выражаться словами разных частей речи, например, фразеологизированные предложения, образованные с помощью постоянного компонента *тоже мне*, могут включать в качестве свободного компонента не только существительное (как было указано и представлено в приведенных примерах), но и глагол, прилагательное, наречие: *Тогда мне помощник! Тогда мне помог! Тогда мне быстрый! Тогда мне быстро!* Ср. также вариативность переменного компонента ФС с постоянным компонентом *вот это*: *Вот это мастер! Вот это помогли! Вот это умный!* Эти варианты не затрагивают типового значения структуры.

Вариативность касается и постоянного компонента. В ряде ФС он может быть представлен разными словами, что не меняет его типового значения. В предложении *Где там успел!* слово *где* может быть заменено таким же лексически опустошенным словом *какой*, которое к тому же может выступать в двух морфологических формах: *Какой там успел! Какое там успел!* Ср. также *Нет бы тебе позвонить! Что бы тебе позвонить!* Вари-

тивная замена в постоянном компоненте одного слова другим является доказательством их фразеологизированности: они образуются словами, утратившими свое лексическое значение и грамматические функции.

Разные вариативные возможности воплощения свободного и переменного компонентов фиксируются в модели.

Необходимо также отметить вариативность модели, связанную с наличием факультативных компонентов, т.е. таких, которые обычно используются, но могут быть пропущены, что не разрушает значения ФС. Так, во фразеологизированных предложениях типа *Ох уж эти мне экзамены* слово *мне* может опускаться без ущерба для смысла, это факультативный компонент. В записи модели он указывается в круглых скобках: **ох уж эти + (мне) + суц.**

Важнейшим грамматическим признаком ФС является предикативность. Высказывания, реализующие ФС, противопоставляются по категории времени и наклонения: *Чем не помощь / Чем была не помощь / Чем будет не помощь / Чем была бы не помощь (Чем не помощь была бы); Ученик (был, будет, был бы, если бы был, пусть был бы) как ученик.*

Для многих ФС возможны регулярные реализации с полужнаменательными связками, ср.: *Ученик казался (оказался, становился, стал) как ученик.*

ФС характеризуются спецификой в плане их семантики, сферы использования и функционального предназначения в речи. Они связаны с ментальной, интеллектуальной, эмоциональной сферой жизни человека. ФС предназначены для выражения субъективной модальности, т.е. для выражения отношения говорящего к содержанию информации – оценки, согласия, возражения, необходимости, множественности, акцентирования и др. Они, как правило, экспрессивно окрашены. ФС характерны для устной разговорной речи, обыденного общения, а также используются в отражающих устную речь жанрах художественной литературы и в публицистике.

Владение ФС важно для иностранных учащихся, так как позволяет полнее ов-

ладеть языковыми особенностями русской устной речи, обиходно-бытового и социокультурного общения. Знание ФС особенно необходимо учащимся-филологам и переводчикам.

Как показал опыт, при изучении ФС в иностранной аудитории наиболее эффективной является их презентация с опорой на семантику, на семантическую классификацию. В предлагаемой нами классификации выделяются следующие 6 семантических групп фразеологизированных предложений.

I. ФС, выражающие оценку: *Вот это мастер! Ай да молодец! Всем праздникам праздник! Город как город.*

II. ФС, выражающие согласие, принятие, несогласие: *Ехать, так ехать! Работа есть работа, А что для него работа.*

III. ФС, выражающие модальные значения: *Как не помочь! Не сидеть же здесь до вечера! Хоть переезжай в деревню.*

IV. ФС со значением множественности, единственности: *Что ни кошка, то характер! У них только и разговор, что о работе, Ей бы только развлекаться, Встреча встрече рознь.*

V. ФС, передающие акцентирование: *Уж кто-кто, а Саша хорошо знает математику! Он учится не где-нибудь, а в МГУ.*

VI. ФС со значением логической обусловленности: *Работа работой, а отдыхать тоже надо! Приехать-то он не приехал, но позвонил; Стоит учителю выйти из класса, как дети начинают шуметь.*

В предлагаемых далее учебных материалах представлена система упражнений и заданий для отработки фразеологизированных предложений первой группы – выражающих оценку. Подробнее о предложениях ФС и о работе над ними в иностранной аудитории см. [1, 2].

ФРАЗЕОЛОГИЗИРОВАННЫЕ ПРЕДЛОЖЕНИЯ СО ЗНАЧЕНИЕМ ОЦЕНКИ

Объектом оценки, характеристики может быть лицо, предмет, действие, признак, ситуация в целом. Положительная оценка содержит одобрение, похвалу или указание на высокую степень признака. Объект характеризуется как обладающий положительными качествами, нужным содержанием, необходимыми свойствами или высокой степенью признака. Говорящий при этом также выражает своё эмоциональное отношение: восхищение, удовольствие или удивление и т.д.

Негативная оценка указывает, что объект, по мнению говорящего, обладает отрицательными, нежелательными свойствами, признаками. Говорящий выражает негативное эмоциональное отношение – неодобрение, иронию, возмущение и т.д.

Оценка, характеристика могут указывать, что объект по своим качествам, свойствам соответствует норме, т.е. не лучше и не хуже обычного. Это нейтральная оценка.

Каждый из трёх видов оценки выражается особыми ФС. Однако между структурой и значением оценки не всегда имеется однозначное соответствие: некоторые структурные образцы могут называть и положительную, и негативную оценку в зависимости от лексического наполнения или контекста, ситуации употребления и интонации. Это структуры недифференцированной оценки.

Таким образом, система ФС, выражающих оценку, включает 4 подгруппы.

I. Положительная оценка	II. Негативная оценка
<p>(1) ай да + сущ. Ай да сестра! Ай да помощник!</p> <p>(2) всем + сущ. в д.п. + сущ. в и.п. Всем пирогам пирог! Всем цветам цветы!</p> <p>(3) сущ. 1 + это + сущ. 2 Розы – это цветы! Андрей – это друг!</p> <p>(4) из + сущ. в р.п. мн.ч. + сущ. Из смельчаков смельчак! Красавица из красавиц!</p> <p>(5) чем не + сущ. Чем не город! Чем не герой!</p>	<p>(6) тоже мне + сущ. / глаг. Тоже мне город! Тоже мне помог!</p> <p>(7) ах ты / он + сущ. Ах ты баловница! Ах он обманщик!</p> <p>(8) ох уж этот / эта / эти (мне) + сущ. Ох уж эта (мне) жара! Ох уж эти (мне) соседи!</p>

III. Недифференцированная оценка	IV. Нейтральная оценка
<p>(9) вот + это + сущ. / глаг. вот + так + сущ. / глаг. вот + сущ. / глаг. + так + сущ. / глаг. вот это + сущ. / глаг. + так + сущ. / глаг. Вот это мастер! Вот это помогли! Вот так мастер! Вот мастер так мастер! Вот это мастер так мастер! Вот это помогли так помогли!</p> <p>(10) что за + сущ. Что за сестра! Что за характер! Что за прелесть! Что за безобразие!</p> <p>(11) ну и + сущ. / глаг. Ну и мастер! Ну и помогли!</p> <p>(12) какой + это + сущ. какой это / он / она / они + сущ. Какой это концерт! Какой это / он певец!</p>	<p>(13) сущ. + как + сущ. Город как город! Студент как студент!</p> <p>(14) сущ. + и + сущ. Город и город. Цветы и цветы.</p>

I. ФС положительной оценки

I. ФС положительной оценки. Предложения, которые строятся по модели (1) *ай да + сущ.* (*Ай да сестра; Ай да помощник!*), используются как непосредственная реакция на кого- / что-либо увиденное, непосредственно наблюдаемое и выражают одобрение, похвалу, а также эмоциональное значение восхищения или удивления. ФС имеет яркий экспрессивно-оценочный характер.

Предложения модели (2) *всем + сущ. в д.п. + сущ. в и.п.* (*Всем пирогам пирог! Всем цветам цветы!*) указывают на превосходство данного объекта в ряду однотипных, аналогичных, схожих. Они синонимичны высказыванию *Лучший из всех...* Так, предложение *Всем цветам цветы* означает 'это лучшие цветы из всех существующих, известных мне'. Местоимение *весь* (*вся, все*) используется в форме единственного числа, если в предложение включается существительное, имеющее только форму единственного числа: *Всей клюкве клюква! Всей воде вода!*

ФС модели (3) *сущ. 1 + это + сущ. 2* (*Розы – это цветы! Андрей – это друг!*) включает в себя существительное, называющее конкретный предмет, являющийся объектом оценки, и другое существительное, называющее класс предметов, к которому относится объект оценки. В высказывании представлены 2 объекта, соотносящиеся как видовое и родовое понятия. Цель структуры – подчеркнуть, что объект обладает лучшими, эталонными качествами, признаками класса предметов, к которому он относится, т.е. является лучшим его представителем. Смысл предложений этого типа можно передать, используя сочетание *лучший из...*

Следующая ФС этой подгруппы используется в двух вариантах, различающихся порядком компонентов: (4) *из + сущ. в р.п. мн.ч. + сущ. в и.п.* или *сущ. в и.п. + из + сущ. в и.п.:* *Из смельчаков смельчак! Смельчак из смельчаков!*

ФС выражает высокую степень проявления признака, свойства. Она характеризует не объект в целом по признаку качества (хороший, качественный, лучший), а указывает, что у объекта (чаще это лицо, но может быть и предмет) характерные для него свойства, признаки проявля-

ются в высокой или наивысшей степени. Предложение *Смелчак из смелчаков* означает, что смелость как свойство, признак проявляется у лица в высокой степени ('самый смелый среди смелых'). Семантика ФС определяет лексическое наполнение свободного компонента: он выражается существительными, называющими признак, свойство, причём это может быть свойство как положительное (*умница, талант, красавица*), так и отрицательное (*хитрец, обманщик*). Соответственно и сам объект получает положительную или негативную оценку, характеристику. На этом основании рассматриваемую ФС можно было бы отнести к подгруппе недифференцированной оценки. Однако семантический компонент «высокая степень» признака позволяет отнести эту ФС к данной подгруппе.

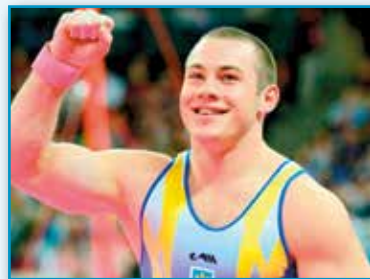
ФС модели (5) *чем не + сущ.* (*Чем не город! Чем не герой!*) указывает на полное соответствие предмета представлению о нём и используется для утверждения положительной характеристики объекта. Употребляется, если собеседник имеет (или, по мнению говорящего, может иметь) другое мнение и говорящий хочет убедить своего оппонента (контекст убеждения). Может использоваться также в монологическом высказывании в случае, если сам говорящий сомневается, колеблется и успокаивает себя, убеждает себя в правильности принятого решения или выбора.

1 Прочитайте предложения, выражающие положительную оценку. Определите модель предложения, назовите слово, заполняющее позицию переменного компонента. Скажите, что в контексте подчёркивает характер оценки.

1. Ай да Петя! Никто не смог разгадать загадку, а он догадался! 2. — Так мы ничего и не купили Кате ко дню рождения. И то не нравится, и это не подходит. Надо что-то выбрать. Можно, например, купить альбом для фотографий. Чем не подарок! 3. Гвоздики, тюльпаны, конечно, красивы. Но я всё-таки больше всего люблю розы. И красивы необычайно, и самых различных цветов и оттенков бывают. И запах чудесный! Одним словом, всем цветам цветы! 4. Все ею восхищаются. Действительно, умница из умниц! И способная, и трудолюбивая, и работает с большим желанием. 5. Когда я поступил в университет, у меня появились новые друзья, знакомые. Мне приятно с ними общаться. А Андрея я знаю с детских лет. Мы с ним хорошо понимаем друг друга. Если у меня проблема, какие-то трудности, я с ним советуюсь. Андрей — это друг!

2 Прочитайте предложения модели *ай да + сущ.* Обратите внимание, что они выражают непосредственную положительную реакцию на действия лица или проявление определённых качеств объекта.

1. Смотрите, Петя уже перевёл текст. Ай да Петя! Значит, серьёзно занимался и повторил все слова. 2. Ай да гимнаст! Прекрасно выполнил очень трудное упражнение! Зрители аплодируют, они довольны. 3. Вскоре у дочери появились серьёзные духовные интересы, и это стало радостью для отца. А сегодня от неё пришло ещё одно письмо, которое ещё больше обрадовало его. Ай да Таня! Какое умное письмо написала! Ясно, что она очень повзрослела (Е. Маймин «Лев Толстой»).

3 Выразите положительную оценку ситуации, действий лица. Используйте ФС *ай да + сущ.* Включите в ваши высказывания существительные раздела «Для справки». Аргументируйте своё мнение.

Для справки. Миша, ребята, хозяйка, печенье, смельчак, фотограф, молодцы, умница.

1. Дочка убрала комнату и приготовила чай. Семья сидит за столом, пьёт чай. 2. Ученики активно помогают убирать двор школы, поливают молодые деревья, которые недавно посадили. 3. Овощной салат, который приготовила Наташа, вам очень понравился. 4. Школьники подготовили весёлый концерт к празднику. Учителя и родители были очень довольны, хвалили их. 5. Вы рассматриваете чудесные фотографии вашей поездки с друзьями во Владимир. Это Миша успел снять такие интересные моменты поездки. 6. Вода в море ещё довольно холодная. Все сидят на берегу, или ходят вдоль берега, греются на солнышке. А один молодой человек купается, долго плавает и не спешит на берег.

4 А. 1) Прочитайте текст. Обратите внимание, что в нём ФС используется как сказуемое двусоставного предложения. 2) Скажите, какие свойства описанного лука позволили автору назвать его настоящим чудом? 3) Составьте рассказ о каком-либо растении (сорте овощей, фруктов и т.д.), о котором вы могли бы сказать *Всем чудам чудо*.

Многоярусный лук — всем чудам чудо. Луковички у него не только в земле, но и на... стеблях. Воздушные бульбочки — так называют надземные луковички — съедобны и к тому же вполне годны для выращивания зелёного пера (зелёной части лука). Многоярусный лук даёт к столу и луковицы, и перо. И ещё одно достоинство этого редкого овоща — он даёт урожай на одном месте в течение пяти и более лет (А. Стрижев «Рассказы об овощах»).

Б. 1) Журналист побывал на плантации, где выращивается клюква, и описал свои впечатления в заметке. Прочитайте её и перескажите. 2) Обратите внимание, что в ФС, которая является заглавием, слово *клюква* использует-ся в форме единственного числа. Объясните, почему.

Всей клюкве клюква

Кому бы я ни показывал эти ягоды, никто не верил, что это знакомая всем клюква... Даже знатоки леса удивлялись: «Впервые видим». Ягоды величиной с са-

мую крупную вишню, черешню, а некоторые даже крупнее. Клюква лежала под ногами гроздьями. Земля была усыпана ею. Набрать такое ведро – пара пустяков. Урожай в среднем по двадцать шесть тонн с гектара.

➔ **В. 1)** Скажите, о чём, по вашему мнению, может сообщаться в небольшой заметке, помещённой в газете под заголовком «Всем блинам блин»? Послушайте, какие заметки составили ваши товарищи по группе. **2)** Прочитайте текст заметки из газеты (см. «Ключи»). Скажите, чья заметка оказалась ближе всего по содержанию к газетной заметке? Какая заметка самая оригинальная?

5) Дайте оценку следующим известным природным и культурным объектам России. Укажите, что они превосходят по определённым признакам другие аналогичные объекты России. Используйте ФС *всем + сущ. в д.п. мн.ч. + сущ. в и.п.* Аргументируйте свою оценку, назвав для этого признаки, которые позволяют дать такую оценку.

Образец. Музей Л. Толстого в Ясной Поляне. – Музей Л. Толстого в Ясной Поляне – всем музеям музей. Там сохранился дом, в котором родился и жил Толстой, его вещи и деревья, которые росли при нём.

Озеро Байкал

1) озеро Байкал; 2) река Волга; 3) город Санкт-Петербург; 4) леса Сибири; 5) Большой театр в Москве; 6) музей Эрмитаж в Санкт-Петербурге.

6) Измените следующие высказывания, выразив содержащуюся в них положительную оценку ФС *всем + сущ. в д.п. + сущ. в и.п.*

1. Я в гостях попробовала новый торт. Он был замечательный. 2. Коля – верный друг, он всегда меня понимает и поддерживает. 3. Бабушка у меня замечательная, лучше всех. Заботливая, нежная, добрая. 4. Я больше всех праздников люблю Новый год.

7) Выберите один объект из общего класса объектов. Охарактеризуйте его как лучший, превосходящий другие объекты того же рода. Используйте ФС *сущ. 1 + это + сущ. 2.*

Образец. Цветы: ромашки, лилии, гвоздики, розы. – Все цветы красивы... Цветов много, и все они очень разные. Я больше всего люблю розы. Розы – это цветы! Они красивы, бывают разного цвета, прекрасно пахнут.

1. Фрукты: яблоки, груши, персики, бананы. 2. Ягоды: клубника, клюква, смородина, крыжовник. 3. Автомобили: Мерседес, Лада, Джип. 4. Напитки: кофе, минеральная вода, чай, кока-кола, квас. 5. Деревья: берёза, ель, сосна, клён, дуб.

8 Выберите из ряда объектов, относящихся к одной группе, один, лучший. Используйте для его характеристики **ФС сущ. 1 + это + сущ. 2**. Аргументируйте свою оценку.

Образец. Я ещё неопытный садовод, и если мне нужен совет, я обращаюсь к соседу, Кузьме Петровичу. У него огромный опыт. Кузьма Петрович – это садовод! Он всё знает о садовых деревьях и об уходе за ними.

1. Л.В. Щерба, В.В. Виноградов, С.И. Ожегов (лингвист, учёный).
2. Старый директор, новый директор (руководитель).
3. Сергей, Алёша, Андрей, Наташа (помощник, помощница).
4. Моя подруга, Анна Петровна, жена моего брата (хозяйка).

9 **А.** Прочитайте предложения, которые характеризуют объект как обладающий высокой степенью качества, признака. Оценивается лицо или предмет? Какой признак объекта выделяется – положительный или отрицательный?

1. Артист цирка А. Запашный – дрессировщик тигров. Он каждый день работает с дикими сильными зверями и, конечно, обладает большой смелостью и силой воли. Смелчак из смелчаков! 2. Героиня романа умна и образованна. Кроме того, она всех восхищает своей красотой. Красавица из красавиц! 3. Конечно, создано много прекрасных картин, но «Сикстинская Мадонна», пожалуй, превосходит все картины. Шедевр из шедевров! 4. Лене уже пятнадцать лет, но она совсем не помогает маме в домашних делах. Лентяйка из лентяек! 5. Сергей часто опаздывает на работу и называет разные серьёзные причины, но ему не верят, знают, что он говорит неправду. Обманщик из обманщиков!

А. Запашный

Б. **ФС из + сущ. в р.п. мн.ч. + сущ. в и.п.** может использоваться как самостоятельное предложение, как это представлено в пункте **А**, или являться сказуемым двусоставного предложения. Преобразуйте **ФС из высказываний пункта А** в двусоставные предложения.

Образец. Артист А. Запашный обладает большой смелостью и силой воли. Смелчак из смелчаков! – А. Запашный – смелчак из смелчаков!; Он смелчак из смелчаков!; Это смелчак из смелчаков!

10 Прочитайте существительные, которые часто используются в **ФС из + сущ. в р.п. мн.ч. + сущ. в и.п.** Проверьте, все ли они вам известны. Посмотрите в словаре значения неизвестных существительных.

1. Смелчак, силач, умник, умница, красавица, мудрец, чудо, реликвия, шедевр, талант, весельчак, добряк.

2. Лентяй, лентяйка, хитрец, обманщик, грубиян, болтушка, болтун, молчун, сплетница, эгоист.

11 Закончите высказывания. Охарактеризуйте объект через указание признака, который проявляется у него в высшей степени. Используйте предложения типа *Смельчак из смельчаков* или *Это (он) смельчак из смельчаков*. В случае затруднений используйте существительные из предыдущего упражнения.

1. Саша — десятиклассник. Он очень серьёзный, трудолюбивый молодой человек. Прекрасно учится, много читает, увлекается историей, хочет поступать на исторический факультет и при этом скромный и приветливый. 2. В Оружейной палате Кремля представлены уникальные предметы, связанные с историей и культурой России, например, старинное оружие, удивительной красоты ювелирные украшения. 3. Богданов — замечательный художник. Его хорошо знают, его выставки проходят в разных городах России, его картины пользуются популярностью и в других странах. 4. Катюша очень разговорчивая девушка. Иногда слишком разговорчивая. Если происходит что-нибудь необычное, неожиданное или радостное, она может говорить об этом, не переставая, сколько угодно. 5. Мне не нравится наша соседка Марья Петровна. Она очень любопытная, старается узнать, что у кого случилось, и любит рассказывать о случившемся другим, искажая их, давая им свою недоброжелательную оценку. 6. Он легко тратит деньги, всем помогает, дарит дорогие подарки, даёт в долг и даже прощает, если кто-то не возвращает долг. 7. Существуют разные стереотипные представления о некоторых характерных чертах представителей разных национальностей. Так, считается, что итальянцы очень много говорят, очень общительные, а финны неохотно говорят, предпочитают больше молчать. 8. Он думает только о себе. Это холодный, равнодушный человек. 9. Неудивительно, она очень популярная киноартистка. Её фотографии можно увидеть в разных модных журналах. У неё очень яркая, необычная внешность.

Государственная Оружейная палата
Московского Кремля

12 А. Прочитайте фрагмент газетной статьи. Познакомьтесь с употреблением ФС в языке газеты.

В Кургане найден домик, в котором в 1845–1846 гг. жил в ссылке декабрист Кюхельбекер. Жители города выступили за то, чтобы его сохранить, боролись за то, чтобы его не сносили. Ведь это уникальный дом, другого такого нет. Реликвия из реликвий.

Б. О чём вы могли бы сказать *реликвия из реликвий*? Вспомните для этого какой-либо город, богатый архитектурными и историческими памятниками, музей, предметы, которые бережно хранятся в вашей семье, и т.д.

В. Известный тренер в одном из интервью произнес такую фразу: «Если бы меня попросили назвать чемпиона из чемпионов, то я назвал бы...». Скажите, кого и почему называли бы вы, если бы с такой просьбой обратились к вам.

13 Включите следующие предложения в контекст. Обратите внимание, что **ФС** может иметь существительное, само по себе не содержащее оценочного значения, но называющее профессию, должность, статус лица или класс предметов. В этом случае **ФС** используется, чтобы показать, что данное лицо (или предмет) в полной степени обладает совокупностью характерных признаков, определяющих сущность понятия, названного существительным.

1. Художник из художников. 2. Из хирургов хирург. 3. Преподаватель из преподавателей. 4. Из руководителей руководитель. 5. Специалист из специалистов. 6. Словарь из словарей. 7. Из экспонатов экспонат.

14 Прочитайте высказывания. Обратите внимание, что **ФС** *чем не + сущ.* используется, когда говорящий стремится убедить собеседника или хочет развеять свои сомнения.

1. — Зря мы купили Ире в подарок словарь. Нужно было подобрать что-нибудь другое. — А я считаю, мы сделали хороший выбор. Чем не подарок! Она как раз начинает изучать французский язык. Словарь ей пригодится.

2. Оля в воскресенье собиралась съездить к подруге, отдохнуть. Но у неё заболело горло, и пришлось остаться дома. Сначала Оля очень огорчилась, а потом подумала, что дома тоже можно хорошо провести время. Посмотрела интересную передачу по телевизору, после обеда немного отдохнула, потом вспомнила о новой повести, которую ещё не прочитала. Чтение очень увлекло её. «Чем не отдых!», — успокаивала она себя.

15 Добавьте ответную реплику. Убедите собеседника, что объект разговора обладает нужными качествами и потому заслуживает положительного отношения. Употребите **ФС** *чем не + сущ.*, включите в неё слово, данное в скобках.

1. — Почему ты так радуешься, что завтра идёшь в театр? — ... (радость) 2. — Мне не нравится молодой человек, за которого Оля собирается выйти замуж. Мне кажется, они не подходят друг другу. — ... (пара) 3. — Вы собираетесь провести конец отпуска на даче. Но ведь там много работы, надо ухаживать за цветами, поливать. Это не отдых. — ... (отдых) 4. — Мы напрасно не зашли в магазин. У нас нет продуктов. В холодильнике ничего нет, только немного овощей, пакет молока да небольшой кусок сыра. Да вот ещё три яйца. — ... (еда) 5. — Ну вот, а говорили, что здесь хорошая речка. А она такая узкая. — ... (речка) 6. — Мне надоел этот телевизор, давай купим новый. — ... (телевизор).

16 Опишите картинку с помощью ФС положительной оценки. Ответьте на вопросы, употребив ФС положительной оценки.

1. Как чувствует себя рыбак, возвращаясь с рыбной ловли? 2. Что думают и говорят прохожие, которые увидели его? Как они оценивают пойманную рыбу и рыбака, его умение?

Возвращение с рыбалки

II. ФС негативной оценки

II. ФС негативной оценки. ФС модели (6) *тоже мне + сущ. / глаг. / прил. / нареч.* (*Тоже мне город! Тоже мне помог! Тоже мне молодой!*) указывает на неполное проявление необходимых признаков, качеств или полное их отсутствие. Предложение обычно содержит осуждение, неудовольствие, упрек, иронию (иногда смягчённую или шутиливую).

Вторая ФС образуется по модели (7) *ах ты / он / она + сущ.* (*Ах ты озорник! Ах ты плутовка! Ах он хитрец!*). В ней употребляются существительные со значением оценки, как правило, негативной: *баловник, баловница, озорник, озорница, проказник, шалунья, болтушка, хитрец, обманщик*. ФС модели (7) используется при обращении к собеседнику (*Ах ты...*) или когда речь идёт о третьем лице (*Ах он...*). Данная ФС употребляется как реакция на действия лица (непосредственно наблюдаемые или кем-то описанные) и выражает неодобрение, осуждение. Негативная оценка нередко звучит как смягчённая, шутиливая, иногда с оттенком любования, умиления (например, если объектом оценки является ребёнок, его поведение). В этом случае в устной речи ФС может сопровождаться жестом «грозить пальцем». При обращении к взрослому человеку и при определённом лексическом наполнении оценка может звучать довольно резко.

Иногда появляется значение положительной оценки, одобрения, восхищения, если используется существительное соответствующей семантики (*умница, красавица, скромник, молодец*): *Ах ты умница! Ах ты красавица!*

Предложения ФС (8) *ох уж этот / эта / это / эти + (мне) + сущ.* (*Ох уж эта мне жара! Ох уж эти мне соседи!*) включают междометие и местоимение *этот*, которое сочетается в роде и числе со следующим далее именем существительным. В составе предложения обычен дательный падеж личного местоимения (*мне*) со значением воспринимающего (оценивающего) субъекта. Однако этот компонент может опускаться, не нарушая общего значения высказывания (*Ох уж эта жара!*).

Семантика этой ФС сложна, включает несколько компонентов информационного, оценочного и эмоционального характера. Данная ФС 1) оценивает не сам по себе объект, а действия, совершаемые объектом, или проявляемые им качества, свойства; 2) указывает на то, что названные действия, качества наблюдаются неоднократно и / или длительно; 3) означает, что говорящий осуждает их, так как, с одной стороны, считает их неправильными, а с другой стороны, сложившаяся в результате ситуация касается его, создает определённый дискомфорт. Ср.: *Ох уж эта мне жара! Скорей бы она кончилась!*; *Ох уж мне эти соседи! Опять они чем-то недовольны*. Рассматриваемая ФС может сопровождаться жестами «развести руками» и «всплеснуть руками».

1 Прочитайте предложения, выражающие отрицательную оценку. Определите модель предложения, назовите слово, заполняющее позицию переменного компонента. Скажите, что в контексте подчёркивает негативный характер оценки.

1. Тёте Вере в день рождения подарили шкатулку. Шкатулка! Тоже мне подарок! Надо было что-нибудь пооригинальнее придумать. 2. Ах вы озорники! Не шумите, вы мешаете Коле заниматься. 3. Ох уж этот мне Егор. Он опять спорит и не хочет слушать полезных советов. 4. Тоже мне секретарь! Не может быстро найти нужные документы, не может составить деловое письмо. 5. Ох уж эти мальчишки! Опять всё перевернули в доме вверх дном! 6. Вадим ушёл с работы раньше, сказал, что ему нездоровится, а вечером его видели на стадионе, он смотрел футбольный матч. Ах он обманщик! Ах он хитрец!

2 Выразите негативную оценку объекта с помощью ФС *тоже мне + сущ. / глаг.* Используйте существительное со значением лица в пункте **а**, нарицательное существительное в пункте **б** и глагол в пункте **в**. Аргументируйте свою оценку. Дайте предложение (перед или после ФС), содержащее аргументацию.

а) 1. Вода в реке холодная, и спортсмен сидит на берегу, не решается купаться. 2. Иван считает себя активным болельщиком, но, как оказалось, не знает фамилий известных футболистов. 3. Кирилл – студент-ботаник, но не смог определить, как называется одно растение. 4. Я откровенно рассказала о своих неприятностях на работе подруге, думала, она мне посочувствует, а она сказала, что я сама виновата.

б) 1. Река, где вы хотели искупаться, вам не понравилась. 2. Ручка плохо пишет. 3. Вещи, которые вы собираетесь брать в поездку, не входят в чемодан. 4. На календаре весна, а за окном ещё лежит снег и люди ходят в шубах.

в) 1. Выступление докладчика было неудачным. 2. Их помощь оказалась не к месту, непродуманной. 3. Мы просили Иру купить толковый словарь, а она купила совсем другой, который не нужен. 4. Ваш знакомый поехал в воскресенье за город, хотел отдохнуть на природе, но простудился и отдых не получился.

3 Закончите высказывания. Выразите негативную оценку ситуации с помощью ФС *ох уж этот (мне) + сущ.*

Образец. Купили новый компьютер, и дети всё время проводят возле него. – Ох уж этот мне компьютер! Дети теперь и на улице почти не бывают, и уроки делают невнимательно.

1. Ты знаешь, Миша пошёл с друзьями в кино. Он не хотел идти, отказывался, говорил, что ему

надо готовиться к контрольной работе, но они уговорили... 2. Собирались поехать в деревню на несколько дней. Думали, будем гулять, ходить в лес, купаться в озере. А передали прогноз, что на следующей неделе каждый день будут дожди... 3. В воскресенье у меня был день рождения. Пришли друзья, получился очень хороший вечер. Я так рада. Только плохо, что много посуды приходится мыть... 4. Оля очень капризная девочка. Опять требует новую игрушку...

→ 4 Используйте предложения ФС *оx уж этот (мне) + сущ.* в следующих ситуациях. Аргументируйте свою оценку.

1. Вам надоели морозы. 2. Муж читает газеты и не убирает их, поэтому газеты лежат везде: и на столе, и на диване, и на телевизоре. 3. Вы жалуетесь на то, что домашние дела отнимают много времени и вы не можете сделать то, что хотите. 4. Вы устали от работы над диссертацией. 5. Сергей, как обычно, опаздывает, и вы всё его ждёте. 6. Вас утомляет большой город, его шум, суета, толпы людей.

5 Прочитайте предложения, реализующие ФС *ах ты / он + сущ.* Определите значение используемых в них существительных (см. комментарий). Обратите внимание, что ФС употребляется при обращении к собеседнику или когда речь идёт о третьем лице.

1. Ах ты шалун! Ты зачем залез в шкаф? 2. Ах вы драчуны, идите-ка на свои места и успокойтесь! 3. Ах ты озорница! Сломала новую игрушку! 4. Ах ты непоседа, всё время вертишься, вскакиваешь, посиди хоть минутку на месте! 5. Неужели уже всё сделал? Ах ты умница! 6. Ах он хитрюга! Всех сумел обмануть! Всех обвёл вокруг пальца! 7. Ах он бандит! Сколько из-за него неприятностей!

6 Выразите негативную оценку действий лица, (а) которые вы наблюдаете, (б) о которых вы узнали. Используйте ФС *ах ты / он + сущ.* Следите за правильным употреблением местоимений (*Ах ты / вы / он / она...*).

а) 1. Маленький Миша пытается разобрать новую игрушечную машинку на части, его это занятие очень увлекло. 2. Четырёхлетняя Катя очень любит рисовать. Сейчас она что-то рисует в школьной тетради своего брата. 3. Дети увлеклись игрой. Они бегают по комнате, бросают друг в друга подушки, перевернули стулья.

б) 1. Бабушка жалуется на Олю. Она попросила Олю помочь ей убрать комнату и сходить в магазин за овощами. Оля сказала, что у неё нет времени и ушла к подруге. 2. Ты знаешь, я рассказала Тане по секрету, что мне очень нравится Юра, и просила её никому об этом не говорить. Таня обещала, а потом взяла и рассказала всё его другу. Говорит, хотела мне помочь.

7 Выразите отрицательную оценку, неодобрение по отношению к объекту, ситуации. Аргументируйте свой ответ. Используйте подходящую ФС и слова из скобок.

1. Вам не нравятся яблоки, которые вы видите в магазине (яблоки). 2. Вы считаете выступление одного из участников обсуждения неубедительным, неярким (выступить). 3. Вы считаете, что ваш коллега работал не очень долго и поэтому ему рано отдыхать или уходить домой (работать). 4. Вам не нравится этот певец (певец, петь). 5. Эта ручка плохо пишет (ручка). 6. Вы узнаете, что друзья опять уговорили мужа пойти на футбольный матч, а вам придётся сидеть дома одной (друзья, футбол). 7. Вам надоели экзамены (экзамены). 8. Девушка вам показалась совсем не такой красивой, как вам рассказывали (красавица). 9. По вашему мнению, он плохо отремонтировал телевизор (отремонтировать, специалист). 10. Вас огорчает, что один из учеников, которому вы уделяете много времени, не очень добросовестно занимается (ученик). 11. Вас возмущает, что музыкант во время исполнения пьесы сделал несколько ошибок (музыкант, играть).

8 Опишите картинку. Ответьте на вопросы, используя ФС отрицательной, нейтральной и положительной оценки.

1. Какую книгу (книги) хочет купить Татьяна Петровна? 2. Сразу ли она нашла понравившуюся книгу или она долго выбирала и сомневалась? 3. Какой разговор произошёл между Татьяной Петровной и продавцом? 4. Нашла ли она подходящую книгу?

В книжном магазине

III. ФС недифференцированной оценки

III. ФС недифференцированной оценки. Частотны предложения ФС (9) *вот + это + сущ. / глаг. / прил. / нареч.* и её вариантов: *Вот это мастер! Вот так мастер! Вот мастер так мастер! Вот это мастер так мастер!* Выражаемая в них оценка может относиться не только к предмету, но и к признаку, действию, поэтому свободный (переменный) компонент может быть выражен существительным, а также прилагательным, наречием, глаголом: *Вот это сильный! Вот это далеко! Вот это выступил!*

Характер оценки определяется по контексту, ситуации. В устной речи играет роль также интонация: *Вот это спортсмен! Опять установил новый рекорд. – Вот это спортсмен! Показал такой плохой результат; Вот это выступил! Одно удовольствие было его послушать. – Вот это выступил! Ни одной дельной мысли.*

Характер оценки ФС, имеющей модель (10) **что за + сущ.**, определяется семантикой существительного и контекстом. Если используется существительное, значение которого включает положительный или негативный компонент, соответствующую оценку выражает и вся структура: *Что за прелесть! Что за чудо! Что за умница!* (положительная оценка); *Что за безобразия! Что за чепуха!* (негативная оценка).

При включении в структуру существительного, не имеющего в своём лексическом значении оценочного компонента (например, *сестра, человек, характер, концерт, город*), характер оценки определяется по конситуации: *Что за сестра! Не забыла, что я мечтал об этой книге, купила её для меня! – Что за сестра! Не хочет позаботиться о младшем брате.*

Как положительную, так и негативную оценку может передавать ФС модели (11) **ну и + сущ. / глаг. / прил.**: *Ну и мастер! Ну и сильный! Ну и выступил!* (ср.: *Ну и мастер! Оказывается, эти изящные украшения сделал он. – Ну и мастер! Решил отремонтировать утюг и совсем его испортил*). Данная ФС синонимична структуре **что за + сущ.**

Предложения ФС (12) **какой это / он + сущ.** имеют варианты построения, определяемые значением и грамматическими признаками существительного в позиции переменного компонента. Во-первых, род и число этого существительного обуславливает соответствующую форму слова *какой*: *Какой это певец! Какая это певица! Какие это певцы!* Во-вторых, если переменный компонент выражается существительным со значением лица, то наряду с местоимением *это* может использоваться личное местоимение *он, она, они*: *Какой он певец! Какая она певица! Какие они певцы!* При нарицательном существительном используется только местоимение *это*. Характер оценки определяется контекстом. Основным средством дифференциации оценки в ситуации устного общения является интонация. Для выражения положительной оценки используется ИК-5, предложение, выражающее негативную оценку, оформляется при произнесении с помощью ИК-7.

1 Прочитайте предложения. Обратите внимание на то, что выделенные ФС могут выражать как положительную, так и негативную оценку. Назовите факторы, определяющие характер оценки (см. комментарий). Скажите, в какой ФС меняется интонация в зависимости от характера оценки. Произнесите ФС с нужной интонацией.

I. 1. Вот это смельчак! Не боится один охотиться на медведя! **2. Вот это смельчак!** Один вступил в борьбу с диким, разъярённым зверем! **3. Вот это смельчак!** Простого зайца испугался.

II. 1. Что за прелесть! Я хотела бы посадить такие же цветы у себя в саду. **2. Что за безобразие!** Опять кто-то курил в комнате. Полно дыму! Просто дышать нечем.

III. 1. Ну и строители! Не дом, а дворец выстроили. **2. Ну и строители!** После них приходится многое доделывать. **3. Ну и мастер!** Два часа возился с телевизором, а отремонтировать не смог.

IV. 1. Какой он музыкант! Я всегда восхищаюсь его игрой. **2. Какой он музыкант!** Он не учился в музыкальной школе, играет на пианино только в компании друзей. **3. Какой это был концерт!** Выступали все лучшие эстрадные артисты.

2

А. Выразите положительную оценку и аргументируйте её. Используйте ФС *вот это + сущ.* / *глагол.* и слова в скобках.

1. Другу подарили альбом с репродукциями картин Третьяковской галереи (подарок). 2. На столе вы видите прекрасные цветы (цветы). 3. Вы благодарите соседей за помощь (помощь). 4. На спортивной площадке мужчина много раз подтягивается, поднимает тяжести (здоровяк). 5. Пирог на этот раз получился на редкость удачным (пирог). 6. Петя неожиданно для всех убрал квартиру, и очень чисто (молодец).

Б. Измените предложения, составленные вами в пункте А, используя вариативные модели ФС со словом *вот*.

3 Включите следующие предложения в контекст, подчёркивающий значение негативной оценки.

Образец. Вот так подарок! Ей подарили книгу о кактусах, а она вообще не интересуется никакими комнатными цветами.

1. Вот так студент! 2. Вот это радость! 3. Вот помогли так помогли! 4. Вот это экскурсия так экскурсия! Вот так близко!

4 Закончите высказывания, данные в пункте А, вставив подходящие по содержанию предложения ФС *что за + сущ.* из пункта Б. Где возможно, дайте варианты.

А. 1. Со смотровой площадки Воробьёвых гор хорошо видна Москва: Москва-река, Новодевичий монастырь, стадион «Лужники» и даже золотые купола соборов Кремля.

2. Приятно в зимний день покататься на лыжах. Едешь по сказочному лесу: вокруг тишина, ветра нет, ветки деревьев покрыты инеем, лёгкие снежинки тихо опускаются на лицо, на землю, а небо голубое и солнышко поднимается над вершинами старых елей.

3. В конце апреля прямо из-под снега появляются первые весенние цветы подснежники, крокусы, чуть позже — примулы и ландыши. Скромные, неяркие, но такие нежные.

4. Ребята, _____. Я ведь просила сидеть тихо, не шуметь. У Иры завтра контрольная работа по математике. Она занимается.

5. Мы купались в море, загорали, лежа на тёплом песке, играли, потом опять бежали в воду. _____.

6. Катюша, ты отказываешься принимать лекарство, и бабушка стоит и уговаривает тебя. _____. Это очень некрасиво Ты ведь знаешь, врач сказала, что лекарство надо принимать обязательно, иначе ты будешь долго болеть.

7. _____. Кто-то разбил окно на третьем этаже и даже стёкла не убрал.

8. _____. Почему поздно вечером работает трактор и продолжают ремонт дороги?

9. Третьеклассников завтра ведут в зоопарк. _____.

Б. Что за безобразие!; Что за радость для них!; Что за грохот!; Что за красота!; Что за наслаждение!; Что за прелесть!; Что за удовольствие!; Что за крик!; Что за хулиганство!; Что за капризы!

5 Включите предложения в контекст, чтобы выразить **а)** положительную оценку, **б)** негативную оценку.

1. Что за дом! 2. Что за парк! 3. Что за стихи! 4. Что за ребёнок! 5. Что за юрист!

6 **А.** Закончите высказывания, поставив в начале **ФС что за + сущ.** Обратите внимание, что эта структура является здесь первой частью двухкомпонентного предложения, второй частью которого выступает приведённая инфинитивная конструкция. Включите в **ФС** слова *радость, прелесть, удовольствие, обида, огорчение, ужас, наслаждение.*

1. _____ получить долгожданное письмо! 2. _____ в жаркий летний день выпить холодного кваса. 3. _____ наблюдать, как играют маленькие дети! 4. _____ видеть страдания близкого человека. 5. _____ видеть успехи своих учеников! 6. _____ услышать несправедливые грубые слова от друга. 7. _____ оказаться ночью одному в лесу во время грозы!

Б. Включите в составленные вами **ФС** (пункт **А**) сочетание *для кого*, указывающее на субъект, например: *Что за удовольствие для детей играть в любимые игры!*

7 Произнесите предложения с интонацией, передающей положительную оценку, восхищение (ИК-5), а затем – с интонацией, выражающей негативную оценку (ИК-7). Включите предложения в контексты, раскрывающие одно и другое значения.

1. Какой это был музыкант! 2. Какой это был охотник! 3. Какие это (будут) каникулы! 4. Какая это помощь!

8 А. Определите по контексту, где ФС *какой это + сущ.* выражает положительную оценку, а где – отрицательную. Прочитайте предложения, следя за интонацией.

Б. Обратите внимание: 1) если ситуация относится к прошедшему или будущему, то в предложение включается соответствующая форма связки *быть*; 2) если оценка относится к лицу, то параллельно с местоимением *это* может использоваться личное местоимение *он (она, они)*.

1. Этого учёного все знают. Ведь какой он талант, какая это сила! 2. А какой он был труженик! Его жизнь, постоянно бодрая, деятельная, всегда была примером для меня. 3. Мы гуляли вдвоём. Боже мой! Какое это было счастье! В тот день я впервые поцеловал твою руку, и ты сжала в ответ мою (И. Бунин). 4. Какой это музыкант! Он играет на скрипке, но не очень хорошо. Он не учился в консерватории, только занимался два года с преподавателем. 5. Ничто не могло нарушить моего радостного, светлого состояния души. Какой это был вечер! Каким чудным светом озаряла нас постепенно угасающая заря! (В. Набоков). 6. Какой он спортсмен! Он занимается спортом только для удовольствия и ради здоровья.

9 Прочитайте высказывания. Передайте содержание выделенных предложений по-другому, используйте для этого нефразеологизированные предложения и соответствующие лексические средства.

1. Я очень люблю картину В. Серова «Девочка с персиками». *Какая это картина!* Она полна света, радости, жизни, надежды. 2. Два года назад была юбилейная выставка художника И. Левитана. Там были представлены все его лучшие картины. *Какой это был художник!* Выставка была открыта несколько месяцев, и залы всегда были полны посетителей. 3. Мы с друзьями едем на Камчатку. *Какое это будет путешествие!* Все с нетерпением ждут его. Маршрут очень интересный. Места там уникальные. 4. *Какой это воспитатель!* Не может придумать для детей интересное занятие. 5. *Какой это врач!* Коллеги его уважают и ценят, пациенты любят и прекрасно о нём отзываются. О таких врачах говорят «врач от бога». 6. *Какой это букет!* Три гвоздики и уже не очень свежие. Надо купить другой.

В. Серов. Девочка с персиками. 1887 г.

10 В предложениях задания 9 замените, где возможно, местоимение *это* личным местоимением *он*.

8→ 11 Возразите собеседнику, выразив противоположную оценку. Используйте ФС *какой это + сущ.* Введите в ФС, если необходимо, связку *быть* для указания на прошедшее или будущее время. Используйте существительные раздела «Для справки».

1. – Артист имеет большой успех. Зрители ему аплодируют. – ... 2. – Как хорошо, что вчера был дождь. Ведь две недели стояла сильная жара. Теперь цветы и овощи начнут расти очень быстро. – ... 3. – Зачем купаться в море, если рядом есть бассейн с морской водой. На море волны, и вода холоднее. А в бассейне всегда вода тёплая и спокойная. – ... 4. У тебя кашель? Чаше пей тёплый чай с мёдом и тёплое молоко. Это лучшее лечение! Кашель быстро пройдёт. – ... 5. Я не захотела идти в цирк, подумала, что сейчас школьные каникулы, и будет специальное представление для детей, а мне будет неинтересно. А тебе понравилось? – ... 6. – Ты так много рассказываешь о своей собаке, как будто она необыкновенная. Ты что, очень любишь её? – ... 7. Ты была в Санкт-Петербурге уже три раза и опять собираешься поехать туда летом. Ты, наверно, всё уже там знаешь. – ... 8. – Некоторые люди любят перечитывать знакомые произведения, стихи. Разве это интересно? Ведь содержание они прекрасно помнят! – ... 9. Ты говоришь, что устала за неделю и хочешь в субботу отдохнуть, развлечься? Тогда давай пойдём в Оперный театр. Там будет опера Верди. Я куплю билеты. – ...

Для справки. Радость, удовольствие, успех, плавание, развлечение, собака, представление, наслаждение, город, отдых.

IV. ФС, выражающие нейтральную оценку

IV. ФС, выражающие нейтральную оценку. Данное значение передают предложения ФС (13) *сущ. + как + сущ.*: *Лес как лес. Неделя как неделя.* Такие построения функционируют как самостоятельные предложения или принимают в свой состав подлежащее, т.е. выступают в роли сказуемого двусоставного предложения: *Все они – люди как люди.*

Предложения могут включать компонент с обстоятельственным значением (*Вчера был день как день; В школе он мальчик как мальчик*) или словоформы *кому, для кого, у кого* для обозначения воспринимающего или оценивающего субъекта (*Для меня он ребёнок как ребёнок; Для меня (мне) все люди как люди; У меня эта неделя как неделя*).

Включение в данную ФС вместо имени нарицательного имени собственного видоизменяет её смысл: она указывает на неизменность свойств, поведения объекта в течение определённого отрезка времени. Так, заголовок газетной статьи «*Рим как Рим*» не содержит смысла ‘Рим – это самый обычный город’, а означает, что говорящий увидел и на этот раз Рим таким же, как и прежде, ни в чём не изменившимся, таким же, как всегда. Ср. также: *Саша как Саша. По-прежнему увлекается шахматами, книгами и не любит спорт.*

Союз *как* может соединять две одинаковые формы существительного в косвенном падеже с предлогом, обычно в значении обстоятельства места: *На войне как на войне; В Арктике как в Арктике.* Цель таких предложений – подчеркнуть, что в данном месте ничего особенного, выходящего за рамки нормы, не происходит.

ФС (14) *сущ. + и + сущ.*, включающая повторяющееся существительное и союз *и* (*Лес и лес. Концерт и концерт. Студент и студент*), синонимична структуре *сущ. + как + сущ.*: – *Тебе нравится этот лес? – Лес и лес (или Лес как лес). Ничего особенного.* Специфика этой ФС в том, что значение оценки сопровождается в ней эмоциональным компонентом безразличия, отстранённости и поэтому может ослабляться и переходить в значение пассивного принятия: – *Смотри, вдали появился лес! – Ну и что? Лес и лес.* (Ср. *Лес как лес). В данной структуре невозможна другая форма существительного, кроме формы именительного падежа, что, как отмечалось, допускает ФС со словом *как*.

1 Прочитайте предложения, выражающие нейтральную оценку. Определите в них модель ФС. Скажите, что в контексте подчёркивает характер оценки.

1. Почему вам так нравится этот лес? Лес как лес. Деревья не очень высокие, берёзки, осины, ёлочки, трава не очень густая. В этих местах таких лесов много. 2. Не понимаю вашего восторга. Спектакль и спектакль. Ничего особенного. 3. Почему вам не нравится отдыхать в этой деревне и вы хотите поехать в другую? Деревня как деревня. Свежий воздух, лес, есть река, правда, не очень широкая, но купаться можно. 4. Сейчас многие хвалят новый роман Алексева. Я прочитала его. Читается легко, а тема традиционная, сюжет стандартный, в общем, роман как роман.

2 Прочитайте диалоги. Согласны ли вы, что описанная ситуация является обычной и соответствует данной оценке? Как вам кажется, говорящий оценивает ситуацию (или объект) как обычную, так как 1) она действительно является такой; 2) он из скромности представляет её как обычную; 3) ситуация кажется обычной для данного лица, а для других она является необычной; 4) говорящий хочет сделать сюрприз собеседнику и скрывает, что ожидается что-то особенное?

1.
– Таня, что происходит? У нас сегодня какой-то особенный день?
– Нет, день как день. Солнце светит, птицы поют, люди спешат по своим делам. Ничего особенного.
– Нет, я же вижу. Ты одета нарядно, готовишь что-то особенное к ужину, признайся, в чём дело?

2. Из интервью с известным музыкантом.
– Илья Николаевич, расскажите о своём детстве. Что вам в нём особенно запомнилось?
– Было детство как детство. Я был обычным мальчиком. Учился нормально. Свободное время проводил на улице. Много времени проводил на даче. С трёх лет увлекся музыкой. Слушал радио, записи музыкантов. В доме был рояль, я потихоньку сам стал играть.

3.

- Все говорят, что свадьба у Светы и Виктора была просто замечательная. Это так?
- Я бы сказала, это была свадьба как свадьба. Шумная, весёлая. Гости кричали «Горько!» Соседей, заглянувших «на огонёк», радушно приглашали к столу. Веселились до позднего вечера.

4. *Из разговора о молодом популярном писателе.*

- Говорят, он написал новую книгу, роман с необычным сюжетом?
- Ну и что? Какая-то необыкновенно интересная книга, что ли? Ничего особенного. Книга как книга!

→ **3** Добавьте вторую реплику диалога, чтобы показать, что объект или ситуация в целом соответствуют норме, являются обычными. Аргументируйте своё мнение.

1.

- Какие у вас на даче цветы красивые, необычные! Наверно, земля очень хорошая.
- ...

2.

- А почему ты не хочешь носить это пальто? Оно очень модное.
- ...

3.

- Фрукты в этом магазине продают замечательные. Красивые, вкусные, свежие.
- ...

4.

- Он замечательный шахматист. Вчера выиграл у меня две партии!
- ...

4 Возразите, указав, что объект, о котором идёт речь, ничем не выделяется среди других однотипных, не обладает теми высокими качествами, которые ему приписывает ваш собеседник. Аргументируйте своё мнение. Используйте ФС нейтральной оценки.

- 1. – Ну и концерт вчера был! Ничего подобного раньше мы не видели. Просто восхитительно! – ...
- 2. – Да, это настоящий король шахмат! Какой яркий талант! Бле-

стояще играл! – ... 3. Наконец-то мы побывали на настоящем курорте! – ... 4. – У нас сегодня был просто ужасный день. Совещание, постоянные звонки и очень много посетителей! – ... 5. – Вот это ребёнок! Такой умный! Всё знает, не смущается, общительный и читать умеет! – ...

5 Закончите высказывания, указав обстоятельства, факты, явления, которые изменили обычную ситуацию, сделали её хуже или лучше.

Образец. Мы гуляли в парке. Был день как день. Тихо, спокойно. Вдруг... – Мы гуляли в парке. Был день как день. Вдруг поднялся ветер, солнце спряталось, небо закрыли тёмные тучи, сверкнула молния. Приближалась гроза. Мы поспешили домой.

1. В конце соседней улицы есть трёхэтажное кирпичное здание, самое обычное. Дом как дом. Мы на него никогда не обращали особого внимания. А недавно по телевизору была передача об исторических местах нашего района и мы узнали...

2. Раньше здесь был лес как лес. Березы, клёны, тропинки. Но вот в прошлом году...

3. В прошлом году никаких неожиданностей с погодой не происходило. Зима была как зима, и лето было как лето. Тёплое, с летними тёплыми дождями. А этим летом неожиданно...

4. До девятого класса Серёжа Михайлов ничем не выделялся в классе. Ходил на уроки, получал четвёрки, пятёрки, иногда тройки. Играл в футбол с друзьями. Одним словом, был ученик как ученик. А вот в девятом классе, уже с сентября...

5. В магазине я увидела туфли. Простые, скромные, но очень удобные. Туфли как туфли. И наверно, недорогие. Я уже собралась их купить...

6. Николай, неплохой ученик, тихий, спокойный, написал сочинение «Кем я мечтаю стать». Я прочитала первую страницу. Сочинение как сочинение. Только одна ошибка. Начинаю читать дальше и удивляюсь...

Обобщающие задания на употребление всех подгрупп ФС со значением оценки

1 Используйте подходящую ФС, выразите восхищение...

1) дружной семьёй; 2) художником, с картинами которого вы познакомились; 3) прекрасной картиной; 4) выдающимися способностями молодого математика; 5) смелым решением экспериментаторов; 6) самоотверженным поступком; 7) яркой необыкновенной жизнью учёного, артиста.

2 Выразите одобрение по поводу того, о чём говорится в предложении. Используйте ФС, которая наиболее подходит к описанной ситуации.

1. Другу подарили ко дню рождения ценные марки, а вы знаете, что он страстный коллекционер. 2. Вы побывали в Сокольниках, и этот парк вам очень понравился. 3. Вас поразили голос певицы на концерте. 4. Вы очень довольны своим отдыхом на море. 5. Наконец-то вы нашли мастера, который починил вам старинные часы, вашу семейную реликвию. 6. Сын достал билеты на самолёт, сделал необходимые покупки к отъезду и этим очень помог вам. 7. Вы хотите убедить друга, что альбом для фотографий – вполне подходящий подарок для девушки, к которой вы приглашены на день рождения.

3 Вставьте одно из предложений, учитывая ситуацию.

I. Тоже мне подарок!; Чем не подарок!; Ох уж этот мне подарок!

1. – Ты знаешь, я решил подарить друзьям на свадьбу чайник. Подойдёт? – ... Разве на свадьбу дарят чайник? Это ведь не новоселье. 2. Вчера я весь день искал подарок Свете на день рождения. ... Столько времени затратил и к семинару не подготовился. 3. Знакомые подарили моим соседям набор удочек. ... У них никто не занимается рыбной ловлей, и даже за город они не ездят. 4. – Ты купила подарок для Иры? – ... Всю неделю думаю, что бы такое купить необычное, и ничего не придумала. 5. Мы решили подарить Владимиру книгу о шахматах и шахматистах. ... Он ведь интересуется шахматами, записался в шахматную секцию.

II. Тоже мне телевизор!; Ну что за телевизор!; Телевизор как телевизор; Ох уж этот телевизор!

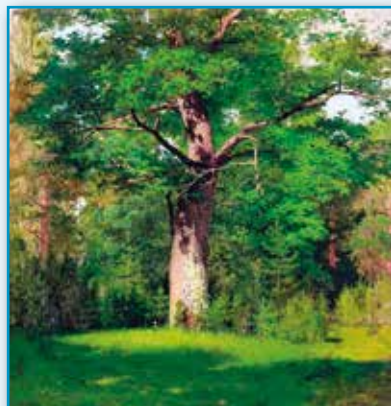
1. ... Экран маленький, изображение неважное, звук слабый. 2. ... Опять изображение пропало. Только два дня прошло после последнего ремонта. 3. ... Опять дети весь вечер провели у телевизора, а уроки не сделали. 4. ... Все деньги, которые мы собирали на поездку во Владимир, ушли на него. 5. – Смирновы купили вчера новый телевизор. Такой большой! Может быть, и мы купим себе новый? – Я думаю, не стоит. Правда, у нашего телевизора экран не такой большой, но он почти новый и работает хорошо. ...

III. Тоже мне певец!; Что за певец!; Какой это певец!; Ох уж этот мне певец!

1. ... Такую простую мелодию и ту спел с ошибками! 2. ... Уже третий его концерт отменяют. Говорят, он болен. 3. ... С самого утра начинает репетировать и не даёт нам спать. 4. ... Не смог взять такую простую ноту. 5. ... Всегда для него надо создавать особые условия. 6. В пятницу в консерватории будет концерт оперного певца Федора Тарасова. Я обязательно пойду. Я уже слушал его. ... Хочешь, пойдём вместе? Концерт тебе понравится.

8 → 4 Вставьте подходящий синтаксический фразеологизм со значением оценки.

1. Не знаю, что вас так восхищает в этом художнике? ... И сюжеты выбирает стандартные, и манера у него довольно традиционная. 2. Стоило ли с таким докладом выходить на трибуну? Ни одной дельной мысли! ... 3. *(Обращение к ребёнку)* ... Опять все игрушки разбросал! Ну-ка убирай всё! Сейчас спать будешь. 4. *(О каких-то людях)* ... Всегда всех осуждают, всем недовольны, всё им не нравится. 5. *(О соседях)* а) ... Даже не знают, как друг друга зовут. б) ... Всегда помогут, если понадобится, приятные общительные люди. 6. Мы телеграмму получили. Завтра наш сын, Федя, приезжает. ... 7. Никто не мог отремонтировать телевизор, а он разобрался. ... 8. ... Из простой ткани такое нарядное платье сшила. 9. А я считаю, что эти марки подойдут ему для подарка. ... Марки красивые, посвящены спорту, а он увлекается спортом, марки ему наверняка понравятся. 10. Не понимаю, почему ты решил поменять комнату. ... Она ничем не хуже других в этой гостинице. 11. Такой большой, а обижаешь малыша. ... Тебе должно быть стыдно. 12. *(О старом огромном дубе на опушке леса)* ... Никогда не видел такого красивого мощного дерева. Сколько же ему может быть лет? 13. — Ты знаешь, по радио передавали, что завтра опять будет дождь. — ... Они нам и так весь отдых испортили — не погуляешь, не позагораешь, даже из дома выходить не хочется.

И. Левитан. Дуб. 1880 г.

5 Что вы скажете в следующих ситуациях, чтобы выразить оценку? Используйте подходящую ФС.

1. Вас разочаровал спортсмен, показавший невысокий результат в беге. 2. Вы хвалите младшего брата, который выполнил все ваши поручения по дому. 3. Вы в восторге от увиденного балета. 4. Вам надоела зима, она очень долгая, вы мечтаете о весне. 5. На вопрос вашей подруги, стоит ли смотреть этот спектакль, вы отвечаете, что он самый обычный, традиционный.

6 Выберите из предлагаемого ряда слов одно или два существительных и включите каждое в разные синтаксические фразеологизмы, выражающие различную оценку. Затем включите ФС в контекст, раскрывающий их значение.

Праздник, отдых, работа, радость, обед, комната, студент, помощник, музыкант.

Образец. Праздник 1. Вот это праздник! Давно мы так не веселились! 2. Ну и праздник! Везде тихо, ни музыки, ни веселья, даже зал не украсили, а ведь сегодня

Новый год! 3. Тоже мне праздник! Все веселятся, а мы должны работать. 4. Ох уж этот мне праздник! Мы готовимся к нему уже неделю. Столько времени тратим! 5. Почему ты считаешь, что праздник проходит плохо? На улицах праздничные флаги, в парке музыка, играет духовой оркестр, на танцплощадке танцы и весёлые игры. Чем не праздник!

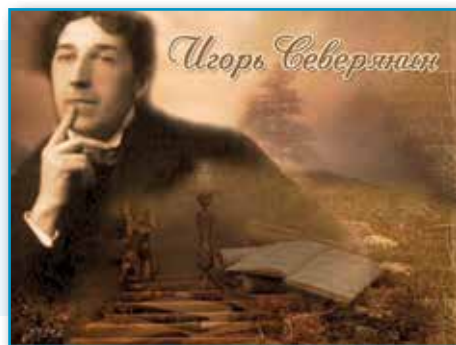
➔ **7** Вставьте ФС со значением оценки.

Юля бывает не всегда в хорошем настроении и иногда ведёт себя не очень тактично. Недавно был такой случай. Маша пригласила нас в гости. К чаю она испекла пирог. Он был красивый и очень вкусный. Мы хвалили пирог. Ира сказала: «...» Наташа добавила «Я такого пирога никогда не ела! ...» А Коля восхитился Машей и её умением: «...» Маше было очень приятно, но она скромно говорила: «Спасибо, вы очень добры. Это обычный пирог. ...» Всё было мило и приятно. И тут вдруг Юля сказала: «А мне пирог совсем не понравился. ... Тесто совсем не пышное и джема мало». Все замолчали, смотрели на Юлю. Я её толкала ногой под столом, чтобы замолчала. А она не остановилась и добавила: «Нужно было другой рецепт выбрать». Конечно, настроение у всех было испорчено.

8 Прочитайте начало стихотворения И. Северянина. Найдите в нём предложения ФС. Определите их значение. Скажите, какую роль играет использование ФС в данном поэтическом тексте?

Русская

Кружевет, розовеет утром лес,
Паучок на паутине вверх полез.
Бриллиантится весёлая роса;
Что за воздух! Что за свет! Что за краса!
Хорошо гулять утрами по овсу
Видеть птичку, лягушонка и осу.

9 Опишите картинку. Ответьте на вопросы, используя ФС оценки.

1. Как ведёт себя ребёнок? Почему? Как вы оцените его поведение? 2. Как вы думаете, была ли эта ситуация только один раз или она повторяется? 3. Что думает мама об этой ситуации? 4. Что говорит мама ребёнку о еде, которую она даёт сыну? 5. Как вы думаете, что сказал бы малыш о еде, если бы он уже умел говорить? 6. Что вы скажете о папе? Какую роль он выполняет в этой ситуации? Любит ли он сына?

Обед ребёнка

10 Опишите картинку, используя ФС оценки.

Новый костюм

КЛЮЧИ

I. 4 В 2)

Всем блинам блин

Самый большой в мире блин испекли кулинары из местечка Плюарзель на юге Франции. Его размеры: более шести метров в диаметре, а общая площадь превышает 28 квадратных метров. На его изготовление было затрачено почти 150 килограммов теста. Самый большой в мире блин, по свидетельству местных жителей, не вышел комом. Плюарзельцы надеются, что их достижение будет зарегистрировано в знаменитой Книге рекордов Гиннеса.

II. 4 (3 первых предложения). 1. Ох уж эти мне морозы! Такие сильные морозы держатся уже неделю. 2. Ох уж этот мне муж! Никак не приучится убирать газеты на место; Ох уж эти мне газеты! Всегда из-за них в комнате беспорядок 3. Ох уж эти мне домашние дела! Они отнимают слишком много времени.

III. 11 (4 первых предложения). 1. Какой это успех! Зрители всегда аплодируют, но в зале-то половина свободных мест. 2. Какой это был дождь. Он продолжался всего полчаса, да и был не очень сильный. Сегодня земля уже сухая. После такой жары нужен сильный дождь. 3. Какое это плавание в бассейне! Когда плывёшь в море, и солнце, и небо, и волны, и морской воздух, — всё вызывает радость! 4. Чай с мёдом! Какое это лечение! Кашель у меня уже две недели. Без лекарств не обойтись. Надо идти к врачу.

IV. 3. 1. Нет, здесь земля как земля, самая обычная. Просто мы любим цветы и ухаживаем за ними. 2. Может быть, оно и модное, но фасон очень простой и сшито из обычной ткани. Пальто как пальто 3. Мне кажется, фрукты как фрукты. Сейчас лето, и такие фрукты можно купить в любом магазине. 4. Он шахматист как шахматист. Просто ты ещё не очень хорошо играешь. Ты ведь начинающий шахматист.

Обобщающие задания

3. I. 1. Тоже мне подарок! 2. Ох уж этот мне подарок! 3. Тоже мне подарок! 4. Ох уж этот мне подарок! 5. Чем не подарок!

II. 1. Тоже мне телевизор! 2. Что за телевизор! 3. Ох уж этот телевизор! 4. Ох уж этот телевизор! 5. Телевизор как телевизор.

III. 1. Тоже мне певец! 2. Что за певец! / Ох уж этот мне певец! 3. Ох уж этот мне певец! 4. Тоже мне певец! 5. Ох уж этот мне певец! 6. Какой это певец!

4. 1. Художник как художник. 2. Тоже мне выступил! / Тоже мне докладчик / Ну и докладчик! 3. Ах ты баловник! 4. Что за люди! 5. а) Тоже мне соседи! / Что за соседи! б) Что за соседи! / Вот это соседи! 6. Вот это радость! / Ай да Федя! 7. Вот так мастер! / Вот мастер так мастер! / Ай да мастер! 8. Ай да мастерица! / Вот это мастерица! 9. Чем не подарок! 10. Комната как комната. 11. Ах ты хулиган! 12. Вот это дуб! / Всем дубам дуб! 13. Ох уж эти мне дожди!

7. Ай да пирог! / Вот это пирог!; Всем пирогам пирог!; Ай да Маша! / Ай да молодец!; Пирог как пирог!; Тоже мне пирог! / Какой это пирог!

Литература

1. Величко А.В. Синтаксическая фразеология для русских и иностранцев. М., 1996.
2. Величко А.В., Красильникова Л.В., Кузьминова Е.А и др. Книга о грамматике / Под ред. А.В. Величко. М., 2009.
3. Русская грамматика: В 2 т. М., 1980. Т. II.

A.V. Velichko

PHRASEOLOGIZED SENTENCES WITH THE MEANING OF EVALUATION

Phraseologized sentences, Russian syntax, semantic and communicative aspects.

The proposed design of the system of tasks and exercises is devoted to a striking and specific phenomenon of the Russian syntax – phraseologized sentences. It includes comments, exercises and assignments which are aimed at the study of the group of phraseologized sentences expressing evaluation. The assignments contribute to mastering of structural, semantic and communicative peculiarities of such sentences. The materials are addressed to foreign learners of II and III certificate levels of general proficiency in Russian.

С.В. Абрамова

abramova@uw.edu

канд. пед. наук, доцент
кафедры языкознания
Московского института
открытого образования,
преподаватель кафедры
славянских языков и литературы
университета Вашингтона
Сиэтл, США

Э.Г. Азимов

azimov@yandex.ru

д-р пед. наук, профессор
Государственного института
русского языка им. А.С. Пушкина
Москва, Россия

Современные американские учебники по РКИ

Учебник, преподавание РКИ в США, университеты, страноведение, веб-приложение, Интернет, коммуникативная компетенция.

В статье рассматриваются новые типы учебников и учебных пособий по РКИ, изданных в США. Эти учебники отражают новые подходы в преподавании РКИ в США. Описываются их цели, содержание и структура. Особое внимание уделяется веб-приложениям к учебникам.

Теория и практика создания учебников всегда вызывает интерес методистов. Методика постоянно развивается, возникают новые концепции и методические решения, появляются новые группы изучающих русский язык, меняются условия изучения языка и его цели. Все эти и другие причины вызывают необходимость создания новых учебников. В журнале «Русский язык за рубежом» часто появляются различные статьи и обзоры, посвященные современным учебникам русского языка, теории и практике их создания [1]. В отдельных странах складываются различные традиции создания и использования учебников по РКИ [2]. На американском рынке книжной продукции можно найти значительное количество учебников и учебных пособий

по русскому языку, рассчитанных на различные категории учащихся и ориентированных на различные методические концепции и др. Следует отметить, что в США (как и во многих странах) не существует какой-либо организации, регулирующей издание учебников и присваивающей им гриф. Издание учебников (по крайней мере учебников иностранных языков) во многом определяется политикой тех или иных издательств и потребностями книжного рынка. Достаточно полный обзор учебников и пособий для изучающих русский язык в США представил Б. Рифкин [6]. Этот обзор включает издания, опубликованные до 2000 г.

Почти все рецензируемые ниже учебники написаны известными русистами, про-

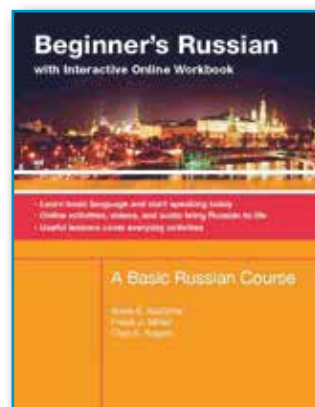

фессорами американских университетов (только учебник *Advanced Russian: From Reading to Speaking* написан в соавторстве с преподавателем МГУ им М.В. Ломоносова И.В. Одинцовой). Эти учебники отражают высокий профессиональный уровень авторов, их большой педагогический опыт. Имеющиеся в настоящее время на американском книжном рынке учебники по РКИ можно условно разделить на несколько групп. Эта классификация не претендует на строгую научность, она скорее отражает определенные тенденции в практике создания и использования учебников по РКИ.

1. Учебники, ориентированные на формирование коммуникативной компетенции в соответствии с определенным этапом обучения.
2. Учебники, направленные на обучение лексико-грамматическому аспекту.
3. Учебники, ориентированные на изучение языка в туристических целях.
4. Учебники и пособия, ставящие задачи обучения страноведческому аспекту.

В последние годы стали издаваться учебники русского языка для русскоязычных учащихся, которых в США принято называть наследственными носителями русского языка (*Russian heritage speakers*) [3–5], в том числе и проживающих в США. Эта группа учебников требует специального рассмотрения. Совершенно особую группу представляют собой издания, посвященные жаргонной или ненормативной лексике, хотя в них можно часто найти примеры употребления живой разговорной речи.

Следует подчеркнуть, что само деление на учебники и учебные пособия не всегда четко прослеживается в рассмотренных нами публикациях. Учебником мы будем считать учебную книгу, которая ставит задачу обучения всем четырем основным видам речевой деятельности.

1. Anna Kudyma, Frank Miller, Olga Kagan. *Beginner's Russian with Interactive Online Workbook: A Basic Russian Course*. NY, 2011.

Этот учебник относится к ярко выраженным коммуникативным учебникам, он ориентирован на обучение русскому языку с нуля. Каждый урок учебника включает в себя 6 основных рубрик *Vocabulary and Themes, Phonetics, Grammar, Communicative Situations, Texts, Culture*. В учебнике представлены такие темы, как «Выходные», «Где вы живете», «Ваши соседи», «Семейный фотоальбом» и др. Среди страноведческих тем можно выделить такие темы, как «Квартиры в России», «Русская еда», «Университеты в России», «Российские города» и др. Учебник хорошо иллюстрирован, он включает различные коммуникативные задания, аутентичные тексты, в том числе объявления, анкеты, карты, билеты, схемы метро и др. Грамматические комментарии даны на английском языке с учетом возможных ошибок и трудностей англоязычных студентов и вполне достаточны для понимания употребления той или иной конструкции в речи.

Достоинством учебника является то, что в нем большое внимание уделяется современным электронным средствам общения: приводятся образцы электронных писем, блогов, форумов, веб-страниц. Часто встречаются реальные коммуникативные задачи, например: подготовить веб-страницу, провести интервью или анкетирование, принять участие в обсуждении и др. Все это дает современным студентам стимул и мотивацию для изучения языка.

Высокой оценки заслуживает специальная веб-страница учебника (www.russian.ucla.edu/beginnersrussian), которая является важной составляющей всего учебного курса. Веб-страница содержит разделы для преподавателя (The Teacher's Corner) и для студентов (The Student's Corner). Раздел для студентов называется Interactive Workbook. Каждый раздел веб-сайта, соответствующий уроку учебника, включает в себя видеointервью и аудиоматериалы, а также упражнения и задания. К каждому уроку имеется подкаст с комментариями преподавателя. Многие задания и упражнения, связанные с чтением, письмом и аудированием, используют компьютерные программы, которые рассчитаны на самообучение. Устные ответы учащихся могут быть записаны в отдельный файл и направлены по электронной почте преподавателю для последующего анализа.

Веб-страница для преподавателей содержит тесты и задания с ключами для работы как во время аудиторных занятий, так и для самостоятельного изучения языка (задания с использованием компьютерных программ). В отдельном разделе веб-страницы есть записи всех диалогов, переводы интервью, ключи к упражнениям и др. Для студентов и преподавателей предоставлена возможность принять участие в дискуссии по проблематике учебника, обмениваться опытом преподавания и изучения русского языка. Авторы отмечают, что материалы веб-сайта позволяют учащимся изучать язык как самостоятельно, так и в аудитории под руководством преподавателя.

2. Sophia Lubensky, Larry McLellan, Gerard L. Ervin, Donald K. Jarvis. Начало / Nachalo. NY, 2001.

Этот учебник в двух книгах также предназначен для студентов университетов (колледжей) начального уровня владения русским языком. Он входит в комплект материалов, включающий в себя учебник (издание для студентов и издание для преподавателей – с ответами и пояснениями), CD – аудиозапись материалов для чтения, DVD – видеофильм-сопровождение (герои курса в различных речевых ситуациях, съемки в Москве), рабочую тетрадь, пособие для лабораторных работ для студентов, CD с аудиоматериалами к

рабочей тетради, CD-ROM с упражнениями, сайт www.mhhe.com/nachalo со ссылками на русские ресурсы с материалами уроков курса, пособие для студентов о приемах и стратегиях изучения иностранных языков, видео-словарь и краткую культурно-историческую энциклопедию на CD-ROM.

Курс содержит 14 уроков по таким темам, как «Добро пожаловать в Россию!», «Наш новый дом», «Мы и наши соседи», «Вы говорите по-русски?» и др. Каждый урок открывает список умений, которые учащиеся должны приобрести к концу изучения темы. Урок состоит из четырех частей, которые имеют одинаковую структуру и содержат следующие разделы: «С чего начать» (картинка с коммуникативной ситуацией), «Чтение» (тексты, диалоги, краткие грамматические пояснения), «Грамматика и практика» (культурно-исторические пояснения), «Слова, слова...» (тематический словарь с пояснениями лексического и словообразовательного характера). Последняя часть («Культура речи») включает в себя диалоги, которые, несмотря на некоторый налет книжности (полные предложения, отсутствие характерных разговорных синтаксических конструкций, разговорной и сленговой лексики), насыщены полезными, высокочастотными оборотами и выражениями, сопровождаются закрепляющими заданиями и материалами для самопроверки. Уроки заканчиваются разделом «Что я знаю, что я умею» (перечень приобретенных знаний и умений в области грамматики, список новых слов и обобщающие грамматические таблицы по текущей грамматической теме).

Учебник носит выраженную коммуникативную направленность. Задания и упражнения обращены на развитие речи (навыков общения) на основе сознательного изучения грамматики: тренировочные упражнения на подстановку слов в нужной грамматической форме в заданный контекст; грамматические упражнения на определение начальной грамматической формы слов в предложениях; упражнения с коммуникативным заданием (даже на самых ранних стадиях изучения), например, написать список достоинств и недостатков снимаемой квартиры; упражнения на выбор и сопоставление (mix and match) полных и кратких имен, оригинальных и переводных названий классической литературы; упражнения на конструирование путем подстановки слов из списка в заданную синтаксическую конструкцию, отвечающую определенной коммуникативной задаче (*Какая большая квартира! Какой красивый кот!*). Уделяется внимание работе в парах или группах: речевые упражнения с заданной коммуникативной ситуацией (описывается по-английски), с поставленными или открытыми заданиями; речевые упражнения для группы типа «снежный ком»: каждый следующий студент в цепочке добавляет свое высказывание по теме и повторяет предыдущие высказывания; упражнения на определение типа интонации; работа в парах: один студент читает, другой отмечает тип интонации, затем наоборот; фонетические упражнения на определение звуков в словах, произнесенных инструктором. Средства контроля (тесты) не содержатся в самом учебнике, а размещены отдельно.

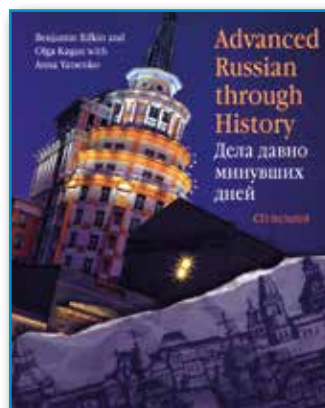
Страноведческому содержанию учебника уделено большое внимание. В рубрике «О России» дается информация о русском алфавите, школьных оценках, русских именах и отчествах, почте, больничном листе в России и пр. Представленные на страницах учебника телевизионные программы, рекламные объявления из газет, билеты, карты, программы телевидения аутентичны. Множество фотографий видов Москвы и ситуаций городского общения (на рынке, в ГУМе, на Арбате и др.), российских писателей и деятелей культуры (А. Чехов, Г. Каспаров, М. Пли-

сецкая), фотографий и рисованных изображений героев курса в различных ситуациях общения, грамматические таблицы, карты, копии билетов служит прекрасной иллюстрацией страноведческому содержанию учебника. Можно отметить забавное объяснение фонетических законов русского языка: the Stroganoff effect – оглушение звонких согласных в абсолютном конце слова, the vodka effect – ассимиляция согласных по признаку глухости в середине слова.

В учебнике предусмотрена самостоятельная работа студентов с дополнительными материалами: аудиозаписями (для отработки навыков чтения, правильной интонации и произнесения, слушания и понимания), рабочей тетрадью (навыки письменной речи и грамматические упражнения), интерактивные упражнения на разные виды речевой деятельности. «Начало» можно считать очень удачным и современным учебником, о нем хорошо отзываются как преподаватели, ценящие хорошо методически разработанный, полный, насыщенный дополнительными материалами учебный комплект, так и студенты, которым нравится интересный сюжет и фильм.

3. Benjamin Rifkin, Olga Kagan, Anna Yatsenko. Advanced Russian Through History / Дела давно минувших дней. Yale University Press. New Haven and London, 2007.

Этот учебник рассчитан на американских учащихся продвинутого этапа, а также на американских студентов с родным русским языком. Авторы указывают, что учебное по-

собрание адресовано учащимся, которые имели примерно 350 ч. аудиторных занятий. Пособие состоит из нескольких частей:

- а) печатное издание, включающее 36 глав с аутентичными текстами, посвященными истории России со времен Киевской Руси до постсоветской эпохи;
- б) мини-лекции (3–7 мин.) по темам, записанные на CD;
- в) задания и упражнения, размещенные на сайте www.yalebooks.com/advrusherist.

Важно подчеркнуть, что аудиотексты на компьютерном диске не являются повторением печатного текста, они содержат дополнительную информацию или стимулируют дискуссию.

В заданиях на сайте есть ссылки на художественные или документальные фильмы, связанные с темой урока. Таким образом, учебник ставит задачу обучения не только чтению, но и всем основным видам речевой деятельности. Все это обеспечивается наличием разных текстов (печатных, аудитивных, аудиовизуальных), особой системой заданий и упражнений на сайте. К каждой теме авторы предлагают 25 заданий, разделенных на несколько групп:

- 1) предтекстовые задания, рассчитанные на подготовку чтения специального текста;
- 2) задания после чтения или при повторном чтении, рассчитанные на проверку понимания текста;
- 3) задания после чтения, направленные на развитие коммуникативных умений ведения дискуссии, на создание развернутого монологического высказывания, письменного текста на заданную тему.

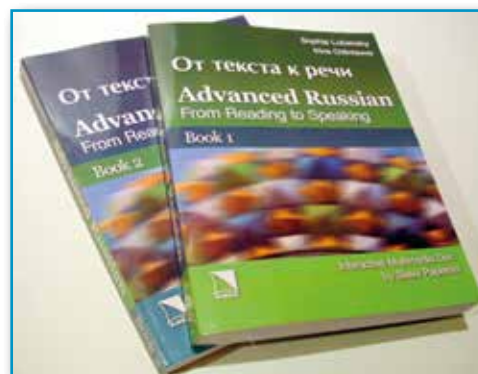
Особенно интересными представляются задания последней группы: аудирование

и обсуждение мини-лекции, подготовка презентации по теме лекции, просмотр и обсуждение видеофрагмента по теме фильма, проведение дискуссии, письменная работа по теме лекции. Упражнения и задания могут быть лексико-грамматическими (определение словообразовательной модели, однокоренных слов, анализ особенностей грамматических форм, структуры предложения, перевод), так и коммуникативными – сокращение текста по определенным параметрам, переформулировка информации, выделение главного в тексте и др.

Весьма информативными являются в печатном пособии разделы для преподавателя (Preface to Teachers), для студентов (Preface to Students), а также раздел Reading Strategies, в котором рекомендуются различные стратегии чтения научного или публицистического текста, описывается система организации учебной деятельности на основе материалов учебника.

4. Sophia Lubensky, Irina Odintsova, Slava Paperno. Advanced Russian: From Reading to Speaking. An Interactive Multimedia Language Course. Two volumes and an interactive multimedia DVD. Ithaca, NY, 2009.

Этот курс создан для студентов колледжей, которые уже по крайней мере 2 года изучали русский язык. Он может быть также использован учащимися, у которых русский язык является родным (heritage speakers), но которые нуждаются в практике языка для развития речи, исправления ошибок и неточностей.

Полный комплект материалов курса состоит из следующих частей:

а) учебник *Advanced Russian*, включающий тексты, задания, биографии писателей, словарь;

б) пособие по грамматике *Grammar Supplement*, включающее объяснения и комментарии, задания и упражнения, ключи к заданиям в учебнике;

в) интерактивные мультимедиа материалы на DVD-ROM;

г) 3 DVD (*Russian Stories on Your Screen*).

Все эти части комплекса взаимосвязаны, и, по мнению авторов, наибольший эффект достигается при их совместном использовании.

Печатный учебник состоит из 6 частей, каждая часть включает неадаптированный художественный текст, написанный одним из известных современных писателей (Михаил Мишин, Людмила Улицкая, Михаил Веллер, Сергей Довлатов, Дина Рубина, Андрей Герасимов). Последние 2 части учебника дополнены песнями и поэтическими произведениями. Это сделано для более полного понимания литературного произведения и культурного контекста.

Каждая часть учебника состоит из следующих разделов:

1) «Слово и текст» (предтекстовые задания, упражнения и комментарии);

2) «Текст» (основной текст, стилистические, лингвострановедческие и страноведческие комментарии к тексту);

3) «Текст и его смысл» (послетекстовые задания, направленные на проверку его понимания);

4) «Слово и контекст» (активизация и развитие лексического запаса на основе прочитанного текста);

5) «Текст и речь» (расширение лексического запаса, развитие речи на

основе творческих заданий и упражнений, формирование умений анализа текста, его интерпретации);

6) «Активная речь» (слова и конструкции, которые должны быть использованы в речи учащихся, сопровождающиеся грамматическими и лексико-семантическими комментариями).

В учебнике приводятся ключи к разделам 1, 2, 4, кроме тех случаев, когда ответы учащихся невозможно спрогнозировать (*assignments are open-ended*). В разделе 5 почти все задания предполагают творческие, непредсказуемые ответы учащихся.

Дополнительные тексты для чтения, которые включены в каждый раздел, могут быть использованы в качестве новых источников для понимания основного текста, для творческих заданий и эссе.

Грамматическое приложение *Grammar Supplement* ставит своей целью рассмотреть и объяснить важные для продвинутого этапа грамматические явления и конструкции, которые обычно вызывают затруднение у англоговорящих студентов: обозначение бытия (существования), выражение времени и условия, выражение эмоционального состояния и экспрессии, прямая и косвенная речь, выражение начала, продолжения и завершения действия и др. Каждая грамматическая или функционально-семантическая тема содержит объяснения и комментарии, а также упражнения и задания с ключами.

DVD включает все основные видеоматериалы к курсу (чтение текста вслух, его исполнение актерами). DVD-ROM, кроме видео, которое сопровождается печатным текстом, имеет множество различных аудиовизуальных материалов (фрагменты кинофильмов, интервью с писателями, актерами, литературоведами, популярные песни, связанные с основным художественным текстом, комментарии, словники).

Отметим следующие достоинства материалов DVD-ROM.

1. Возможность получить доступ с помощью гиперссылок ко всем словарным ста-

тъям (словарь включает лексику всех учебных текстов).

2. Быстрый доступ с помощью гиперссылок и меню к различным аудиовизуальным материалам: видеозаписям художественных произведений, аудиозаписям текстов, фрагментам из кинофильмов.

3. Включение новых заданий к дополнительным текстам для чтения, аудиовизуальным материалам.

4. Функционирование дополнительного словаря, построенного на основе лексики видеоматериалов учебного комплекса.

Особое место в учебнике занимает изучение рассказа «Ника» В. Пелевина, построенное на системе комментариев и заданий в электронной форме.

5. Sandra F. Rosengrant. *Russian in Use: An Interactive Approach to Advanced Communicative Competence*. Yale University Press, New Haven and London. 2007.

Этот учебник также рассчитан на студентов продвинутого уровня, изучающих русский язык в американских университетах. Он предполагает изучение следующих тем: «География», «Образование», «Политика», «Экология». Последняя тема учебника называется «Америка глазами других». Каждая тема представлена в виде самостоятельного раздела учебника. Сам выбор тем показывает, что учебник в основном ориентируется на научно-популярные и публицистические тексты, хотя в нем есть и фрагменты художественных текстов.

Каждая глава учебника начинается с подготовительных заданий, которые долж-

ны помочь студентам в письменной или в устной форме высказать свое мнение о проблеме или теме, которая изучается в этой главе. Далее следует список слов (около 200 ед.) с переводом и комментариями, все эти слова связаны с данной темой. Предполагается, что учащиеся должны хотя бы пассивно овладеть предлагаемой лексикой. Для расширения лексического запаса студентов в этом разделе имеются также различные комментарии. Синонимические и синтаксические связи слов объясняются с учетом типичных трудностей и ошибок англоязычных студентов. Отдельный раздел в каждой главе посвящен различным аспектам глагольной системы (сочетаемость, видо-временные значения, употребление глаголов движения и др.). Для закрепления изученного материала в конце каждого раздела предлагается для чтения научно-популярный или публицистический текст, связанный с рассматриваемой темой. Следует подчеркнуть, что сам выбор тем во многом предопределяет характер текстов, выбранных для изучения. В учебнике представлены разнообразные типы текстов (интервью, путевые заметки, воспоминания, деловые документы, научные статьи, тексты из учебников для российских студентов и др.). Весьма разнообразным даже с точки зрения российского читателя выглядит и список авторов, тексты которых включены в учебник: А. Маринина, В. Аксенов, Т. Толстая, М. Задорнов, А. Рыбаков.

Кроме учебника в курс входят дополнительные аудиотексты по каждой теме. Особое внимание в учебнике уделяется развитию письменной речи. Студентам предлагаются групповые и индивидуальные задания. В дополнение к основному тексту учебника в приложениях представлены словарь, грамматические таблицы, образцы аутентичных текстов, ключи к некоторым заданиям. Методическое руководство для преподавателя размещено на сайте yalepress.yale.edu/yupbooks/book.asp?isbn=9780300109436. Оно включает в себя не только рекомендации по организации учебного процесса, но и расшифровки всех аудиотекстов.

Некоторые тексты в учебнике представляются нам слишком объемными, труд-

ными для усвоения, другие отражают деловой стиль, что требует дополнительных пояснений и комментариев. Большинство упражнений построено на отработке трудных с точки зрения американских студентов лексико-грамматических конструкций. В упражнениях нередко встречаются конструкции, которые иллюстрируют какое-либо грамматическое явление, но они не всегда естественны и связаны с какой-либо типичной ситуацией. Хотелось бы также, чтобы в учебнике было представлено больше различных типов упражнений, связанных с решением реальных коммуникативных задач.

Книги по страноведению. Отобранные нами книги трудно отнести к учебникам, они, скорее, представляют пособия или дополнительные материалы, которые призваны ближе познакомить студентов (и не только студентов) с русской культурой.

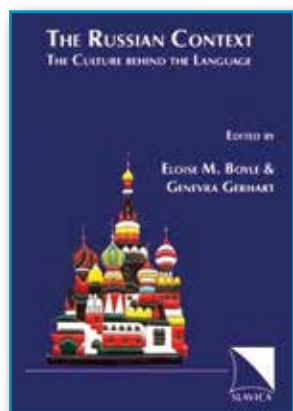
1. The Russian Context: The Culture Behind the Language / Edited by Eloise M. Boyle & Genevra Gerhart. Bloomington, Indiana, 2002.

Эта книга, написанная коллективом специалистов по русской культуре и лингвистов из нескольких университетов США, наследует и развивает идеи, заложенные в предыдущей книге Eloise M. Boyle (ed.), Genevra Gerhart *The Russian's World: Life and Language*. Обладая всеми достоинствами справочника, снабженного удобными и подробными индексами, «Русский контекст» одновременно представляет собой коллективную научную монографию, которую без преувеличения можно назвать «энциклопедией

русской жизни», написанной на английском языке. Многие из авторов статей этой книги родились и получили образование в СССР. Заметим, что книга написана в научно-популярном стиле, со множеством объяснений, с русско-английскими параллелями, практически без использования лингвистических терминов, что делает ее доступной для самого широкого круга читателей. Главной задачей авторов было описать фоновые знания, присущие образованному носителю русского языка, без которых трудно его понять. Поэтому четыре части книги включают самые важные области: A Framework for the Russian Context (русская история), Contexts in Language (литературные цитаты, пословицы), Contexts of Spectacle (театр, музыка, балет, искусство и массовая культура), Context in Reality (география, общественная и политическая жизнь, язык науки).

Одним из главных принципов отбора языковых единиц, представленных в книге, является их общеупотребительность — частота использования в современном русском языке. Так, например, из всего многообразия русских пословиц, отобраны наиболее частотные, они представлены в трех разделах, что обусловлено стилистикой контекста: от нейтрального до разговорного и просторечного. Кроме того, даны лингвистические комментарии, касающиеся языковой игры с фразеологизмами, как в индивидуальном языковом творчестве, так и в СМИ, снабженные иллюстрациями и примерами. Для отбора самых важных языковых единиц авторы разных разделов пользовались различными методами и источниками: от частотных словарей научных терминов до анализа школьных учебников по географии.

Книга снабжена аудиодиском с записью всех использованных цитат, расположенных по разделам и перечисленных в указателе и снабженных индексом. Хотя книга не содержит никаких упражнений и заданий, она может быть использована преподавателем для создания коммуникативных, творческих заданий, поскольку содержит массу примеров на самых разных языковых уровнях: от словообразовательного анализа слов с корнем *-след-*, активно использующихся в науч-

ном стиле речи, до исторических аллюзий и литературных цитат в современной рекламе.

2. Michele Berdy. The Russian Word's Worth: A Humorous and Informative Guide to Russian Language Culture and Translation. Glass, 2010.

Книга представляет собой сборник заметок о русском языке и русской культуре через призму языка, которые были написаны в начале 2000-х гг. для колонки The Word's Worth («Цена слова») газеты The Moscow Times. Поскольку это авторская колонка, то сама фигура автора оказывается тоже частью содержания: проникнувшись московским интеллигентским духом с полночными разговорами по душам на кухне, пением Галича и Булата Окуджавы, Мишель Берди дает комментарии в равной степени исполненные симпатией и пониманием, которые приобретаются за долгое время жизни в России, и удивлением, свойственным носителям другой культуры при столкновении с русской действительностью.

Книга адресована самому широкому кругу читателей. Ее цели определяются автором более чем свободно: fun (для забавы, удовольствия). Поскольку книга написана по-английски с большим количеством цитат на русском, она может быть полезна даже тем, кто не изучает русский язык или только начал его изучать. Кроме того, разнообразные и довольно глубокие экскурсы позволяют расширить словарный запас и стилистические регистры студентам продвинутого уровня.

В книге несколько разделов: «Великий и могучий», «Русские, другие («немцы») и русский мир», «Необходимо для жизни», «Политика — как всегда», «Высокие материи», «Время летит», «Сленг» и «Удовольствия ради», по которым распределены более 230 заметок. Сама Мишель Берди рассматривает сборник как своеобразный предвзятый, наполненный личными впечатлениями путеводитель по русскому языку, культуре и повседневной жизни с заметным акцентом на перевод (в книге часто встречаются англо-русские переводческие параллели). При нечастых грамматических экскурсах, например, употребление предлога *по* с разными падежами, в книге

заметно внимание к словообразованию и словообразовательным ресурсам русского языка (*рука — рученька, междусобойчик, сиюминутность, отсебятина*), этимологии (со ссылками на авторитетных собеседников и словари вообще), стилистическому разнообразию, идиоматике. Приводимые автором широкие синонимические ряды, например, в заметке «Я вас умоляю»: *просить, упрашивать, умолять, выпрашивать, канючить, цыганить, стрелять (сигареты), вымогать, выбивать (средства у министерства на капремонт), ходатайствовать, хлопотать*, подчас исчерпывающие и включают в себя литературные, разговорные и сленговые языковые пласты. Мишель Берди предстает как эрудированный автор, знающий славянские названия месяцев и этимологию дней недели, тончайшую градацию *выпить, клюнуть, принять, заложить за воротник, распить, бухать, напиваться, надраться, накушаться, принять на посошок*. Правда, она иногда попадает впросак, замечая, что болтливость может быть передана сравнением с «птичкой говорун» (конечно же, птицей говорун, отвечающей не столько за болтливость, сколько за сообразительность). Почти все словоупотребления точны и типичны, что выгодно отличает книгу от некоторых учебников.

Хотя время написания заметок датируется 2002–2005 гг., они, скорее, содержат страноведческую информацию самого общего характера в сопоставительном ключе: например, русские (в отличие от американцев)

считают, что простудиться можно выпив напиток со льдом (а на самом деле обычно простуда передается от человека к человеку и мытье рук — лучшая защита), а лечатся «народными средствами». Студенты в России пользуются шпаргалками, в то время как *обманывать* (английское *cheating* по сравнению с нейтральным русским *списывание*) — нехорошо, и студентов за это наказывают. В главе «Удовольствия ради» найдем анекдоты про чукчей с пометкой о неполиткорректности и о Новых Русских, написанных с заглавных букв по правилам английской орфографии, а также самые популярные цитаты из «Горя от ума», «Белого солнца пустыни», «Кавказской пленницы» и других источников. На протяжении всей книги уделяется внимание речевому этикету, даются комментарии по поводу уместности того или иного языкового средства в конкретной ситуации общения: в парикмахерской, со слесарем, с друзьями и т.д., а также отмечается специфика российских дорожных знаков и особенностей автомобильного движения в Москве. В книге присутствуют и относительно современные темы: речевые и отчасти политические портреты политических деятелей от Черномырдина до Путина с историческими экскурсами. При выраженном американском взгляде на некоторые аспекты русской жизни (политическую активность, духовность и др.) книга сбалансирована на-

личием широкого культурного контекста и адекватным его толкованием.

Книга не содержит иллюстраций, если не считать фотографии автора на фоне рисованных кремлевских стен на обложке. Заметки написаны легко и иронично. Занимательным и точным наблюдениям в конце подводится короткий и остроумный итог. Так, рассмотрев полдюжины *чисто, конкретно, как бы* и им подобных, автор прописывает лечение — месяц читать Пушкина. Заметка «Большое человеческое спасибо», начинающаяся с лирического отступления о Дне благодарения в США и продолжающаяся вариантами изъясления благодарности, заканчивается тем, что «спасибо в карман не положишь» с буквальным переводом: «я предпочитаю наличные». Политические перипетии в заметке «Не поймешь» заставляют автора вздохнуть: «Хоть сто лет живи мы, иностранцы, в России — так и не поймем и половины того, что происходит. Единственное утешение, что и сами русские, похоже, не понимают этого».

В книге очень много разнообразного материала. Иногда ориентироваться по содержанию довольно трудно, однако в конце книги дан указатель, содержащий более 5 тыс. понятий, реалий, выражений. Сборник Мишель Берди (кстати, автора четырех путеводителей по Москве, Санкт-Петербургу и России), без сомнения, будет интересен и полезен всем, кто интересуется русским языком и культурой.

Литература

1. Бердичевский А.В. К теории современного учебника // Русский язык за рубежом. 2012. № 5.
2. Костина И.С. Что думают американские студенты об уроках русского языка и учебниках // Мир русского слова. 2000. № 3.
3. Каган О.Е., Кудыма А.С. Учимся писать по-русски: Экспресс-курс для двуязычных взрослых. СПб., 2012.
4. Низник М., Каган О. и др. Русский без границ: Учебник для детей из русскоговорящих семей. СПб., 2011.
5. Kagan O., Akishina T., Robin R. Russian for Russians. Indiana, 2002.
6. Rifkin B. Materials for Teaching Russian // The Learning and Teaching of Slavic Languages and Cultures / Edited by Olga Kagan & Benjamin Rifkin with Susan Bauckus. Indiana, 2000.

S.V. Abramova, E.G. Azimov

MODERN AMERICAN TEXTBOOKS ON RFL

Textbook, teaching RFL in USA, universities, regional geography, web-application, Internet, communicative competence.

The article describes new textbooks in the field of teaching RFL published in USA. These textbooks reflect new approaches in teaching Russian. The article considers purposes, content and structure of these textbooks. Special attention is given to the web-applications.

Е.О. Ершова

genja777@mail.ru

ст. преподаватель

Института управления бизнес-процессами и экономики

Сибирского федерального университета

Красноярск, Россия

Этапы распространения русского языка в немецкоязычном мире

(на материале учебной литературы XVI–XIX вв.)

Учебное пособие, выбор жанра, немецкоязычная аудитория, распространение русского языка, самобытность национальной культуры.

Основываясь на анализе учебно-методических работ по изучению русского языка, адресованных иностранцам в хронологических рамках XVI–XIX вв., автор определяет основные этапы распространения русского языка в немецкоязычном пространстве, при этом (наряду с традиционными причинами изучения иностранных языков) обнаруживает целый ряд исторически обусловленных факторов, содействующих проявлению интереса к русскому языку именно в среде немцев.

Изучение распространения русского языка среди немцев в определенные периоды взаимоотношений России и Германии представляется весьма важным, поскольку история взаимодействия двух стран насчитывает более десяти веков, а интерес немцев к русскому языку и их стремление к практическому овладению им решительно обозначились еще в XVI в. При этом учебная литература разных жанров (теоретические грамматики, словари, хрестоматии, практические учебные пособия, книги для чтения, азбуки, буквари и т.д.) отражала не только самые ранние, возникшие в процессе становления политических, экономических и культурных связей, попытки изучения русского языка и стремление создателей учебных книг сформировать интерес к нему, но и их желание способствовать укреплению статуса языка Российского государства в международном контексте.

Несомненно, содержание учебников по русскому языку уже рассматривалось рос-

сийскими и зарубежными исследователями. Одни из них представляли учебные материалы разных жанров в лингвокультурологическом аспекте (В.Г. Костомаров, Г. Кайперт и др.), другие утверждали их роль в становлении европейского образа России (С.К. Милославская). Однако никто не обращался к изучению учебной литературы как способа распространения языка Российской империи в европейском пространстве вообще и в немецкоязычном мире в частности. Это и определило цель настоящего исследования – выявить авторские намерения, изложенные в предисловиях, при составлении учебных изданий и таким образом обозначить основные этапы распространения русского языка.

Если за основополагающий фактор в данном процессе принять издание учебной литературы для немцев, то в XVI–XIX вв. можно выделить три этапа распространения русского языка. Есть основания полагать, что первые попытки систематическо-

го ознакомления с языком русского народа были предприняты немцами еще в середине XVI в., когда занимающиеся внешней торговлей ганзейские купцы проявляли практическую заинтересованность в его изучении. Это нашло отражение в ряде русско-немецких тематических словарей и разговорников с терминологией, необходимой для делового общения. Исходя из этого, **первый этап** распространения русского языка в немецкоязычной среде ограничивается XVI–XVII вв.

Авторами первых и рукописных и печатных книг были, главным образом, иностранцы. К сожалению, ранние учебные разговорники не содержат сведений об авторских намерениях и мотивах при создании этих книг. Основываясь на анализе содержания рукописей, можно предположить, что они стремились оказать содействие товарно-денежным отношениям двух народов. Соответственно первые попытки изучения русского языка преследовали меркантильный интерес: укрепление тотального контроля над товарооборотом русских и европейских купцов.

В числе первых работ по изучению русского языка для немцев были следующие разговорники:

- Schrouego T. Ein Russisch Buch (Шрове Т. Словарь-разговорник. 1546);
- Ein Rusch Boeck // Ein russisch-deutsches anonymes Wörter- und Gesprächsbuch aus dem XVI. Jahrhundert (Русско-немецкий анонимный словарь-разговорник XVI в. 1550);
- Tönnies Fenne's Low German Manual of Spoken Russian (Фене Т. Нижненемецко-русский разговорник. 1607).

Однако стремления европейцев представить русский язык как некую систему имели значительные расхождения. Это зависело, с одной стороны, от особенностей социально-политической и культурно-исторической ситуации того времени, а с другой — от собственной позиции автора того или иного разговорника. Так, работа ганзейского представителя Томаса Шрове (1546 г.) «фиксировала преимущественно стадию распространения русского языка как иностранного в устной форме и не претендовала на обучение немцев русской (славянской) гра-

моте» [6: 157]. Она включала в себя слова и выражения, которые помогали немцам легко ориентироваться в новой для них языковой среде.

Содержание следующего практического пособия по изучению русского языка — рукописного «Русско-немецкого анонимного словаря-разговорника» (1550 г.) — составили не только тексты о том, как русские купцы ведут деловые переговоры, продают, покупают и т.д., но и диалоги на религиозные темы, а также молитвы. Нельзя сказать, что в намерения автора входило только формирование или развитие навыков разговорной речи; скорее — знакомство соотечественников с укладом жизни другой страны, поскольку миссионерские отчеты и рассказы европейских путешественников вплоть до конца XVII в. поддерживали в Западной Европе славу Древней Руси как варварской, нецивилизованной страны [10: 227]. Вероятно, именно религиозный момент в данной работе способствовал созданию у немцев положительного образа православной Московии.

Стремление немцев познакомиться с русским языком подтверждает и появление «Нижненемецко-русского разговорника» ганзейского купца Т. Фене (1607 г.)¹. Это пособие также стало одной из первых работ практической направленности. Разговорник состоял из нескольких частей: терминологический словарь (русские слова с немецким переводом и транслитерацией), грамматические комментарии и разговорник, который, в свою очередь, был представлен двумя разделами — официально-деловое и обиходно-бытовое общение. Диалоги, пословицы и поговорки последней части этого сборника позволяют очень живо представить всевозможные деловые ситуации, типичные для торговых отношений между псковскими и немецкими купцами, а также ярко описывают нравы русского рынка. Кроме того, здесь «прямо отражена и популярная для

¹ Обработанный печатный вариант «Нижненемецко-русского разговорника» Т. Фене находится в общем доступе на сайте университета г. Лейдена (www.box.net/shared/ryl9qehlcr). Здесь можно ознакомиться и с фотокопиями подлинника.

средневековой Руси (особенно северо-западной) ситуация – приезд молодых немцев в русские торговые центры и в русские семьи с целью именно изучения русского языка» [5: 24]. Не подлежит сомнению, что кроме намерения удовлетворить потребности немецких торговцев в изучении русского языка автор разговорника преследовал и еще одну цель – знакомство немцев через лексический и фразеологический материал с традициями, повседневными тяготами и мировоззрением русского народа. Подтверждением этому, в свою очередь, служит наличие в данном разговорнике жаргонизмов и ненормативной лексики, столь типичных для бытовой речи обыкновенного люда.

Ругательные слова, «обилие резких, даже грубых, пословиц и поговорок <...> собранное в учебнике Т. Фенне, исследователи чаще всего связывают с антиклерикальными настроениями, царившими в псковском обществе» [6: 173]. Не подлежит сомнению, что в свое время эта книга могла быть для немцев как учебным пособием, так и прекрасным источником сведений о русской народной фразеологии в целом и конкретно о псковской разговорной речи начала XVII в.

В дальнейшем ослабление позиций ганзейского союза только способствовало появлению большего количества учебных пособий и соответственно популяризации русского языка за пределами страны-носителя, причем не только в немецкоязычном мире. Уже в начале XVII в., как отмечал М.П. Алексеев, «изучение русского языка в Западной Европе вызывалось не простой любознательностью; смешные попытки ганзейцев <...> «воспретить» изучение русского языка своим торговым конкурентам были возможны только в ту пору, когда недогадливые купцы не подозревали еще о существовании русской культуры или попросту не интересовались ею: впрочем, и тогда эти запрещения <...> не могли иметь никаких результатов» [1: 4].

В XVII в. благодаря специальным руководствам, а также привезенным из России рукописным разговорникам, словарям и азбуковникам многие немцы начали изучать русский язык самостоятельно у себя

на родине. Однако теперь он был необходим не только представителям торговых корпораций, но и тем, кто поступал на русскую службу: путешественникам, историкам, ученым и др. Так, во времена правления первого царя из рода Романовых Михаила Федоровича (1613–1645) охотно переселялись в Россию немецкие офицеры. Они служили в русской пехоте, артиллерии и кавалерии, работали на Пушечном и Денежном дворах, входили в штат Золотой и Оружейной палат [7: 38]. Хотя главная причина их появления в Российском государстве и стремления служить русскому царю была (так же как и у ганзейских торговцев), скорее, меркантильной: получение достойного жалования. При этом без знания русского проживание этих эмигрантов на чужбине было бы невозможным. Появляющаяся в XVII в. учебная литература по русскому языку отразила эти новые потребности иностранцев. Сегодня, по мнению С.К. Милославской, «эти учебники могут представлять интерес и как факты истории распространения русского языка в Европе, наконец, и как частные случаи межкультурной коммуникации в процессе изучения иностранных языков» [6: 164].

Несомненно, распространение русского языка на первом этапе (XVI–XVII вв.) было вызвано торгово-экономическими, военно-политическими и сугубо профессиональными потребностями как авторов рукописных работ, так и тех, кому эти предвестники первых учебников предназначались. Кроме того, авторские намерения представить своим соотечественникам информацию о быте и нравах торговых партнеров также содействовали появлению новой учебной литературы по изучению русского языка. Таким образом, первые русско-немецкие разговорники XVI–XVII вв. представляют собой своеобразный жанр двуязычных практических пособий, которые служили систематизации знаний о русском языке в немецкоязычной аудитории и дальнейшему распространению его в европейском пространстве.

Относительное многообразие жанров учебной литературы характерно для

второго этапа распространения русского языка в немецкой среде, хронологические рамки которого можно ограничить временем правления Петра I и Екатерины II. Этот период можно условно определить как «демографический», поскольку он в первую очередь связан с массовым переселением немцев на территорию Российского государства, которое стало следствием реформаторской деятельности русских императоров. Увеличение количества изданий и переизданий учебной литературы в то время дает основание говорить о росте числа немцев, стремившихся к изучению русского языка (к сожалению, информация о тираже этих работ отсутствует). Временное и постоянное пребывание в Российской империи немецких специалистов способствовало возникновению новых предпосылок изучения русского языка, в некоторых случаях даже можно говорить об изучении русского как неродного. Впрочем, профессиональные потребности представителей немецкой нации продолжали оставаться основными источниками интереса к русскому языку.

На смену словарям, разговорникам и первым попыткам кодификации русского языка в виде элементарных грамматик пришли совершенно новые пособия практической направленности, а также издания информационно-описательного характера. Последние, собственно говоря, нельзя полноправно считать учебными пособиями по русскому языку: предоставляя читателям довольно обширную информацию о России, их авторы как очевидцы и «ценные исторические свидетели» петровской эпохи [4: 7] пробуждали интерес в немецкоязычном обществе к языку этой страны и пропагандировали его изучение. Об авторских намерениях свидетельствуют материалы предисловий учебных книг этого периода.

Так, И. Гейм, автор «Грамматики русского языка с хрестоматией для немцев» (1789 г.), писал, что, выбирая материал для своего учебника, он руководствовался желанием познакомить немцев с «самыми изысканными литературными произведениями известнейших российских писате-

лей, имена которых сами по себе являются свидетельством ценности и великолепия их работ» [12: 3]. Давая оценку деятельности писателя и переводчика Якова Родде, с именем которого связана не только одна из первых грамматик «Учебник русского языка для немецкого юношества» (1773 г.), но и целое учение о русском языке, более двух столетий спустя немецкий ученый Х. Кайперт напишет, что, овладев русским языком на достойном уровне благодаря подобным изданиям, «человек немецкого происхождения сам, без сомнительной помощи переводчиков, может черпать знания о России непосредственно из русских источников» [13: 85]. Другой немец И.К.К. Рюдигер, восхищаясь русским языком, писал в 1793 г.: «Русский язык <...> является <...> во всех отношениях хорошо сформированным мировым языком <...> Не наступило ли уже время изучать язык, на котором пишется так много полезного и прекрасного?» [15: 227]. Тем не менее, как отмечал М.П. Алексеев, «все это эстетическое любовование <...> не создавали еще массового увлечения изучением русского языка» [1: 9].

Необходимо также отметить научно-исследовательский аспект (в большей степени со стороны немецких авторов) при разработке словарей нового формата и теоретических грамматик по русскому языку. К примеру, до XVIII в. лексикографическими трудами для немцев были в первую очередь рукописные русско-немецкие лексиконы, представляющие собой переводные тематические разговорники. Однако работы второго этапа в своей основной массе состояли как из переводов отдельных выражений и толкований русских терминов, так и из объяснений смысловых расхождений в лексике двух языков. Более того, именно с этого периода появляется большое количество многоязычных лексикографических трудов. При этом неотъемлемой составляющей большинства немецко-французских или немецко-английских словарей стала дополнительная колонка на русском, что может служить доказательством возрастающей популярности русского языка:

Подъ симѣ заглавіемъ напечатана, въ пользу иностранныхъ людей, книжка содержащая, Толкованія на каждую букву Россійской Азбуки съ показаніемъ выговора Россійскаго сходственно съ чужесстранными языками; полной Россійской Букварь, и разные Примѣры для чтенія, гдѣ Россійской выговоръ изображенъ Французскими буквами. Продаея въ книжной лавкѣ Г. Гершенберга что прошивъ Исаіевскаго мраморнаго Храма.

Фрагмент предисловия из лексикона С. Волчкова

- Weissmann E. Deutsch-Latein-Russisches Lexikon (Вейсман Э. Немецко-латинский и русский лексикон). СПб., 1731;
- Волчков С. Новый лексикон на французском, немецком, латинском и на русском языках: В 2 ч. СПб., 1755–1764;
- Виньерон Ж. Краткий лексикон на четырех языках: на французском, итальянском, немецком и русском языках. М., 1771;
- Nordstet I. Russisch-Deutsch-Französisches Wörterbuch. St. Petersburg, 1780. B. 1.

Большинство лексикографических работ подобного плана были напечатаны в российских издательствах. Однако определение целевой аудитории по географическому положению издательств, как кажется, не может являться основанием для утверждения, что изданные в России книги не предназначались иностранным пользователям (в силу существования ограниченного количества типографий в указанном временном отрезке): в большинстве из них предисловия написаны на немецком языке, а в написанных по-русски указан адресат — иностранный читатель. Это, безусловно, может быть достаточным для определения степени их влияния на процесс популяризации русского языка в немецкоязычном мире рассматриваемого периода.

Таким образом, XVIII в. с полным правом можно считать эпохой «подъема многоязычной лексикографии» [11: 3072]. Более того, примерно к середине столетия сформировались новые лексикографические правила, согласно которым словник издания включал не только слова и словосочетания, но и русские фразеологизмы. Впрочем, главным новшеством при составлении

русско-немецких словарей стало «гнездовое введение» лексических единиц. Российские исследователи-лексикографы считают «Словарь Академии Российской» (1789–1794) первым словарем русского языка, составленным по гнездовому способу, однако нельзя не отметить, что немецкие лексикографы применяли этот способ в своих работах по русскому языку еще в первой половине XVIII в. Не вызывает сомнения тот факт, что лексикографические труды второго этапа имели для немцев большое значение не только в качестве фиксаторов употребляемых в повседневной жизни слов и выражений, но и как самые первые учебные пособия для изучения языка Российской империи.

Научно-исследовательский подход нашел применение и в создании грамматик для немцев. Наиболее примечателен факт появления в 1731 г. грамматики русского языка (как приложения к словарю Э. Вейсмана) «Anfangs-Gründe der Russischen Sprache», автором которой был В.Е. Адодуров. Написанное на немецком языке, это издание довольно доступно и без лишних сложностей рассказывало читателю об основных грамматических явлениях русского языка. Таким образом, немецко-латино-русский лексикон Вейсмана включал в себя первую русскую грамматику для немцев.

Изложенные факты позволяют заключить, что в период, когда теория и практика обучения живым иностранным языкам еще не сформировались как самостоятельные области научного знания, учебные материалы по изучению русского языка находили широкое применение: из печатных изданий практической направленности немцы получали как теоретическую информацию о языке русского народа, так и примеры его практического применения, а также конкретные методические рекомендации по его изучению. Несмотря на то что авторские намерения на первом этапе распространения русского языка в немецкоязычном мире (в частности, удовлетворение профессиональных потребностей немцев в овладении русским языком и обеспечение их информацией о Россий-

ском государстве) по-прежнему продолжали доминировать при создании учебных пособий, немаловажным фактором стали личные стремления авторов содействовать процессу распространения русского языка в немецкоязычном мире.

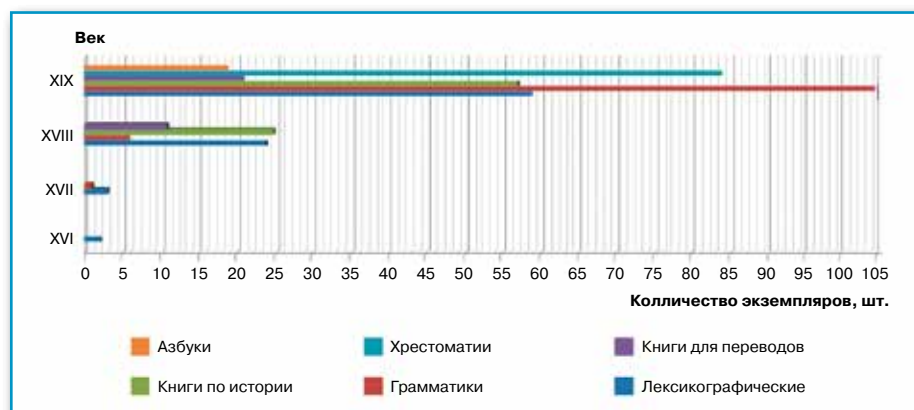
К сожалению, даже в начале XIX в., как отмечает М.П. Алексеев, интересующиеся русским языком иностранцы нередко «ссылаются на трудности его изучения, на отсутствие мощных импульсов, которые заставили бы победить все действительные или мнимые затруднения по овладению этим языком» [1: 9]. Именно поэтому, начиная с 1800 г. при непосредственном участии российских и зарубежных русистов издавалось множество совершенно новых методически и содержательно учебников русского языка. Для наглядности представим количественное соотношение учебной литературы разных жанров, выпущенной с XVI по XIX в., в виде диаграммы.

Обновленные учебники, главным образом хрестоматии и книги для чтения, представляют собой учебные издания **третьего этапа** (XIX в.). Эти работы свидетельствуют о появлении новых обстоятельств в процессе изучения русского языка, а именно о расцвете русской литературы. При этом очевидно, что они становились своеобразным каналом распространения и русского языка и русской культуры. Преподаватель русского языка в университете Лейпцига, известный также как составитель русско-немецких лексиконов, И.А.Э. Шмидт отмечал: «Русский язык, долгое время остававшийся неизвестным для Европы, не менее чем любой другой европейский язык достоин того, чтобы, наконец-то, представить на всеобщий суд свое внутреннее величие» [16: Vorw.].

В учебниках третьего этапа от-

мечалась неординарность языка русского народа, представленного в российских литературных шедеврах. Так, включив в свое пособие отрывки из произведения Н.М. Карамзина «История государства Российского», А.В. Таппе подчеркивал, что «России уже давно пора было познакомить за границу со своим внутренним «духом», а Карамзину удалось сделать это, продемонстрировав при этом «благородство, гармонию и красоту русского языка» (Цит. по [2: 201]). Работы русских писателей и поэтов (М.В. Ломоносова, Г.Р. Державина, Д.И. Фонвизина, И.А. Крылова, В.А. Жуковского, А.С. Пушкина и др.) стали неотъемлемой частью содержания не только книг для чтения, но и руководств по переводу, самоучителей, учебных пособий практической направленности и даже сборников по грамматике. Один из авторов писал: «С полным правом сегодня мы начинаем обращать внимание на литературное творчество нашего восточного соседа» [19: 3].

Анализ учебников XIX в. позволяет говорить о том, что многие авторы (будучи немцами по происхождению) долгое время проживали или работали в Российской империи, т.е. сами находились в ситуациях, подобных тем, в которых оказывались читатели их учебников. Уместно предположить, что, «зная из собственного опыта, как трудно бывает человеку в чужеродной для него среде без надлежащего предварительного обучения», они издавали свои ра-

Количественное соотношение учебной литературы разных жанров, выпущенной в XVI–XIX вв.

боты «в помощь всякому, кому необходимо в минимальный срок приобрести начальные практические знания русского языка» [3: 29].

Происходившие с конца XVIII в. политические изменения в Российской империи во многом определили формирование факторов не только добровольности, но и принуждения в изучении русского языка. Система государственных мероприятий русского правительства, содействующих в определенной мере насильственному распространению русского языка среди немцев, проживавших на территории Российского государства, стала причиной появления ряда учебников для обязательного массового изучения русского как неродного, необходимого в так называемых немецких колониях в Эстляндской, Лифляндской и Курляндской губерниях. Общеизвестно, что императору Николаю первому пришла идея возвысить все русское, вытеснив при этом все чуждое: «На протяжении всего его долгого периода правления лейтмотивом шла главная мысль: постепенная русификация всех нерусских национальностей внутри его большой империи <...> Подданные Российской империи обязаны все без исключения слиться в однородной массе, объединенной русским языком» [14: 155].

Следствием спланированного процесса русификации немецкого населения Прибалтики стало масштабное изучение русского языка. Для содействия этому (по инициативе немецких русистов) русский вводился в обязательные программы местных средних и высших учебных заведений. Впоследствии, являясь исторически территорией русско-немецких контактов, немецкие провинции становились своеобразными посредниками, через которые русский язык распространялся на территории Германии. Рассуждая о важности владения русским языком в сложившейся ситуации, российский автор учебника Г. Глинка в 1805 г. отмечал: «Теперь нельзя довольствоваться тем, что можно лишь наполовину понятно выражаться на языке, который для всей неминуемо огромной Российской империи является национальным» [9: Vorw.].

В итоге число изданий учебных пособий для немцев резко увеличилось. Причем в период, когда в самом русском языке происходило активное становление норм на национальной основе, а его распространению как выразителя самобытной русской культуры способствовало массовое издание усовершенствованной с методической точки зрения учебной литературы разных жанров. Очевидно, что авторы книг, созданных на третьем этапе, с одной стороны, продолжали традиции своих предшественников, а с другой — учитывали изменившиеся потребности немецкоязычного общества, такие как:

- соответствие спланированным (и даже в какой-то степени насильственным) государственным акциям;
- удовлетворение профессиональных потребностей соотечественников;
- обеспечение немцев информацией о Российской империи и русском языке;
- оснащение учебного процесса учебниками с методически оправданными структурными элементами и подбором материала;
- научный интерес к вопросам лексикографии и грамматики русского языка;
- стремление познакомить немцев с литературными достижениями Российского государства;
- содействие процессу популяризации русского языка.

Однако для всех трех этапов характерно и другое: ни в одном из периодов государство, как это произойдет в XX в., не вмешивалось в содержательную сторону учебных пособий. Таким образом, индивидуальные устремления создателей учебной литературы, их интересы и потенциальный заказ будущих читателей книг влияли на выбор жанра и внутреннее наполнение учебной литературы. Исходя из этого, можно сказать, что, соответствуя потребностям и запросам представителей немецкоязычного общества, учебники русского языка представляли собой один из мощных внешних факторов, определяющих степень распространения языка русского народа в немецкоязычной среде.

Литература

1. Алексеев М.П. Русский язык в мировом культурном обиходе (окончание) // Вопросы языкознания. 1984. № 3.
2. Григорьева Т.М., Ершова Е.О. Д.А.В. Таппе: миссионер русского языка и российской истории // Филология и человек. 2010. № 3.
3. Грищенко Н.А. Ф.И. Рейф как миссионер русского языка и русской культуры // Вестник ИГЛУ. 2011. № 2 (14).
4. Маслаковец Н.Г. Немецкий торговый справочник-путеводитель начала XVIII века по России. Киев, 1914.
5. Милославская С.К. Псков и псковичи в рукописном учебнике русского языка Тонни Фенне (1607) // Вестник МАПРЯЛ. 2010. № 63–64.
6. Милославская С.К. Русский язык в истории становления европейского образа России. М., 2008.
7. Семенова А.Б. Немцы на государственной и военной службе // Немцы в России: Историко-документальное издание. СПб., 2004.
8. Ein Rusch Boeck.... 1550 // Ein russisch-deutsches anonymes Wörter- und Gesprächsbuch aus dem XVI. Jahrhundert. Böhlau, 1994.
9. Glinka G. Elementarbuch der Russischen Sprache zum Gebrauch der Kreisschulen in Zief-, Ehst-, Kur- und Finnland. Mitau, 1805.
10. Glück H. Deutsch als Fremdsprache in Europa vom Mittelalter bis zur Barockzeit. Berlin, 2002.
11. Hausmann F.J. Wörterbücher: ein internationales Handbuch zur Lexikographie: 3 T. Berlin, 1991.
12. Heym I.A. Russische Sprachlehre für Deutsche. Riga, 1804.
13. Keipert H. Das Russisch-Lehrwerk von Jacob Rodde. Zur Kenntnis der russischen Sprache im deutschsprachigen Raum im 18. Jahrhundert // Die Kenntnis Russlands im deutschsprachigen Raum im 18. Jahrhundert: Wissenschaft und Publizistik über das Russische Reich. Internationale Beziehungen. Bonn, 2006. T. II.
14. Menzel W. Geschichte Europa's vom Stürze Napoleons bis auf die Gegenwart (1816–1856). Stuttgart, 1865. B. 1.
15. Rüdiger J.Ch.Ch. Neuester Zuwachs der teutschen, fremden und allgemeinen Sprachkunde. Halle, 1793. St. 5.
16. Schmidt J.A.E. Praktische Grammatik der russischen Sprache; sowohl für Lehrende als auch zum Selbstunterricht, nach einer möglichst leichten und deutlichen Methode. Mit Übungsaufgaben zum Übersetzen aus dem Deutschen ins Russische. Leipzig, 1813.
17. Schrouego T. Ein Russisch Buch... 1546 // Шрове Т. Словарь-разговорник. Krakow, 1997.
18. Tönnies Fenne's Low German Manual of Spoken Russian. Pskov, 1607 // Фене Т. Нижненемецко-русский разговорник. Копенгаген, 1970.
19. Tröbst Ch. Alexander Puschkin's Novellen. Für das Deutsche bearbeitet. Jena, 1840.

E.O. Ershova

STAGES IN THE PROMOTION OF RUSSIAN LANGUAGE IN GERMAN-SPEAKING WORLD (ON THE BASIS OF 16TH–19TH CENTURIES' EDUCATIONAL LITERATURE)

Educational supplies, choice of genre, German-speaking audience, spreading of Russian, the originality of national culture.

Basing on the analysis of the educational literature for Russian language learning by foreigners from the 16th to the 19th centuries the author determines the main stages in the process of Russian language promotion in the German-speaking world, besides (together with the traditional reasons for learning of foreign languages), finds out some historical factors, which promote the interest to the language exactly among the Germans.

НОВОСТИ НОВОСТИ НОВОСТИ НОВОСТИ НОВОСТИ

Русский язык занимает вторую строчку в рейтинге самых популярных языков в Интернете. Такие данные были получены компанией W3Techs в ходе тщательного анализа интернет-порталов. За очень короткое время русскоязычные сайты во многом опередили своих немецких коллег. Эксперты связывают это с увеличением количества доменов .ru. Русский язык используется на сайтах и в домене .su. Владельцы украинских, белорусских, таджикских, казахских и узбекских порталов тоже обращаются к русскому языку в своих публикациях.

Анна Грибоедова, информационное агентство «Росмедиа»

В.И. Шляхов

shlyakhovv@mail.ru

д-р пед. наук, профессор
кафедры теории и практики преподавания РКИ
Государственного института
русского языка им. А.С. Пушкина
Москва, Россия

Проблема бессознательного в языке и скрытые смыслы в иносказаниях

Сценарно-фреймовая теория, подсознание, иносказание, метафора, ирония, правила усвоения и применения языка, экспланация, интерпретация, скрытые смыслы.

В статье обосновывается предположение, что скрытые смыслы в языке являются следами «работы» человеческого подсознания и обнаруживаются во внутренней структуре слов, идиом, иносказаний, метафор. Перед современной методикой стоит трудная, но разрешимая задача создать способы выявления скрытых смыслов и на этом построить технологию обучения, предназначенную для того, чтобы научить иностранных студентов обнаруживать и понимать иносказания в русской речи.

Языки – это иероглифы, в которые человек заключает мир и свое воображение.

В. фон Гумбольдт

Известно, что многие события в языковом пространстве не контролируются сознанием. Никто из говорящих на родном языке в привычной обстановке не задумывается над тем, как и что говорить, как произносить слова, соединять их между собой для выражения мыслей, как словами влиять на поведение, смысловую сферу и эмоции собеседников. Более того, люди, встречая иносказания, как правило, понимают их без труда: подсознательные процессы узнавания и интерпретации иносказаний протекают мгновенно и незаметно. Иностранцами учащимся в случаях, если им нужно понять смысл намеков, эвфемизмов, иронических высказываний, метафор, приходится преодолевать значительные трудности.

В методике преподавания РКИ ощущается дефицит обучающих практик, предназначенных для того, чтобы помочь ино-

странцам интерпретировать иносказания в русской речи. Таким образом, проблемы бессознательного интересуют нас с точки зрения лингвистики и методики, а на вечные вопросы о том, что такое сознание, чем оно отличается от подсознания, как мысли переходят в слова, у нас нет ответа. По этому поводу М.К. Мамардашвили сказал: «...сознание есть нечто такое, о чем мы как люди знаем все, а как ученые не знаем ничего» [7: 215]. Другое дело, что во внутренних структурах слов, метафор, иносказаний обнаруживаются следы «работы» подсознания, а понимание звучащей и письменной речи зависит от взаимодействия логических и интуитивных процессов.

Исследования бессознательных процессов представляют несомненный интерес для методики РКИ. Во-первых, практически все обучение иностранному языку строится на

объяснительных практиках. Общеизвестно, что оно невозможно без подключения сознания, логики учащихся. Это означает, что методисты вынуждены все время думать о том, как перевести сведения о системе языка, правилах его усвоения и применения в сферу сознания учащихся.

Доступно передать знания о системе языка, сформулировать правила его использования – задачи повышенной сложности. Приведем в качестве примера текст, который нужно обработать методически, т.е. объяснить правила употребления глаголов *сидеть* и *стоять*. Цель данного примера – показать, что методисты, объясняя трудности русского языка, не только решают непростые задачи, но и сталкиваются с проблемой бессознательного. Многие русскоговорящие люди не осознают всей парадоксальности использования названных глаголов в русском языке.

Перед нами стол. На столе стакан и вилка. Стакан стоит, а ложка лежит. Если ложка находится в густом борще, то она стоит. Утверждают, что в хорошем борще ложка должна стоять. Можно прийти к выводу, что все зависит от положения предмета относительно вертикали и горизонтали. Поставим на стол (заметьте, именно поставим) тарелку и сковородку. Они, как правило, плоские, но на столе стоят, так и говорят: «На столе стоят тарелки и сковородки». Но если их положить в посудомоечную машину, они там лежат. Так и говорят: «Положи тарелки и стаканы в машину». Теперь на стол запрыгивает кошка. Она там может сидеть, стоять и лежать. Известно, на чем сидят, а стоят, как известно, на ногах. Но вот на стол садится птица. Мы говорим, что птица сидит на столе, но глаза нас не обманывают, мы видим, что она стоит на лапах. Самолеты, как известно садятся и стоят в ожидании пассажиров, но иногда они «садятся на брюхо». А еще в идиоматике утверждается, что туфли и сапоги хорошо сидят на ноге, а платье хорошо

или плохо сидит на человеке. Вместе с тем мы говорим, что сапоги и туфли стоят в прихожей возле вешалки.

Рамки статьи не позволяют нам привести подробные объяснения использования глаголов *сидеть* и *стоять* в русском языке. Но все же начать можно было бы с того, что вся посуда (тарелки, чашки, кастрюли, стаканы) на столе, на плоской поверхности стоит, а столовые приборы (ложки, вилки) лежат. Картина меняется, когда мы помещаем отдельные предметы посуды в некие помещения или, как сейчас говорят, в контейнер. Это могут быть кухонные шкафы, посудомоечные машины, ящики. Тогда тарелки, стаканы, рюмки кладут в машину, и они там лежат, хотя и занимают вертикальное положение в ячейках той же машины и т.д.

Принцип сознательности по-прежнему безоговорочно считается ведущим при обучении языку. Однако в методике прилагались значительные усилия для того, чтобы «обмануть» сознание, поскольку признается, что по определению весь репертуар фонетических, лексических, синтаксических, прагматических правил предоставить в распоряжение учащимся невозможно. В этой связи достаточно вспомнить суггестопедические методы обучения языку (Г.К. Лозанов, А.А. Акишина, Г.А. Китайгородская, И.Ю. Шехтер и др.). Они не получили широкого применения, adeptам суггестопедии не удалось обучить большое количество преподавателей сложной технике внушения и релаксации. Чудесные возможности данных методов ставились под сомнение, поскольку независимые исследования их преимуществ по сравнению с традиционными методами обучения не проводились.

В методике и психологии долгое время не ослабевало внимание к невероятной способности детей интуитивно «создавать» для себя необъятные грамматику и прагматику языка. Языковеды не в состоянии это сделать до сих пор. В методике делались попытки имитировать «детские» условия и приемы обучения, например, из учебного процесса устраняли лексико-грамматиче-

ские пояснения, ученики запоминали слова и идиомы «со слуха», погружались в стихию неродного языка и т.п. Напомним, в интенсивных методах обучения опирались на произвольное запоминание. Как известно, оно происходит само собой, когда у человека нет непосредственной задачи что-либо запомнить. Эти опыты были прекращены по разным причинам, в частности, Н. Хомский и генетики убедительно показали, что у детей существует врожденная, генетическая способность усваивать языки в сжатые сроки, но примерно после 10–12 лет они ее теряют.

В методике накопился значительный опыт проникновения в область бессознательного, хотя, надо заметить, термин «бессознательное» старательно исключался из метаязыка нашей науки. Видимо, это объясняется тем, что долгое время сохранялись барьеры между гуманитарными науками, проблема бессознательного считалась «собственностью» философии и психологии. В методике прижились такие термины, как *имплицитность, непрямая коммуникация, косвенные смыслы, не прямые речевые акты, лингвистическая теория метафоры, лакуны, внутренняя форма слова, память слова* и др. Если взглянуть в них, то окажется, что многие из этих терминов образовались внутри значительных лингвистических направлений, например, *теория лингвистической метафоры* возникла в философии языка, которая тесно связана с онтологией. В русле данной парадигмы *метафора* понимается как инструмент для расширения представлений о мире и социуме. Не требуется обширных доказательств, чтобы показать, что в структуре метафоры скрыты следы «работы» подсознания. Напомним, что термином *внутренняя форма* в современной лингвистике обозначают скрытые смыслы, которые укрываются под оболочкой слова или текста, они выводятся на поверхность сознания особыми операциями экспланации, интерпретации.

Покажем эту процедуру на простом примере. Обратим внимание на слово *ясно*, которое мы используем, чтобы показать собеседнику, что нам понятен смысл сказанных слов. Даже поверхностный взгляд обнаруживает в этом слове скрытые смыслы. Никакая

логика не помогает установить, почему наши представления о свете, состоянии природной среды, которые обозначаются словами *ясное утро, ясный день, ясная погода*, начинают соединяться не с природными явлениями, зависящими от яркого света, а с ментальными процессами понимания, с мыслями, которые приходят на смену непониманию. Мысли бывают яркие и мрачные, нас озаряет, нам становится ясно, то, что еще недавно было непонятно, что-то предстает в ярком (в новом) свете и т.п. Наблюдать непосредственно процесс соединения, совмещения представлений о свете и тьме с мыслительными процессами понимания невозможно, но можно, не ошибаясь, предположить, что архетипичное восприятие света как чего-то благодатного, благого легло в основу вышеуказанной метафорической структуры. Как верно заметила Н.Н. Кириллова, во внутренней форме заключены, упакованы «алгоритмы работы мысли» [4]. В обыденном общении никто не размышляет о скрытых смыслах в метафоре, как это сделано выше. Все мгновенно понимают, что имеется в виду, когда слышат, что «ученье свет, неученье — тьма». Никто не расплетает соединенные между собой представления о свете и тьме, о том, что мы видим днем и что скрывает тьма ночи, не задумывается о том, что в метафорической смысловой структуре свет ассоциируется с разумом, ученье понимается как просветление. Обратим внимание на то, что целый исторический период назывался эпохой Просвещения, а в свое время в СССР существовало Министерство просвещения.

Сказанное позволяет заключить, что многие процессы понимания письменных и устных текстов, хранения и воспроизведения правил использования системы языка в речи происходят «в темноте», без участия логики и сознания, этих двух неразлучных «подруг» разума. Другое дело, что задача лингвистики и методики заключается в том, чтобы обнаружить следы бессознательных процессов в языке и, как говорят в современной методике, экспланировать их, увидеть и объяснить.

А.А. Леонтьев сравнил лингвистические исследования в области интертекстуальности с техникой психоанализа по З. Фрейду.

Согласно Леонтьеву, филологи, анализируя проблему интертекстуальности, тех общих для многих произведений литературы основных мотивов, тем, схем, заняты поиском бессознательного, скрытых смыслов: «...бессознательное текста, его смысл — это черновик, нечто, что в принципе не подлежит чтению, т.е. нечто, что читается без всякого на то права, когда хозяина текста уже нет. Черновик, как и дневник, — это индивидуальный язык, внутренняя речь литератора, элементы его бессознательного...» [6: 92–100]. Конечно, полного сходства между процедурами психоаналитика и экспланаторными практиками лингвиста нет. Психоаналитики вскрывали, выводили на поверхность глубинные комплексы, которые досаждали пациенту, и этим излечивали психические расстройства, неврозы. В интертекстуальности ищут мысли, по выражению Л. Витгенштейна, не перелицованные речью, архетипы. Так, мысли о губительном воздействии скупости, жадности на жизнь человека переходят из произведения в произведение, достаточно вспомнить Шейлока У. Шекспира, Плюшкина в «Мертвых душах», Гобсека О. де Бальзака, скупого рыцаря А.С. Пушкина, Скупого у Мольера и др. Применяя процедуры экспланации, филологи не «лечат пациента», будь то текст или автор, они распаковывают скрытые смыслы, углубляя знания о том, как создается текст и как он понимается.

Скрытые смыслы в иносказаниях

Термин *иносказание* не противоречит метаязыку современной лингвистики. Принято считать, что категория косвенности в языке представлена непрямыми речевыми актами, косвенными фигурами непрямой коммуникации, цель которых — скрыть или замаскировать смысл слов. В словаре под редакцией С.И. Ожегова читаем: «ИНОСКАЗАНИЕ, -я, ср. Выражение, содержащее иной, скрытый смысл». Ожегов по вполне понятным причинам не говорит, что собой представляет «иной смысл». Если воспользоваться критерием «буквальности», то устные и письменные тексты, в которых говорящие или пишущие не придерживаются этого критерия, позволительно отнести к иносказаниям. Иносказание — это мысли, высказанные

не прямо, по-иному, в них заключен смысл, который можно понять, применяя дополнительные когнитивные действия. Слова в иносказаниях, понятые прямо, абсурдны. Например, если говорят, что у некоей персоны *ветер в голове*, суть идиомы, оттеняющей ветреность человека, его легкомыслие, непостоянство и пустоту нельзя понять, опираясь на буквальное прочтение слов. Поиск архетипов, основных понятий, лежащих под покровом внешней оболочки идиомы, обнаруживает, что онтологическая метафора образована на основе архетипических представлений о таком явлении природы, как ветер. Он воспринимается как стихия, полная неожиданностей и неподвластная человеку. В этой связи вспомним слова А.С. Пушкина из «Сказки о мертвой царевне и семи богатырях»:

Елисей, не унывая,
К ветру кинулся, зывая:
«Ветер, ветер! Ты могуч,
Ты гоняешь стаи туч,
Ты волнуешь сине море,
Всюду веешь на просторе,
Не боишься никого,
Кроме бога одного».

По всей вероятности, иносказания обеспечивают говорящим свободу выбора. Не всегда удобно все «называть своими именами», поэтому, к примеру, эвфемизмы предназначены для смягчения смысла слов, которые могут серьезно повлиять на эмоциональную сферу собеседника. Сравните силу воздействия в следующих фразах: *Я знаю, что ваше материальное положение оставляет желать лучшего* и *Я знаю, что у тебя нет денег, ты разорился, потерял бизнес*.

Повторимся, в методике и лингвистике косвенные речевые построения входят в состав так называемой непрямой коммуникации. К прямым относят тексты, которые надо понимать в прямом смысле. Люди, следуя конвенциям, предполагают: если говорят, что остановка автобуса находится за углом, значит, так оно и есть на самом деле. Другое дело, если говорящие по разным причинам предпочитают говорить не прямо, тогда «в речевой практике нередко обнаруживается ассиметричное отношение между семантикой

(прямым значением) высказывания и коммуникативным заданием, которое имел в виду говорящий, формулируя это высказывание. Наиболее частое явление такого рода – так называемые косвенные высказывания, которые употребляются во всех языках...» [2: 489].

Смысл косвенных речевых актов устанавливается, как говорилось выше, в случае если осуществляются дополнительные когнитивные действия по экспланации скрытых смыслов. Например, в намеке *Кое-кто у нас не любит мыть посуду* не указывается прямо на человека, который не любит мыть, подразумевается, что этому человеку пора приступить к делу. Нежелательно, чтобы создавалось впечатление, что скрытые смыслы – исключительная принадлежность иносказаний, они обнаруживаются в любых текстах, включающих во внутреннюю форму невыраженные вербально мысли. Например, сочетание *тоже мне еще* окружено метасмыслом, помогающим понять данную идиому. Для этого иностранцам нужно знать, что эта фраза усечена и предполагает продолжение: *тоже мне профессор, инженер, ученый*. Говорящим также должно быть известно, что эти слова выражают негативное отношение к определенным людям, профессиональные качества которых не признаются. Эта фраза обозначает, что некто является на самом деле плохим ученым, политиком и пр. Данные слова уместны тогда, когда нужно «поставить на место» зазнавшегося человека, прямо сказать ему, что о нем думают. Если некто в разговоре говорит, что известное лицо – хороший ученый, собеседник в ответ может заметить *Тоже мне ученый, ни одной книги не написал*. Ясно, что перед нами – несогласие с мнением собеседника и негативная оценка персоны, о которой идет речь.

Фигуры непрямой коммуникации рассматриваются в литературоведении, в риторике и прагмалингвистике с разных точек зрения. Литературоведы, например, видят в метафорах, косвенных высказываниях один из способов вербализации поэтической функции или функции воображения, по В.В. Виноградову. В методике и лингвистике стремятся обнаружить скрытые смыслы под внешней оболочкой словесных построений.

Сценарно-фреймовые инструменты исследования скрытых смыслов

В лингвистике и методике ведется поиск эффективных способов экспланации скрытых смыслов в метафорах и иносказаниях. Для методики РКИ эти исследования крайне важны, они ложатся в основу практик для обучения иностранцев осознанию «глубины» русского языка, его гибкости и богатства.

Пожалуй, в теории фреймов и сценарности, вышедшей из «шинели» теории речевой деятельности и речевых актов, наиболее полно представлены инструменты исследования глубинной структуры текстов, концептов, иносказаний. Эти методы носят универсальный характер, их можно применять для исследования слов со скрытыми смыслами, метафор, иносказаний, отдельных ситуаций общения, речевых эпизодов, объединенных в сценарии речевого взаимодействия.

Напомним, что фреймы и сценарии рассматриваются, с точки зрения психолингвистики, как амбивалентные структуры, состоящие из скрытой, подсознательной и поверхностной, материальной частей. Поверхностные структуры представлены высказываниями и письменными текстами. В сценарно-фреймовой теории сделаны важные шаги для разработки пошаговой методики исследования скрытых смыслов в любом словесном произведении, реализующем категорию косвенности, будь то идиома, концепт, метафора, ирония, эвфемизм, намек, умолчание, уклончивые ответы и пр. Перед методикой стоит задача создать такие учебные инструкции, которые можно было бы применять в условиях повседневной практики преподавания русского языка иностранцам.

В сценарно-фреймовом подходе главными инструментами распаковки «спрятанных» смыслов являются методы комментирования, приемы поиска архетипов, лежащих в основе метафор и иносказаний. Ограничимся кратким перечислением основных стадий экспланации.

Сценарно-фреймовый анализ фокусируется на изучаемом объекте, в нашем случае на иносказании. Фрейм образно можно представить как семантико-прагматическую структуру, похожую на этажерку. На ее

верхнем уровне (верхней полке) располагают любое иносказание, а ниже (в слотах), на нижних полках, размещаются слова и выражения, входящие в иносказания, между разными уровнями устанавливаются логико-смысловые связи. В первую очередь осуществляется, если это необходимо, лексико-морфологический анализ иносказания, затем выясняется его этимология. Эти процедуры предусмотрены для выявления возможно большего числа смыслов, которые входят в структуру иносказания. Затем производится поиск архетипов, лежащих в основе любых текстов. Этот процесс был показан выше при анализе скрытых смыслов (*ясно, ветер в голове*). Развернутые комментарии, поясняющие обстоятельства общения, в которых были использованы иносказания, завершают прагматический анализ. Поиск и анализ архетипов в идиомах применялся авторами «Большого фразеологического словаря русского языка». В частности, к ним справедливо относили «базовые... архетипические оппозиции, отображающие результаты жизнедеятельностных практик человека в мире «верх» — «низ», «свой» — «чужой», «правый» — «левый»... одушевления неживого...» [1: 781]. В основе метафорических построений лежат также представления о животном мире, так называемые зооморфные метафоры, соматические, наивные понятия об устройстве человеческого организма (*душа в пятки ушла*) и т.п.

Покажем метод экспликации на примере иронического высказывания — одной из самых сложных фигур не прямой коммуникации. Общеизвестно, что основным когнитивным механизмом интерпретации иронических высказываний является выявление расхождения между буквальным значением слов и их косвенной семантикой. В речевой действительности опознавательным знаком иронии является несоответствие прямых значений слов, оформляющих иронию, тому смыслу, который вкладывается в слова говорящим и предстоит понять собеседнику. Реплику в адрес молодых людей, опередивших всех на остановке транспорта, *Какие спортивные молодые люди* следует понимать как иронию с оттенком осуждения. Недоволь-

ство по поводу курения *Здесь изумительно свежий воздух; Вижу, здесь ведут здоровый образ жизни* оформляется через иронию, чтобы понять смысл слов, нужно их «выпрямить», найти буквальное значение сказанному *Здесь нечем дышать и Курить вредно*.

Ирония наблюдается как в малых формах речи (поговорки, пословицы, диалогические единства, речевые эпизоды), так и в объемных текстах художественной литературы. Приведем пример из романа «Бесы» Ф.М. Достоевского. В самом начале, где автор говорит о том, как читает свое произведение Кармазинов, виден ничем не прикрытый сарказм: «Представьте себе почти два печатных листа самой жеманной и бесполезной болтовни; этот господин вдобавок читал еще как-то свысока, пригорюнясь... К небольшой толстенькой фигурке гениального писателя как-то не шло бы рассказывать, на мой взгляд, о своем первом поцелуе...»

Затем: «...эти поцелуи происходили как-то не так, как у всего человечества. Тут непременно кругом растет дрок (непременно дрок или какая-нибудь такая трава, о которой надобно справляться в ботанике). При этом на небе непременно какой-то фиолетовый оттенок, которого, конечно, никто никогда не примечал из смертных, то есть и все видели, но не умели заметить... Дерево, под которым уселась интересная пара, непременно какого-нибудь оранжевого цвета. Сидят они где-то в Германии... Меж тем за клубился туман, так за клубился, так за клубился, что более похож был на миллион подушек, чем на туман. И вдруг все исчезает, и великий гений переправляется зимой в оттепель через Волгу» [3: 366].

Отрывки из романа показательны тем, что любой подготовленный читатель понимает сарказм и иронию в произведении Ф.М. Достоевского. Это значит, что читатели владеют приемами, демонстрирующими иносказания. Цель этих когнитивных операций, как говорилось выше, — очистить текст от иносказаний и добраться до матрицы, где скрыт смысл всего поверхностного текста. В нашем случае эти тексты восходят к архетипу «нелепая, смешная ситуация», приобретающему словесную оболочку, за которой скрываются ирония

и сарказм. Главным образом комментируются отклонения от нормы в поведении героев. Например, всем известно, что публичные признания в любви, разговоры при людях об интимных отношениях считаются своеобразными нарушениями установлений, указывающих на неуместность выставления сокровенных чувств напоказ. Отсюда идиомы: *Москва слезам не верит, бить себя в грудь*.

Подводя итоги сказанному, заметим, что методы экспланации иронических высказываний, поиск архетипов, замещение косвенных фигур речи прямыми высказываниями, объяснение речевых событий, обнажение целей говорящих, т.е. сценарно-фреймовый анализ, являются основными средствами понимания иронии. В этом подходе ирония признается как одна из речевых тактик, обслуживающих стратегию доминирования. Если ирония в нее встроена, то иронические высказывания влияют на поведение и эмоции собеседника, люди иронизируют по поводу убеждений, привычек, поступков окружающих. Нередки случаи самоиронии – иронизируя по поводу самого себя, человек хочет показать, что он осознает свое положение в обществе, трезво оценивает свои достижения и т.п. Иронические замеча-

ния также сопровождают стратегию сопротивления, тогда говорящие выражают несогласие с мнением собеседника, осуждают поведение и поступки других людей, негативно оценивают интеллектуальные способности окружающих, а также далекие и близкие события: *Гладко было на бумаге, да забыли про овраги*.

«Распаковка» скрытых смыслов является не чем иным, как поиском следов «работы» подсознания в иносказаниях, поскольку прямого наблюдения перехода мысли в слово не существует. Сценарно-фреймовый анализ распадается на ряд объяснительных практик, целью которых являются ответы на вопросы, как происходит, в частности, построение иронических высказываний, для чего это делается, как воздействует ирония на собеседника. Другими словами, перед методикой стоит трудная, но разрешимая задача, перевести на язык инструкций и упражнений все то, что человек «...делает, когда слушает других и «читает» их вербальные и невербальные поступки, опираясь на бессознательный опыт усвоения языка» [8: 3]. Первыми шагами в этом направлении следует признать практики экспланации скрытых смыслов во «внутренней форме слова», идиом, иносказаний.

Литература

1. Большой фразеологический словарь русского языка. Значение. Употребление. Культурологический комментарий / Отв. ред. В.Н. Телия. М., 2006.
2. Гак В.Г. Отображение сокровенного смысла // Сокровенные смыслы: Слово. Текст. Культура: Сборник статей в честь Н.Д. Арутюновой / Отв. ред. Ю.Д. Апресян. М., 2004.
3. Достоевский Ф.М. Бесы // Полное собрание сочинений: В 30 т. Л., 1974. Т. 10.
4. Кириллова Н.Н. Основы идиотмической фразеологии романских языков: Дис. ... д-ра филол. наук. Л., 1991.
5. Лакофф Дж., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем. М., 2004.
6. Леонтьев А.А. Бессознательное и архетипы как основа интертекстуальности // Текст. Структура и семантика. М., 2001. Т. 1.
7. Мамардашвили М.К. Необходимость себя. М., 1996.
8. Сорокин Ю.А. Неканоническая русистика: Статьи, заметки, реплики. М., 2008.
9. Телия В.Н. Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. М., 1996.
10. Шляхов В.И. Речевая деятельность: Феномен сценарности в общении. М., 2010.

V.I. Shlyakhov

THE PROBLEM OF SUBCONSCIOUS IN LANGUAGE AND IMPLICIT MEANINGS IN INDIRECT SPEECH ACTS

Scenario-framing theory, subconscious, indirect speech act, metaphor, irony, rules of language learning and usage, explanation, interpretation, implicit meanings.

The article proves the assumption that the activity of the subconscious is reflected and can be traced in implicit figurative meanings of metaphors, idioms, euphemisms, etc. Modern theory of learning faces the challenge of developing techniques to be applied in teaching foreign students to find and unravel figures of indirect communication in the Russian language.

И.Л. Муханов

ivanmuhanov@mail.ru

канд. филол. наук, доцент
Государственного института
русского языка им. А.С. Пушкина
Москва, Россия

Кумико Сагава

onzerosleep@gmail.com

аспирант Государственного института
русского языка им. А.С. Пушкина
Токио, Япония

Прагматические аспекты русской интонации

(на материале вторичных употреблений интонационных конструкций)

Интонация, интонационная конструкция (ИК), функционирование интонации, прагматика, субъективно-модальные значения.

В статье рассматриваются вторичные («нестандартные») употребления интонационных конструкций (ИК) в русском языке в звучащей речи. Вторичные употребления ИК — это одно из интонационных средств выражения субъективно-модальных (прагматических) значений в речевом общении. Описываются примеры вторичных употреблений ИК-2 с позиции речевой прагматики в повествовательных предложениях (высказываниях), занимающих разные положения в диалоге.

В исследовании функциональных свойств русской интонации в настоящее время особый интерес представляет вопрос об интонационных способах выражения прагматических отношений в речевом общении. В литературе отмечалась недостаточность и необходимость изучения этого аспекта интонации, тех фонационных характеристик, «которые несут существенные функции в передаче прагматического содержания высказывания» [4: 173]. Полагаем, что представление о прагматических свойствах русской интонации может быть в значительной степени расширено при изучении вторичных («нестандартных») употреблений ИК. Выбор для анализа системы интонационных конструкций Е.А. Брызгуновой [1, 2, 8] обусловлен тем, что, как справедливо отмечает

Н.Д. Светозарова, это «единственная полная и законченная классификация интонационных типов русского языка, основанная на точно сформулированных критериях выявления интонационных единиц» [9: 91].

В отличие от основных употреблений ИК, выступающих как нейтральные маркеры коммуникативного типа высказывания и как интонационные смыслоразличительные единицы, вторичные (прагматические) употребления ИК связаны прежде всего с выражением разнообразных субъективно-модальных значений, отражающих субъективное (прагматическое) отношение говорящего. Так, например, ИК-4 в вопросе с вопросительным словом, для которого основной интонацией является ИК-2, может передавать возмущение, недовольство говорящего, ср.:

Почему² ты не позвонил? – Почему⁴ ты не позвонил?

Говорящий человек (субъект), его отношение ко всем компонентам речевой ситуации является, как известно, центральным фактором речевой прагматики (см., например, [7, 10]). Именно поэтому мы называем субъективное отношение говорящего прагматическим, а вторичные употребления ИК – прагматическими. При этом среди разнообразных субъективно-модальных (прагматических) значений особое внимание мы уделяем эмоциям, субъективной оценке, экспрессии и разным видам волеизъявления, поскольку именно здесь особенно отчетливо проявляется «прагматичность» говорящего [5: 140].

Отметим, что при вторичных употреблениях ИК коммуникативное значение высказывания обычно сохраняется, однако при этом появляется дополнительное значение, связанное с субъективным (прагматическим) отношением говорящего. Данное значение составляет имплицитное, подтекстное содержание высказывания, которое в определенной коммуникативной ситуации выступает как основная речевая интенция говорящего. Так, в следующем примере высказывания – *Я торт купила. Вечером чай^{1/4} будем пить* могут произноситься с ИК-1 и ИК-4. Основной для этих высказываний является ИК-1, которая в данном случае передает нейтральное сообщение; при употреблении ИК-4, вторичной для этих высказываний интонации, к сообщению добавляется субъективное отношение говорящего – обещание приятного, стремление «завлечь» собеседника. Таким образом, как показывает приведенный пример, имплицитные субъективно-модальные (прагматические) значения, выражаемые вторичными употреблениями ИК, обогащают информационное содержание высказывания. Обладая речестимулирующими свойствами, такие значения могут формировать различные виды диалогического дискурса.

Следует заметить, что в литературе встречаются примеры, подобные тем, которые мы называем вторичными употреблениями ИК, см., в частности [1, 2, 8]. Однако такие примеры немногочисленны и рассматриваются

без соотнесения с понятием речевой прагматики. Считаем, что анализ живой звучащей речи (художественные фильмы, спектакли, живая разговорная речь) позволит значительно расширить список вторичных употреблений всех типов ИК, а их рассмотрение с учетом речевой прагматики даст возможность их более адекватного описания.

В данной статье мы описываем вторичные употребления ИК-2, основным, ведущим употреблением которой является вопрос с вопросительным словом: *Где² ты был? Зачем ты туда ходил?* В качестве вторичной эта интонация может употребляться в повествовательных предложениях (*Я был там. – Я был там*), в вопросительных предложениях без вопросительного слова (*Вы были там? – Вы были там?*) и в экспрессивно-оценочных предложениях со словами *какой, как, сколько* (*Какая погода! – Какая пог²ода!*). Здесь мы ограничиваемся рассмотрением ИК-2 в повествовательных предложениях. Заметим при этом следующее: в большинстве случаев вторичные употребления ИК выступают в речи в тех или иных модальных реализациях, в которых активную роль играют такие компоненты интонации, как тембр, длительность, интенсивность произнесения, а также регистровые различия¹. Важную роль играют также мимика и жест. В данной статье мы не даем подробного описания этих средств, но отмечаем их участие в необходимых случаях.

ИК-2 в повествовательных апеллятивных предложениях

ИК-2 в качестве вторичной интонации часто употребляется в повествовательных предложениях (высказываниях) со следующими интенциональными значениями: разъяснение, объяснение; несогласие, возражение, протест; уговаривание, убеждение, упрямство; утешение, успокаивание; просьба, приказ; упрек (укор). Эти интенции условно можно назвать апеллятивными, так как все они характеризуются обра-

¹ Подробно о видах реализаций ИК в потоке речи см. [2, 8].

щенностью к собеседнику с целью повлиять на его мнение, действие, состояние.

Апеллятивные высказывания могут произноситься с ИК-1 («обычная» для таких высказываний интонация) и с ИК-2. При этом ИК-1 выступает как нейтральная, собственно информирующая интонация. Что же касается ИК-2, то здесь эта интонация, выступающая во вторичной функции, в наивысшей степени проявляет свое прагматическое – воздействующее свойство. Употребляя эту интонацию, говорящий ставит своей целью убедить / переубедить, успокоить собеседника, вызвать его сочувствие, склонить на свою сторону, заставить изменить мнение, отношение, побудить его поступить так, как хочет говорящий. Ср., например, употребление ИК-1 и ИК-2 со значением разъяснения в ответной реплике следующего диалога:

1) – Почему ты такая колючка?

– Просто я устала^{1/2}. Устала от семьи^{1/2}, / зависимости^{1/2}, / обязательств^{1/2}. Все друг от друга чего-то хотят^{1/2}, / все дают советы (худ. фильм «Осенний блюз»).

В приведенном диалоге ИК-1 во второй реплике выражает нейтральный ответ; ИК-2 наполняет этот ответ живым человеческим чувством, характеризуя эмоциональное состояние говорящего, его отношение к ситуации. Говорящий апеллирует к слушающим, рассчитывая на их понимание, сочувствие. ИК-2 звучит здесь в «жесткой» реализации: усилена громкость, ускорен темп, гласные центры произносятся подчеркнуто, утрированно, что усиливается движением головы с одновременным резким движением руки. Такая реализация ИК-2 передает крайнее раздражение говорящего и имплицитно отчетливо воспринимаемый подтекст: «Я так не могу, поймите меня». Таким образом, вторичное употребление ИК-2 способно превращать нейтральное сообщение в прагматически заряженное.

Отметим другие прагматические свойства ИК-2 в повествовательных апеллятивных предложениях. Такие предложения (высказывания) могут иметь в своем составе различные лексические показатели апеллятивности («Послушайте», «Поймите» и др.).

При отсутствии таких показателей они имплицитно употребляются с ИК-2. См. реплику-реакцию с ИК-2 следующего диалога:

2) – Чего ты хочешь? Чего ты добиваешься? Ты хочешь, чтобы я развелся со своей женой?

– Я хочу, чтобы ты учился! (худ. фильм «Такая короткая долгая жизнь»).

Здесь в реагирующей реплике ИК-2 имплицитно употребляется: «Пойми, пожалуйста...»

Раскрывая прагматические свойства ИК-2 в повествовательных апеллятивных предложениях (высказываниях), отметим следующее. Рассматриваемые типы речевых интенций, как и любые другие типы высказываний, обладают потенциальной модальной многозначностью – способностью выражать в речи различные субъективно-модальные (прагматические) значения при изменении интонации, мимики и жестов. Так, например, интенция возражения, протеста может осложняться такими оттенками субъективного отношения, как удивление, упрек, возмущение заблуждением собеседника, обида, насмешка; интенция разъяснения, объяснения часто сопровождается удивлением, упреком, устыжением и др. Существенную роль в актуализации таких значений играют оттенковые реализации ИК-2, которые вместе с мимикой и жестами меняются вслед за изменением оттенков субъективного отношения говорящего. Ср., например, варьирование оттенков субъективного отношения говорящего в звучании ИК-2 в реплике со значением возражения:

3) – А это что?

– Ну, как что? Я думаю, это пыльца.

– Это п²удра! – ИК-2 насмешки (худ. фильм «Командировка»)².

В приведенном примере насмешка, удивление в реплике-возражении вызвана тем, что собеседник не различает таких простых вещей, как пыльца и пудра.

² В данной статье двоеточие около цифры, отмечающей тип ИК, обозначает удлинение гласного. Обычно удлинение звука отмечается черточкой над звуком. Детализированная интонационная транскрипция представлена в [2].

Субъективно-модальные (в частности эмоциональные) оттенки, осложняющие высказывания, косвенно связаны с субъективной оценкой. Так, возмущение, раздражение естественным образом проецируют отрицательную оценку, а радость свидетельствует о положительной оценке говорящего по отношению к собеседнику, предмету речи или ситуации. Эмоции и субъективная оценка, выражаемые вторичным употреблением ИК-2, входят в информационное содержание высказывания, значительно обогащая его. Так, в примере 3 информационное содержание оппозитивной реплики *Это пýдра!* включает в себя: интенциональное значение; эмоцию (насмешка); отрицательную оценку; экспрессию. Нейтральная ИК-1 ограничивается лишь выражением интенционального значения реплики.

Следующей важной функционально-прагматической особенностью субъективно-модальных значений ИК-2 является тот факт, что они, как и все виды имплицитных смыслов, обладают свойством диалогогенности — способностью стимулировать речевую реакцию собеседника³. Так, например, насмешка может вызвать обиду, упрек может стать стимулом для возмущения собеседника, желания оправдаться и т.д. Определенные субъективно-модальные значения задают определенные виды речевого (конкретнее, прагматического) реагирования. В этом со всей очевидностью проявляется факт «коммуникативного согласования» (термин Н.И. Формановской [10]) высказываний говорящих. Приведем пример.

4) Ситуация: разговор медсестры и бабушки во время операции внуки:

— *А сколько лет вашей внучке?*

— *Шесть с половиной.*

— *Осенью должна была пойти в школу?*

— *Почему «должна была»? Она пойдёт в школу!* — ИК-2 возмущения; уверенности.

— *Ну да. Я просто так сказала* (худ. фильм «Третий в пятом ряду»).

В приведенном диалоге реплика-извинение медсестры (*Я просто так сказала*)

вызвана возмущением бабушки тем, что медсестра, по ее мнению, не верит в скорое выздоровление внуки.

В следующем диалоге «утешительное» звучание вторичной ИК-2 в зависимой реплике обусловлено очевидным огорчением собеседника:

5) — *Не понял ты ничего.*

— *Да нёт, / Лёш, / пёнял* (худ. фильм «Незванный друг»).

Таким образом, значения, выражаемые ИК-2 в повествовательных аппеллятивных предложениях (высказываниях), находят отражение в структурировании диалогического дискурса. Это прагматическое свойство характерно для разных типов ИК во вторичных употреблениях.

Далее остановимся на повествовательных предложениях (высказываниях) с аппеллятивным значением упрека (укора).

Прагматическим основанием для выражения упрека (укора) являются недовольство, возмущение говорящего тем или иным действием, поступком или состоянием собеседника. Существенной особенностью высказываний со значением упрека является их оценочный (всегда отрицательный) характер. Субъективная отрицательная оценка представляет собой ведущий семантический компонент высказываний со значением упрека и всегда находит отражение в их семантической структуре (информационном содержании): — *Ты мне не позвонил.* = «Плохо, что ты мне не позвонил, я этим недоволен».

Другой важной особенностью «упрекающих» высказываний является тот факт, что они имплицитно заключают в себе косвенный побудительный смысл: «Делай (сделай) / Не делай этого». Этот смысл также входит в информационное содержание «упрекающих» высказываний, как и субъективная оценка, ср.: — *Ты опять опоздал.* = «Ты опять опоздал, это плохо, это мне не нравится; не опаздывай больше». При отнесенности упрека к действию в прошедшем времени, дополнительный косвенный смысл может быть выражен как «Плохо, что ты это сделал (так поступил), не нужно было этого делать (так поступать)» или «Плохо, что ты

³ Подробнее о речестимулирующих (диалогогенных) свойствах имплицитных смыслов см. [6].

этого не сделал, надо было это сделать». Таким образом, информационное содержание семантически «простых» на первый взгляд высказываний типа приведенных выше является емким и неоднозначным. Оно сочетает в себе «собственное» (вытекающее из лексико-грамматического состава) и косвенные прагматические значения (косвенное побуждение, долженствование, субъективная оценка)⁴, а также эмоции – недовольство, возмущение.

В зависимости от субъективного (прагматического) отношения говорящего (желание / нежелание обидеть, расстроить, возмутить собеседника) упрек может выступать в различной градации по степени экспрессивности. Такая градация находит отражение в интонационных модификациях. При этом наиболее прагматическим (в данном случае убеждающим) эффектом обладает ИК-2, выступающая во вторичной функции в высказываниях со значением упрека. Эта интонация в упреках может выступать в «мягкой» реализации («мягкий» тембр, сниженная громкость, растяжка гласных, назидательный взгляд) и в «жесткой» реализации (усиленная громкость, жесткий тембр, форсирование согласных звуков, убыстренный темп). «Мягкая» реализация ИК-2 используется в случаях прагматической задачи не обидеть, не «задеть за живое» собеседника; «жесткая» реализация этой интонации употребляется при необходимости усилить категоричность упрека, подчеркнуть вину собеседника. Ср. возможность использования этих двух реализаций ИК-2 в следующем контексте при необходимости мягкого, доброжелательного упрека, назидания и жесткого упрека:

6) – *Да ты не сделала и ста шагов по этой дороге, / ты еще ни разу всерьез не занималась ни домом, / ни семьей, / ни мужем, / ни детьми / (...)* (худ. фильм «Осенний блюз»).

«Жесткая» реализация ИК-2 отчетливо представлена в следующем примере:

7) (Бессеменов, детям) – *К вам ходят гости, / целый день шум – ночью спать нельзя. Ты вон на моих глазах с постоянной шаши заводишь, / а ты вечно надута. А мы с матерью вон по углам жмемся...* (спектакль «Мещане», Бессеменов – актер Е. Лебедев).

В приведенном примере «жесткой» реализации ИК-2 в сочетании с жестом, мимикой (резкое движение руки снизу вверх, жесткий взгляд) в значительной степени увеличивается прагматическая (воздействующая) сила высказывания-упрека, в котором в яркой экспрессивной форме выражены наступательность и бескомпромиссность говорящего. Кроме того, именно данная реализация ИК-2 в наибольшей степени высвечивает отрицательную оценку и императивность высказывания-упрека.

Очевидно, что «мягкая» и «жесткая» тональность «упрекающих» высказываний будут иметь различный перлокутивный эффект, стимулировать различную речевую (и неречевую) реакцию – от извинения, оправдания до контрнаступления. Этот интересный вопрос требует отдельного рассмотрения.

Вторичные употребления ИК-2 в повествовательных предложениях – ответных репликах диалога

В кратких повествовательных предложениях, выступающих в качестве реплик-реакций (– *Ты позвонил Юре? – Позвонил*) вторичное употребление ИК-2 передает яркие оттенки субъективного отношения говорящего, особенно отчетливо проявляемые на фоне ИК-1, нейтральной здесь интонации. Как правило, ИК-2 в таких репликах выражает раздражение, а также удовлетворение, радость говорящего. Эти различные по своему характеру прагматические оттенки могут выражаться в одной и той же реплике говорящего при изменении тембра ИК-2, мимики и жеста, которые сигнализируют о разных пресуппозициях, являющихся прагматическим основанием для выражения указанных оттенков. Приведем примеры.

⁴ Подробнее о различении понятий «собственное» и «прагматическое» значения языковых единиц см. [3: 204–205].

8) – Ты принес мой словарь?

– Принёс.

9) – Ну, ты пойдешь в кино?

– Пойду.

Ответные реплики в этих диалогах, как уже отмечено, могут выражать раздражение и радость, удовлетворение. Прагматическим основанием раздражения в таких случаях являются надоедливость, назойливость собеседника. Чувство радости, удовлетворения имеют прагматическим основанием тот факт, что говорящему наконец-то удалось сделать то, что от него требовалось (пример 8); радость, удовлетворение сигнализируют о том, что говорящему удалось преодолеть препятствия, чтобы сделать то, что для него было желанным (пример 9). Как при раздражении, так и при выражении радости ИК-2 звучит с усилением и небольшой растяжкой гласного.

Субъективно-модальные значения в ответных репликах приведенных диалогов выражаются, как и в других случаях, имплицитно. При этом они могут стимулировать речевую реакцию собеседника, задавать ход развития диалога, который в этом случае развивается по линии «выяснения отношений». Ср.:

10) – Ты принес мой словарь?

– Принёс. – ИК-2 раздражения.

– А почему ты так отвечаешь?

– Потому что мне надоел уже этот вопрос. Сколько можно спрашивать?

11) – Ну, ты пойдешь в кино?

– Пойду. – ИК-2 радости.

– Ну, я рад за тебя, хорошо, что у тебя получается.

Заметим, что ИК-2 в данных примерах и во всех подобных случаях имеет оценочный характер с разной направленностью оценки: раздражение – отрицательная оценка, направленная на собеседника; радость – положительная оценка, направленная на ситуацию. Эмоции и индуцируемая ими субъективная оценка придают ответным репликам яркую экспрессивность. Итак, вторичное употребление ИК-2 в ответных репликах приведенных примеров значительно расширяет их информационное содержание.

Остановимся на другой интенциональной разновидности ответных реплик с вторичным употреблением ИК-2, в которых эта интонация выполняет функцию напоминания. Обычная для таких реплик интонация (ИК-1) напоминающей функции не имеет, она лишь передает в нейтральном виде новую, требуемую собеседником информацию. ИК-2 в этом случае сигнализирует о наличии у говорящих общих знаний и выполняет роль напоминания о том, что знал, но забыл собеседник. Ср.:

12) – А куда это ты собираешься?

– В кафе. В кафе! = «Ты что, забыл?» (разг. речь).

Интенциональное значение напоминания при ИК-2 может осложняться разными оттенками субъективного (прагматического) характера, в этом случае возможны удивление, недоумение, упрек, обида. Так, содержание ответов с ИК-2 значительно «богаче» ответов с ИК-1. Оно включает в себя: собственно ответ; эмоцию; субъективную оценку, направленную на собеседника и ситуацию; экспрессию.

Перечисленные выше эмоциональные оттенки (удивление, недоумение, упрек, обида) могут выражаться в высказывании имплицитно (ИК-2 + соответствующая мимика), а также получать эксплицитное выражение в разнообразных сопутствующих ответу высказываниях: *Неужели ты не помнишь?; Как ты мог забыть?; Странно, что ты забыл* и др. Такие высказывания подтверждают интенциональный (напоминающий) характер ответной реплики, выражаемый вторичным употреблением ИК-2. Их употребление невозможно при чисто информирующей ИК-1 в ответе. Приведем пример.

13) – Будут шашлыки.

– Какие шашлыки?

– Как какие? Прощальный ужин! Все-таки уезжаем завтра! (худ. фильм «Командировка»).

В приведенном диалоге ИК-2 говорящий в ответной реплике апеллирует к памяти собеседника, пресуппозициям. Употребляя ИК-2, говорящий может также апеллировать к другому ментальному свойству собеседника – его догадливости. В этом случае

реплики говорящего сопровождаются высказываниями типа *Неужели непонятно?; Что, трудно догадаться?; Как кто (куда, зачем и под.)?* См. пример:

14) – *Давай пойдём ко мне.*

– *Зачем?*

– *Поговори́м. Ка́к за́чем?* (худ. фильм «Встречи»).

ИК-1 в ответах приведенных примеров передавала бы нейтральную лишённую прагматического заряда информацию, а ИК-2 здесь кроме сообщения выражает дополнительную прагматическую информацию – удивление, упрек и соответственно субъективную отрицательную оценку, направленную на собеседника, а также экспрессию. Таким образом, информационное содержание ответных реплик с вторичным употреблением ИК-2 отличается широтой и разнообразием входящих в него значений.

Таковы функционально-прагматические особенности вторичных употреблений ИК-2 в повествовательных предложениях. Следует заметить, что многие из таких особенностей (в частности, связь вторичных

употреблений с субъективным (прагматическим) отношением говорящего; имплицитный характер прагматических значений, выражаемых вторичными употреблениями ИК; способность таких значений стимулировать речевую реакцию собеседника и задавать ход развития диалога; активное участие таких компонентов интонации, как тембр, длительность, интенсивность, регистровые различия, а также мимика и жесты в варьировании оттенков субъективного отношения говорящего) являются общими для разных типов ИК.

Считаем, что учет вторичных употреблений ИК будет полезным в обучении иностранных учащихся. Часто обучение русской интонации ограничивается даже на продвинутом этапе изучением только основных употреблений ИК. Знание вторичных (нестандартных) употреблений ИК позволит иностранным учащимся открыть новую сферу живой русской речи, овладеть дополнительными средствами, способствующими пониманию и выражению в коммуникации самых разнообразных субъективных (прагматических) отношений.

Литература

1. Брызгунова Е.А. Звуки и интонация русской речи. М., 1977.
2. Брызгунова Е.А. Эмоционально-стилистические различия русской звучащей речи. М., 1984.
3. Гак В.Г. Прагматика, узус и грамматика речи // Языковые преобразования: Виды языковых преобразований. Факторы и сферы реализации языковых преобразований. М., 2010.
4. Кодзасов С.В. О фонетической интроспекции // Экспериментальные методы в психолингвистике. М., 1987.
5. Колшанский Г.В. Соотношение субъективных и объективных факторов в языке. М., 2005.
6. Муханов И.Л. О текстообразующей функции имплицитных смыслов высказывания (диалог) // Имплицитность в языке и речи / Отв. ред. Е.Г. Борисова, Ю.С. Мартеньянов. М., 1999.
7. Новое в зарубежной лингвистике: Вып. 16. Лингвистическая прагматика / Под общ. ред. Е.В. Падучевой. М., 1985.
8. Русская грамматика. М., 1980. Т. 1–2.
9. Светозарова Н.Д. Интонационная система русского языка. Л., 1982.
10. Формановская Н.И. Речевое взаимодействие: коммуникация и прагматика. М., 2007.

I.L. Muhanov, Kumiko Sagawa

PRAGMATIC ASPECTS OF RUSSIAN INTONATION (ON MATERIAL SECONDARY USES OF INTONATION CONSTRUCTIONS)

Intonation, intonation construction (IC), functioning of intonation, pragmatics, subject modal meaning.

The article presents secondary (unstandardized) uses of intonation constructions (IC) in speech in Russian language. Secondary uses of intonation construction are one of means of expressing subjective modal (pragmatic) meaning in communication. The article describes examples of secondary uses of IC-2 in terms of pragmatics in different types of narrative sentences in dialogue.

Е.О. Кузьмина

ekuzmina59@mail.ru

канд. пед. наук, доцент
Самарской гуманитарной академии
(филиал в г. Тольятти)
Тольятти, Россия

Экспериментальная мастерская языковой игры в афористике С. Кржижановского

Парадокс, ирония, перевернутый образ, антиномия, интертекстуальные связи.

В статье рассматривается природа образности афористических высказываний в творчестве С. Кржижановского и нестандартное выражение в них языкового материала. Афористика писателя рассчитана на разрушение инерции читательского восприятия, она представляет язык в парадоксальной и остроумной форме. Внимание акцентируется на различных способах комического обыгрывания бытовых и бытийных представлений о мире, выстроенных на парадоксе, антиномии, цитации и словотворчестве. Анализируются приемы создания каламбурной игры в афоризмах писателя, иллюстрирующие творческие возможности языка, многообразные средства оживления смысла слова и обновления его формы, а также ироническое переосмысление фразеологизмов и крылатых выражений.

© Фото М. Наппельбаума

С. Кржижановский

Сигизмунд Доминикович Кржижановский (1887–1950) –

русский советский писатель, теоретик литературы и театра, драматург, философ, чья уникальная философская проза практически не публиковалась при жизни автора, но в последнее десятилетие становится доступна читателям, переводится на основные европейские языки и постепенно занимает заслуженное место в литературном процессе первой половины XX в. Основная литературная деятельность С. Кржижановского протекала в 1920–30-е гг., когда были написаны 5 повестей и 6 книг новелл.

С. Кржижановский – писатель европейского уровня, сравнимый по масштабу дарования с Ф. Кафкой, Х.Л. Борхесом. Его новеллы близки произведениям А. Платонова, М. Булгакова, А. Грина, А. Белого. Отличительная черта прозы писателя – постоянная рефлексия на темы мировой культуры. Огромное влияние на него оказали философские системы И. Канта, Г. Лейбница, античные и средневековые философы, а также Шекспир, Гофман, По, Свифт. В своих произведениях писатель осмысливает процессы, происходящие в современном ему мире, в том числе в России.

Афористика как минимальный жанр словесного творчества предполагает набор таких сущностных параметров, как прозаичность текста, предельная информативная краткость, пуантированность (парадоксальность) содержания [3: 26]. Многие афоризмы, являясь по внешней форме чистым суждением, обусловленные стремлением многих писателей донести универсальный смысл бытия через осмысливание своей собственной точки зрения на конкретные события и тенденции современной действительности, читаются как тематизированные свидетельства о смысле жизни, искусстве, религии, назначении человека и т.д. Для С. Кржижановского, писателя, в творчестве которого эксперименты над словом играют важную роль, афористическое высказывание становится объектом словесного художественного творчества, в котором **природа образности**, скрывающаяся за суждением, является достаточно емкой и выразительной. Своеобразие афоризмов писателя выражается не только в построении текста и амбивалентности его содержания, но и в нестандартном **представлении языкового афористического материала**, который может служить ярким примером экспериментальной мастерской и энциклопедией различных **видов и приемов языковой игры**. Языковая игра, рассматриваемая в лингвистике как использование фигур речи с расчетом на комический эффект [4: 934], в афористике С. Кржижановского [2] представлена такими ее видами, как **парадокс, ирония, антиномия, метафорическое сравнение, цитация, словотворчество и каламбур**.

Яркого стилистического эффекта писатель достигает, используя **парадокс** как высказывание, противоречащее реальности и расходящееся с общепринятым мнением, диссонирующее с обычными представлениями о мире. Задача автора – разрушить обычные стереотипы и вызвать у читателя недоумение, заставить его **увидеть новое, необычное в обычном**: *Ладони суть пятки рук; Хорошо, если б у ушей, подобно глазам, было нечто вроде век; Если отрубить вре-*

мени крылья, как птице, – не получится ли пресловутая вечность?; зуб был коронован (коронка) только после того, как сгнил; Первый человек, который похристовался, был Иуда. Парадоксализм авторского мышления переводит взгляд читателя из плоскости логического уровня к мировоззренческому и выражается в исключительно новых, невероятных и странных представлениях о мире. Отсюда парадоксы восприятия и парадоксы мироустройства, когда **стандартное соединяется нестандартным образом**: *Если содержание обуто в форму, как нога в сапог, то отсюда следует: слишком свободную форму легко потерять с содержания, а слишком тесная форма может сделать содержание мозолистым.* Писатель часто прибегает к перевернутому образу (термин Ю.М. Лотмана) как приему абсурда, который разрушает стереотипы мышления и технически заключается в перестановке элементов при сохранении того же набора: *Что надо сделать двугорбому верблюду, чтобы стать похожим на статую Афродиты Капитолийской? Во-первых, стать на задние ноги. Во-вторых, переместить горбы со спины на грудь. В-третьих, перераспределить их с вертикали на горизонталь. И, наконец, в-четвертых, – похорошеть.*

Часто афоризмы, построенные на лексических парадоксах, тяготеют к различного рода **антиномиям**, которые не только усиливают эмоциональное восприятие и придают высказыванию комический эффект, но и выражают в противопоставлении философские категории, идеи, мнимое и подлинное: *Слезы пацифистов всегда почему-то каплют мимо пороха: он остается – как и был – сухим; В котле революции одни расквашены до красна, другие добела; Живой, искренний пессимизм радостнее вымученного оптимизма; Добрый человек это тот, кто зол к самому себе; Тонкий вкус, потолстевший от признаний и похвал; Я стал элементарен от сложности.* Логичность суждения (соотносительность причин и следствий) может служить **средством создания иронии**, когда автор с помощью логических операций доказывает абсурдность поло-

жений, явлений, действий в современном мире. Чаще всего обыгрываются причинно-следственные отношения, которые приобретают абсурдный характер, но это отражение абсурдности самой жизни: *Велика ли рюмка – а сколько народу в ней утонуло!; Горчицу, выпущенную под маркой «Дружба», советовал бы переименовать: звучит не оптимистично; «Истина с улыбкой» – подпорченный продукт; Когда метут пол, иные пылинки получают повышение.*

В своих афоризмах С. Кржижановский часто обращается к различным средствам наглядности, основывающимся на переносе опыта из одной области в другую, **прибегая к аналогиям, метафорическим сравнениям и сопоставлениям**, которые помогают понять интеллектуальную информацию и передают парадоксальность авторского мышления: *Земля, сказал бы я, – яйцо, сваренное солнцем слишком вкрутую; Мышление – как скольжение пунктира в линию. (Так история мыслит фактами, лишь соединяя их, придавая им непрерывность); Сердце стучит дятлом; Дружны, как карандаш и резинка; Идеалист подобен камбале: видит над, но не под* (камбала не умеет видеть под собой).

Как видим, парадокс в афоризмах писателя является не только способом построения афористических высказываний и художественным приемом комического, но и одним из принципов авторского мировосприятия.

В афоризмах С. Кржижановского достаточно широко раскрываются интертекстуальные связи с использованием **цитирования** известных текстов (крылатых выражений, пословиц, фразеологизмов). Под цитацией мы понимаем также и аллюзийные ссылки на имена, названия исторического, мифологического или собственно литературного характера. Поэтому декодирование таких афористических высказываний возможно при наличии соответствующих фоновых знаний, которые в новом контексте меняют свой смысл. Трансформация цитаты может сопровождаться разрушением целостности цитируемых высказываний и ироническим переосмыслением

смыслов культурной традиции. Приведем несколько примеров цитации: *Посмертная слава: громяхающая «телега жизни», едущая дальше порожняком* (намек на одноименное стихотворения А.С. Пушкина, 1823); *О советских шекспирах можно пока писать вилами, которые еще не выкованы, по воде, которая уже высохла* (трансформация фразеологизма *вилами на (по) воде писано* – ирон. или неодобр.: то, что сомнительно, неясно, не заслуживает доверия); *Сейчас над вымыслом принято обливаться не слезами, а потом;* («Над вымыслом слезами обольюсь» – строка из стихотворения А.С. Пушкина «Элегия», 1830).

В сферу игрового сознания С. Кржижановского входит также и **словотворчество** как принцип создания новых слов, реализующих потенциальные возможности языка. Так, авторское сознание, не терпящее ни застывшей формы, ни застывшей мысли, в игровых ситуациях проецирует **новый язык (новояз) советской эпохи** – стереотипы мышления, слова и обороты речи, отражающие реалии советского периода в истории России в 1920-30-е гг., высвечивая их в культурном контексте. Одной из характерных особенностей новояза были **советизмы** – специально созданные, обычно сложносокращенные слова, обозначающие новые, советские реалии, аббревиатуры, отражающие и экономно называющие социально-политические процессы, явления, организации и т.п. [6: 533–534]. Иронический взгляд писателя выражается в отрицании не только всего застывшего в языке (от фразеологизмов до употребления слов в своем стандартном значении), но и в неприятии употребления аббревиатур, стремления новояза к стандартизации и унификации языка. Поэтому предметом лингвистической игры в афоризмах писателя становится моделирование речевых стереотипов нового языка советской эпохи: *«Не пойму – Издво: не то издательство, не то издевательство»;* *«Учись краткости. О Шоу. В двух словах: циничен, но сценичен. В одном: сциничен»;* *«Оратор. Уважаемые товарищи... Председатель. Короче. Оратор. Увт...»*

Внимание автора к различным значениям словообразовательных элементов современного русского языка обосновано стремлением к их ироническому переосмыслению. Сквозь слова-новообразования «просвечиваются» реально существующие слова с отрицательной оценкой: *«Когда-нибудь исследователь конца столетия напишет исследование о «щине»: есенинщина – полонщина – и неисчислимое число иных щенок оценившейся щины»*; *«В эти годы бродила, присасываясь к суффиксам имен, злая-ощетинившаяся «щина» (Толстовщина, Воронщина, Головшищина)»*.

Следует заметить, что в русском языке выделяются отвлеченные существительные, которые благодаря суффиксу *-щин-* получают отрицательное оценочное значение. Как замечает В. Перельмутер, партийная печать конца 20-х – начала 30-х гг. XX в. приучила читателя к тому, что «ругательный» суффикс *-щин-* – «яркое пятно в истории советской литературы», достаточно упомянуть борьбу с «полонщиной», критику «переверзевщины», нападки на «воронщину» [5: 591]. Подобного рода оценочные образования получили продуктивность и в 1950-е гг. (*военщина, иностранщина, интеллигентщина, дедовщина, групповщина, гамлетовщина* и др.), актуализировались также и в перестроечный период в публицистике, например: *сталинщина, ежовщина, брежневщина*.

Разнообразные экспрессивные оттенки негативной оценки выражает также и суффикс *-ец-*, указывающий на категорию лица: *двоеженец, отщепенец, тунядец* и др. Это дало повод С. Кржижановскому к ироническому переосмыслению этого суффикса и созданию по этой же словообразовательной модели таких слов, как *корделианец* (последователь в искренности и бескорыстии Корделии, младшей дочери короля Лира) и *лишенец*. Писатель пародирует употребление слова «лишенец», которое применялось к лицам, лишенным чего-либо: *О писателе Л. скажу: не лишенец остроумия*. Экспрессивное словообразование в афоризмах писателя обусловлено конкретными художест-

венными задачами: суффиксы субъективной оценки *-щин-* и *-ец-* выступают как средство иронического и сатирического обыгрывания новояза советской эпохи.

Каламбурная игра словами составляет еще одну стилистическую особенность афористики С. Кржижановского. Если в XIX в. признанным королем каламбура считался Д. Минаев, а в XX в. – Эмиль Кроткий, то не меньшего признания достоин и С. Кржижановский, который **создает экспериментальную мастерскую по выработке приемов создания каламбура**, показывая тем самым богатейшие возможности остроумной оболочки для мысли, которая хочет обратить на себя внимание и может показаться нам более значительной и ценной прежде всего потому, что «старомодная назидательность становится мудростью, грубость – подтруниванием, тривиальность – любопытным соображением и, наконец, откровенная чушь – загадочным глубокомыслием» [7: 502]. Каламбур – это шутка, основанная на смысловом объединении в одном контексте либо разных значений одного слова; либо разных слов (словосочетаний), тождественных по звучанию (омонимов) или сходных по звучанию (паронимов); либо псевдосинонимов или псевдоантонимов [7: 497]. С. Кржижановский как бы приглашает читателя к лингвистической операции, демонстрируя в своих афоризмах различные **приемы создания каламбура**: 1) обыгрывание паронимии; 2) обыгрывание омонимии; 3) семантическое обыгрывание слов, основанное на их смысловой близости и антиномии; 4) использование намеренно ложной мотивации; 5) разрушение фразеологизма; 6) игра в опечатки. Рассмотрим приемы каламбурной языковой игры в афоризмах писателя.

1. Каламбур, основанный на обыгрывании сходства в звучании слов или словосочетаний (так называемая **парономазия, или паронимия**): *У нас падки до упадка; Без вина виноват; В пример женам, смотрящим на уха-*

живателей сквозь пальцы, должно указать на Пенелопу, которая смотрела на них сквозь пальцы; Безмузный поэт подобен безлузному бильярдисту; О, Пушкин, шумящий на опушке нашей литературы; Крестьяне – горбом, дворяне – гербом.

2. Каламбурному обыгрыванию подвергаются **омонимы**: *Интеллигент. «Перед тем, как нам передохнуть, дайте передохнуть»; К сожалению, есть у нас еще слишком быстрые разумом Не в тоны. Но на них имеются мильтоны* (каламбурная игра имен собственных: Исаак Ньютон / «Невтон» – английский математик, астроном и физик и Джон Милтон (1608–1674) – английский поэт и политический деятель); *Наши философы в каком-нибудь Беме – ни бе, ни ме* (Якоб Бёме (1575–1624) – немецкий философ-мистик).

3. Каламбур, основанный не на формальной, языковой, а **на смысловой связи слов** (семантические каламбуры), когда обыгрываются слова из разных **синонимических или антонимических пар**: *Юноше притворяться многоопытным – то же, что красить волосы в седой цвет; Умная ложь гораздо правдивее глупой правды; Вместо крупных мастеров слова – мастера крупных слов.*

Другой вид семантического каламбура – **каламбур-маска** – содержит резкое столкновение обыгрываемых слов: сущность комического проявляется в двуплановости семантики, когда первоначальное понимание смысла внезапно заменяется другим. Такой каламбур-маска содержит множество других добавочных смыслов высказывания, нередко возводящих его в ранг философского умозаключения: *Беллетрист (на смертном одре – критику): Могу спокойно умереть, зная, что есть кому мне закрыть глаза... на литературу; Любовница и жена –*

на вкус – это телятина и... конина; Да, мы соль земли, но... погруженная на осла.

4. В афоризмах писателя широко представлена **ложная этимология** – искусственное толкование слов. Из них можно составить этимологический словарь-шутку, который представляет собой собрание нереализованных возможностей языка. Ложная, или народная, этимология опирается не на научные принципы анализа, а на случайные сопоставления, вызванные простым созвучием слов. Вот несколько примеров: *Всякое имя рек – имя рек, текущее в ничто* (имя рек – от устар. рекло – имя, придаваемое человеку по святцам, семейное прозвание); *Подшефные – под шафе*; *Параметр в пару метров*; *Лицемерие – мерить лицо?*; *Крупье, стоящий за крупной*; *Бакены – две бороды на одном лице*. Иногда такие выражения сам автор называет шарадами: *Категория: Катя – горе – я; Горизонт: Гори, зонт!*

5. Одним из приемов языковой игры является **разрушение фразеологизма**. Намеренная переделка широко известных выражений – фразеологических оборотов, пословиц и поговорок – создает межтекстовую многозначность, в результате которой возникает добавочный дополнительный смысл взаимодействующих обыгрываемых слов. Приведем несколько примеров. *Писателю, пишущему «кровью сердца», изъясни, что сердце не годится в чернильницы* [2: 313]. Данный афоризм воспринимается как остроумный ответ, более семантически богатый и мотивированный, на недостаточно мотивированный каламбур Э. Кроткого: *«Писать надо кровью сердца. Своего, конечно, а не чужого»*. Выражение *кровью сердца* (подобно фразеологизмам *кровь из носу, до кровавых мозолей, до кровавого пота*) означает «добывать-

ся изнурительным трудом чего-либо, истощая свои силы». Отсюда следует, что сердце писателя — не «чернильница» и не годится для испытания мук и страданий в ущерб своей жизни. Еще пример: *Прах писателя в могиле (ручью, сквозь него протекающему). Ничего-ничего, я привык, чтобы мои косточки перемывали* [2: 318]. Затрагивается вопрос о том, что писателю нет покоя ни при жизни, ни после его смерти (*перемывать косточки* — сплетничать, злословить, судачить о ком-либо).

Как видно из приведенных примеров, с одной стороны, в результате игровой трансформации фразеологизмов и пословично-поговорочных выражений происходит разрушение застывших синтаксических и смысловых связей между компонентами, так как игровое авторское сознание стремится к обновлению формы и смысла слова. С другой стороны, разрушение целостности известных выражений расширяет круг вызываемых ассоциаций и сопровождается их ироническим переосмыслением. Важно отметить, что игровой феномен, реализующийся на языковом уровне, различные механизмы языковой игры в творчестве С. Кржижановского можно наблюдать также и в жанрах очерка и новеллы писателя [1: 50–64].

6. Кроме того, в афоризмах С. Кржижановского встречается и такой прием речетворчества, как **игра в опечатки** — намеренная переделка слов: *Ах, вы мне наступили на мавзолей; Редает волос летучая гряда* (переделка строки стихотворения А.С. Пушкина «Редает облаков летучая гряда...», 1820); *Корова повернула к доярке голову, как если бы хотела спросить: «Что в вымени тебе моем?»* (переделка строки стихотворения А.С. Пушкина «Что в имени тебе моем?..», 1830).

Таким образом, в афоризмах С. Кржижановского раскрывается масштаб свободной и духовной личности писателя. Стандартизация языка влечет за собой экспансию штампов: от застывших в языке фразеологизмов до употребления отдельных слов. Афористические высказывания писателя, как и все его творчество, могут служить своего рода практической энциклопедией языковой игры: настолько широко и многообразно представлены в них творческие возможности языка. Языковая игра в афористике С. Кржижановского, определяя лингвокреативное мышление автора, выполняет несколько функций. **Коммуникативная функция** рассчитана на разрушение инерции читательского восприятия и призвана оживить смысл слова, выявить с помощью обновления его формы первоначальную образность звукового восприятия. **Когнитивная (креативная) функция** языковой игры позволяет представить язык как творческое смыслообразующее пространство, в котором сопрягаются, конструируются и моделируются бытовые и бытийные представления о мире в их парадоксальной и остроумной форме. И, наконец, **ироническая функция** реализуется за счет отстраненности авторской позиции, которая проявляется в оценке деформированной объективной реальности и вызывает стремление автора нейтрализовать отрицательные эмоции языковой игрой, включающей в себя элементы комического: парадокс, иронию, различного рода антиномии и метафорические сравнения, цитацию, основанную на интертекстуальных связях, словотворчество, а также разнообразные приемы создания каламбурной игры: паронوماзию, омонимию, семантическое обыгрывание слов, ложную этимологию, разрушение фразеологизмов, игру в опечатки. Смысловое и стилистическое богатство афористики С. Кржижановского в советские идеологизированные 20–30-е гг. XX в. свидетельствует о смелости и высоком уровне мастерства автора и является ярким примером его идиостиля.

Литература

1. Клецкина О.М. Философия языковой игры в прозе С. Кржижановского // Словарь, грамматика, текст в свете антропоцентрической лингвистики: Сб. науч. трудов. Иркутск, 2005. Вып. 3.
2. Кржижановский С. Афоризмы. Записные тетради // Кржижановский С. Собр. соч.: В VI т. М.; СПб., 2010. Т. V.
3. Кулишкина О.Н. Афоризм // Поэтика: Словарь актуальных терминов и понятий / Гл. науч. ред. Н.Д. Тамарченко. М., 2008.
4. Москвин В.П. Выразительные средства современной русской речи. Тропы и фигуры. Терминологический словарь. Ростов-на-Дону, 2007.
5. Перельмутер В. Комментарии // Кржижановский С. Собр. соч.: В VI т. М.; СПб., 2010. Т. V.
6. Россия. Большой лингвострановедческий словарь / Под общ. ред. Ю.Е. Прохорова. М., 2007.
7. Санников В.З. Русский язык в зеркале языковой игры. М., 2002.

Е.О. Kuzmina

PUN EXPERIMENTAL WORKSHOP IN KRZHIZHANOVSKY'S APHORISTICS

Paradox, irony, inverted image, antinomy, intertextual connections.

The paper deals with nature of aphorism figurativeness in Krzhizhanovsky's works and nonstandard manifestation of language material in them. The writer's aphoristics is aimed at the destruction of readers' perception inertia and manifests the language in its paradoxical and witty form. The attention is paid to different ways of comic play on everyday and existential representations of the world based upon paradox, antinomy, citation and word creation. We analyze methods of pun creation in the author's aphorisms illustrating language creativity, various ways of word meaning revival and its form renewal, ironic reinterpretation of phraseologisms and aphorisms.

НОВОСТИ НОВОСТИ НОВОСТИ НОВОСТИ НОВОСТИ

22–23 марта 2013 г. в Российском культурном центре в Будапеште состоялась XVIII Международная научно-практическая конференция «Современный русский язык: функционирование и проблемы преподавания», организованная представительством Россотрудничества в Венгрии совместно с Будапештским университетом им. Л. Этвеша и Венгерской ассоциацией преподавателей русского языка и литературы. В рамках пленарного и секционных заседаний с докладами по актуальным вопросам методики преподавания РКИ, современной лингвистики, литературоведения, лингвокультурологии, межкультурной коммуникации, переводоведения выступили представители российских вузов: МГУ им. М.В. Ломоносова, Санкт-Петербургского государственного университета, Российского университета дружбы народов, Государственного института русского языка им. А.С. Пушкина, Казанского (Приволжского) федерального университета, а также русисты из университетов Венгрии, Австрии, Сербии, Финляндии, Казахстана. Для аспирантов венгерских вузов была организована работа отдельной секции, что позволило подробно рассмотреть проблемы, исследуемые молодыми специалистами.

Е.Е. Захарова, руководитель курсов русского языка
Российского культурного центра в Будапеште

М.Ю. Лебедева

maryswan@mail.ru

аспирант Государственного института
русского языка им. А.С. Пушкина

Москва, Россия

«Эти взрослые такие дети!»

(особенности противопоставления *ребенок – взрослый* в русском языке)

Концепт, антонимические отношения, оппозиция, метафора, прагматическое значение.

В статье рассматриваются особенности противопоставления взрослого и ребенка в русском языке. К анализу привлечены данные словарей, художественных и публицистических текстов и результаты психолингвистического эксперимента. Показывается, как на оппозицию *ребенок – взрослый* влияет рудиментарное представление о ребенке как о недочеловеке, зафиксированное, в частности в пословицах. Анализируется метафорическое значение и описывается прагматика употребления лексемы *взрослый* (конструкция «X – взрослый»). Сочетание различных методов исследования, таких как анализ языковых фактов как данности (анализ словарей, контекстов), анализ фактов метаязыковой рефлексии (различные типы опросов и ассоциативных экспериментов) и культурологический анализ, позволяет рассмотреть описываемое явление в координатах «язык – культура – личность».

Представления о детстве, без сомнения, выходят за рамки возрастного определения: оно становится обозначением не только периода жизни, но и интеллектуального и психологического состояния, что отражено, например, в высказывании «Детство – это не возраст, а состояние души»¹. Детство в русском языке концептуализируется, обрастает широким ассоциативным полем, является базой для возникновения продуктивных метафор и наряду со старостью становится одним из главных стереотипов возраста.

Одним из системно проявляющихся в языке показателей концепта «Детство» является его противопоставленность другим возрастным периодам. Это, в частности, фиксируют словари.

Входя в семантическое поле «Возраст», лексемы *детство, ребенок, детский* вступают в антонимические отношения с лексемами, обозначающими другие возрастные периоды. Так, в словаре антонимов М.Р. Львова [7] выстраиваются следующие оппозиции: *детство – старость, детский – старческий, дети – старики, дети – взрослые*. В словаре синонимов и антонимов под ред. Л.И. Фатеевой [10] антонимические отношения отмечаются у лексем *ребенок – взрослый*. Таким образом, детство противопоставлено, с одной стороны, старости, а с другой стороны – периоду зрелости, взрослости.

Оппозиция детства и старости закономерно выстраивается на линии времени «начало – конец жизни». С другой стороны, несмотря на зафиксированную антонимию лексем *старость – детство, старики – дети*, соответствующие концепты, напро-

¹ Поисковая система «Яндекс» дает около 2 млн результатов, содержащих выражение «Детство – это не возраст, а состояние души».

тив, сближаются в ряде контекстов, особенно в тех, которые сохраняют следы традиционной культуры: пословицах, поговорках, идиомах. Уподобление старика ребенку происходит по линии интеллектуальных способностей: *Старый что малый, Стар да мал – дважды глуп*. Фразеологизм *впасть в детство* также описывает неразумное поведение в старческом возрасте, обнаруживая сходство в характеристиках ребенка и старика. В других контекстах сближающим признаком является социальная и физическая неполноценность: «Обожаю детей и стариков. Духовно можно опереться только на тех, на кого физически опереться нельзя» (Ф. Искандер «Поэт»).

Как мы отметили выше, любопытным представляется тот факт, что в русском языке противопоставляются не только крайние члены парадигмы «детство – юность – зрелость – старость».

Представление о том, какая оппозиция: *ребенок – взрослый* или *ребенок – старик* – более значима и устойчива в сознании носителей русского языка, можно получить, обратившись к Русскому ассоциативному словарю. По словам А.А. Залевской, при ассоциативных экспериментах отмечается высокая скорость и высокая частотность антонимичной реакции, следовательно, «члены прочно усвоенных индивидом противо-

ставлений хранятся совместно в поверхностном ярусе лексикона» [4: 137], который и отражен в ассоциативном поле. Поиск антонимических ассоциативных пар, включающих слова *детство, ребенок, дети, детский* дал следующие результаты [9] (см. таблицу).

Очевидно, в ассоциативном поле лидирует противопоставление детей и взрослых, детского и взрослого. Это закреплено и в текстах художественной литературы: *И речь шла не о детях, а о взрослых, умных, просвещенных, талантливых...* (Л. Улицкая «Казус Кукоцкого»); *Там дети стали будто взрослые, а взрослые будто дети* (А. Слаповский «Жизнь Лагарпова»). Именно антонимы *ребенок* и *взрослый* образуют амфитезу: *Аттракционы для детей и взрослых = Аттракционы для всех*.

Противопоставление ребенка и взрослого имеет в русском языке ряд особенностей.

Дети – тоже люди?

С точки зрения семантики, всякие антонимы имеют в своем значении общую архисему, которая, как правило, отражается в толковании. Ср.: *День – часть суток от восхода до захода Солнца, между утром и вечером* и *Ночь – часть суток от захода до восхода солнца, между вечером и утром*. Для слов *ребенок* и *взрослый* такой архисе-

От стимула к реакции	
детство	нет антонимических реакций
ребенок	<i>взрослый</i> – 10 повторяющихся реакций (4 место по частотности) <i>старик</i> – единичная реакция
дети	<i>взрослые</i> – 20 повторяющихся реакций (2 место по частотности) <i>старика</i> – нет
детский	<i>взрослый</i> – 34 повторяющиеся реакции (3 место по частотности) <i>старческий</i> – нет
От реакции к стимулу	
детство	нет антонимических стимулов
ребенок	<i>взрослый</i> – 58 (3 место по частотности) <i>старик</i> – нет
дети	<i>взрослые</i> – 33 (3 место по частотности) <i>старика</i> – нет
детский	<i>взрослый</i> – 8 (5 место по частотности) <i>старческий</i> – нет

мой является сема ‘человек’, которая закономерно должна совпадать в толковании. Однако анализ толковых словарей русского языка показывает, что лексикографы избегают описания семантики слова *ребенок*, а также других имен, обозначающих детей, с помощью семы ‘человек’. Так, лексема *ребенок* в большинстве словарей (БАС, БТС, МАС, СОШ) толкуется через слова *мальчик*, *девочка*, и только в словаре В.В. Лопатина, Л.Е. Лопатиной [6] дано определение ‘человек в раннем возрасте, маленький мальчик или маленькая девочка’ (отметим и в этом словаре наличие второй, традиционной и общей для всех словарей части – ‘*мальчик или девочка*’).

Кроме того, из 124 индивидуальных определений слова *ребенок*, полученных в результате эксперимента по методу свободных дефиниций, только в двух ответах использована лексема *человек*.

Д. Вайс также отмечает невозможность референциального употребления лексемы *человек* по отношению к детям (равно как и женщинам) без элемента эмпатии, которая проявляется, например, во фразе гордого отца: ‘Человеку уже семь лет!’ [2: 88].

В связи с этим интересна возможность (и высокая степень частотности²) в русском языке высказываний *Ребенок тоже человек*, *Дети тоже люди*, пресуппозиции которых можно рассматривать как утверждение: ‘ребенок – недочеловек / не совсем человек’. Говорящий, таким образом, предполагает, что кто-то (возможно, он сам) сомневается в том, что ребенок – (полноценный) человек. Ср. невозможность / ироничность в русском языке высказывания **Взрослый – тоже человек*³. Примечателен также афоризм Я. Корчака «Детей нет, есть люди», свидетельствующий, по всей вероят-

ности, об универсальности отмеченной особенности.

Данное наблюдение демонстрирует, что в языке сохранилось рудиментарное представление о ребенке как о «недочеловеке», неполноценном существе. В словаре В.И. Даля находим пословицу, отражающую такое отношение к ребенку: *Кормила баба лелека, начаялась на человека*, где очевидно противопоставление ребенка (*лелека*) человеку (без указания у последнего на зрелый возраст). Теоретики детства, в частности Ф. Арьес [1], Н. Постман [8], отмечают, что концепция ребенка как «недочеловека» относится к наиболее древним пластам человеческой культуры, к тому времени, когда в обществе не было запрета на детоубийство, когда еще не выросшие и не доказавшие своей жизнеспособности (например, в обрядах инициации) дети не представляли интереса даже для родителей. Такой взгляд типичен и для многих архаических культур: «Например, у лугбара (Уганда) женщины и маленькие дети не имеют статуса лиц, воспринимаясь как вещи или как нечто среднее между человеком и вещью» [5: 449]. Наряду с другими, более поздними, концепциями детства (ребенок как растение, ребенок как *tabula rasa*, ребенок как носитель будущего и др.) представление о ребенке как о неполноценном человеке до сих пор существует в сознании носителей языка. Так, среди индивидуальных определений детства в упоминаемом выше эксперименте встретилось, например, такое: *Детство – это лишь подготовка к настоящей жизни*.

Итак, за противопоставлением ребенка и взрослого скрывается противопоставление ребенка и человека в русском языке.

Взрослые – тоже дети?

В эпилоге «Войны и мира» Николай Ростов говорит о 35-летнем Пьере Безухове: «Мы заспорили с Пьером, и я погорячился. Да невозможно. Это такой **ребенок**». Николай оценивает и взгляды Безухова, которые кажутся ему наивными, несерьезными,

² В поисковой системе «Яндекс» для точных запросов «Ребенок тоже человек» и «Дети тоже люди» 16 млн и 24 млн вхождений соответственно.

³ Высказывание «Взрослые тоже люди» возможно в ироничном контексте, например, обращение взрослого к детям: «Мы, взрослые, тоже люди, не хуже вас, и издеваться над собой не позволим» (В. Спиваковский «Ученик умнее учителя»).

и манеру вести спор, не подобающую взрослому человеку. В подобных контекстах при использовании переносного значения лексемы *ребенок* контрадикторность оппозиции *взрослый – ребенок* разрушается.

В Русском семантическом словаре это вторичное переносное значение описывается как «*наивный и доверчивый человек*» и относится к семантическому полю «Характеристика по чертам характера, а также по поступку, поведению, определяемому такими свойствами, чертами». Кроме того, зафиксировано несвободное сочетание *большой ребенок* – ‘взрослый человек, сохранивший в характере черты детской непосредственности, наивности’.

Переносное значение развивается также у слов *детский, по-детски, ребяческий, ребячески*. Можно говорить о продуктивной метафоре «X – ребенок», где X – взрослый человек. Наиболее частотные реализации когнитивной модели такой метафоры: «X <просто> / <совсем> ребенок», «X делает что-л. по-детски», «то, что X говорит, – детский лепет», «то, что X делает, – детский сад», «для X характерно что-л. детское (взгляды, обиды)» и др. Кроме того, очень частотно сравнение «X как ребенок» и «X делает что-л. как ребенок».

Даже в словарных толкованиях отражается неоднозначность прагматического значения данных единиц. Так, во втором значении слово *ребенок* означает наивность и доверчивость, идиома *большой ребенок* – наивность и непосредственность, *ребячество* – несерьезность, *ребячливость* – несерьезность и шаловливость.

Чтобы описать прагматику подобных высказываний, оценивающих взрослого человека через сравнение с ребенком, мы провели социолингвистическое исследование, в ходе которого просили респондентов (124 чел. обоего пола в возрасте от 16 до 73 лет) ответить на вопрос: «Ты как ребенок», – говорите вы взрослому человеку. Что это значит? – и оценить, как характеризует адресата это высказывание.

Прежде всего, отметим, что результаты опроса демонстрируют амбивалентность

коннотативного фона концепта «Детство», которую отмечали сами респонденты: нередко ответы, в рамках которых совмещается отрицательная и положительная оценка: *Ты как ребенок: в негативном ключе – инфантильный. В позитивном – ты умеешь радоваться жизни. Ситуация и интонация меняют многое* (пример из анкет).

12% считают, что это высказывание характеризует взрослого человека положительно, 14% – отрицательно, 71% – что оценка может быть положительной или отрицательной, в зависимости от ситуации, 3% указали на нейтральность высказывания.

Исследование показало, что взрослому человеку, сравниваемому с ребенком, приписываются следующие черты (в скобках указано число повторяющихся ответов⁴):

Наивность (41)

Глупость (характеристика как интеллекта, так и поступков) (21)

Беззаботность (19)

Умение радоваться жизни (15)

Безответственность (9)

Склонность к капризам (9)

Эгоистичность (7)

Незамутненность сознания, новизна идей (6)

Обидчивость (6)

Непосредственность (6)

Отличность от всех («не как все») (5)

Легкомысленность (5)

Беззащитность (2)

Кроме того, участники опроса называли инфантильность как черту, объединяющую в себе все другие с негативной оценкой (16 ответов).

Отметим сосуществование в анкетах, например, таких слов, как *легкомысленность* и *беззаботность*, семантика которых различается только оценкой: отрицательной и положительной соответственно.

⁴ Во многих ответах совмещались несколько разных черт.

Результаты опроса показали, какой емкостью и богатым оценочным и экспрессивно-эмоциональным фоном обладают высказывания, метафорически осмысляющие взрослого человека как ребенка или его поведение как детское. При этом взрослое является нормативным, а детское – отклонением от нормы, причем такое отклонение оценивается как отрицательно, так и положительно. В этой особенности можно увидеть столкновение различных концепций детства: ребенка как недочеловека (глупого, несерьезного, безответственного) и ребенка как наиболее близкого к Богу существа, невинного и праведного (такая концепция, в частности, в религиозном дискурсе и связана с идеей безгрешности ребенка). Кроме того, положительный коннотативный фон, видимо, формируется современным представлением о ребенке как о носителе особенного тонкого и точного мировосприятия, которое утрачивает взрослый человек. Ср. ироничное переосмысление сочетания *детский вопрос* в игре «Что? Где? Когда?», в которой так называют отнюдь не легкие вопросы, заключающие в себе особый взгляд ребенка на мир, его способность увидеть в обычном необычное⁵.

Идея взрослого как ребенка возникает в разных культурных практиках. Так, писатели и философы XX–XXI вв. говорят о ценности сохранения «детского начала» в человеке. Об этом писал, например, П.А. Флоренский: «Секрет гениальности – в сохранении детства, детской конституции на всю жизнь. Эта-то конституция и дает гению объективное восприятие мира» (письмо дочери Ольге с Соловков). Современная медийная культура (как западная, так и российская) предлагает свою интерпретацию метафоры «Взрослый – это ребенок»: конструируется такой феномен, как кидалтизм, неоднозначно оцениваемый психоло-

гами⁶. Кидалты (от англ. *kid* – ребенок и англ. *adult* – взрослый) – социально успешные взрослые, намеренно культивирующие в себе детскость, как в облике, так и в поведении, сохраняющие детские привычки и увлечения (см. [3]). Сам термин представляет собой оксюморон и также свидетельствует о разрушении оппозиции *взрослый – ребенок*.

Рассмотрев особенности противопоставления ребенка и взрослого в русском языке и культуре, мы пришли к следующим выводам. Во-первых, в отличие от оппозиции *ребенок – старик*, члены которой сближаются в ряде контекстов и по ряду признаков, противопоставление ребенка и взрослого системно и устойчиво как на уровне языка, так на уровне метаязыковой рефлексии (что подтверждают данные Русского ассоциативного словаря). Во-вторых, за противопоставлением ребенка и взрослого скрывается противопоставление ребенка и человека, который мыслится прежде всего как взрослый мужчина. В-третьих, оппозиция *взрослый – ребенок* становится базой для продуктивной метафоры «X – ребенок», где X – взрослый человек, которая обладает богатым оценочным и эмоциональным фоном. Каждая из этих особенностей находит параллели в различных культурных практиках.

При исследовании оппозиции *ребенок – взрослый* использовались методы, сочетание которых представляется результативным: анализ языковых фактов как данности (анализ словарей, контекстов), анализ фактов метаязыковой рефлексии (различные типы опросов и ассоциативных экспериментов) и культурологический анализ. Сочетание этих методов позволяет описывать концепт «Детство» и другие подобные явления в координатах «язык – культура – личность».

⁵ Пример детского вопроса: «О ком так сказал маленький мальчик: «А тетя совсем как я, – любит книжки и мороженое?» Ответ: статуя Свободы.

⁶ Психологи спорят о сущности кидалтизма. Он рассматривается как определенная субкультура, частичный инфантилизм, проявление описанного в аналитической психологии архетипа *Puer aeternus* (вечного мальчика), форма демонстративного поведения, проявление креативности и т.д. Однозначной оценки (положительной или отрицательной) это явление не получило.

Литература

1. Арьес Ф. Ребенок и семейная жизнь при старом порядке. Екатеринбург, 1999.
2. Вайс Д. Человек, лицо, личность и особа: четыре неравных соперника // Логический анализ языка. Образ человека в культуре и языке. М., 1999.
3. Горалик Л. Маленький Принц и большие ожидания // linorg.ru/little_prince.htm.
4. Залевская А.А. Слово в лексиконе человека: Психолингвистическое исследование. Воронеж, 1990.
5. Кон И.С. Ребенок и общество // Кон И.С. Социологическая психология. Воронеж, 1999.
6. Лопатин В.В., Лопатина Л.Е. Русский толковый словарь. М., 1997.
7. Львов М.Р. Словарь антонимов русского языка. М., 2008.
8. Постман Н. Исчезновение детства // Отечественные записки. 2004. № 3.
9. Русский ассоциативный словарь: В 2 т. / Ю.Н. Караулов, Г.А. Черкасова, Н.В. Уфимцева и др. М., 2002.
10. Словарь синонимов и антонимов современного русского языка / Под ред. Л.И. Фатеевой. М., 2008.

M.U. Lebedeva

“ADULTS ARE SUCH CHILDREN!” (PECULIARITIES OF THE ‘CHILD – ADULT’ CONTRAST IN RUSSIAN)

Concept, antonym, opposition, metaphor, pragmatic meaning.

The current article examines the contrast between the concepts of child and adult in Russian language and the features of this contrast. We demonstrate how the relation ‘child – adult’ is influenced by an obsolete view on children as “subhumans”. In addition, we analyze the metaphor “X is a child” (where X is an adult person) and draw its pragmatic meaning. Combining different methods, such as language analysis, cultural analysis and metalanguage reflection analysis, we explore the ‘child – adult’ contrast in the coordinate system Language – Culture – Person.

ЖУРНАЛ ДЛЯ ПРОФЕССИОНАЛОВ!
РУССКИЙ ЯЗЫК
ЗА РУБЕЖОМ
 УЧЕБНО-МЕТОДИЧЕСКИЙ ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛ

ПОДПИСАТЬСЯ НА ЖУРНАЛ ВЫ МОЖЕТЕ:

В РЕДАКЦИИ

8-800-200-11-12 (бесплатный звонок из любого региона России)
 8 (499) 277-11-12, факс: (499) 267-40-10, доб. 196
 Сайт: www.russianedu.ru E-mail: podpiska@vedomost.ru
 Периодичность выхода журнала – 6 номеров в год.
 Стоимость редакционной подписки – 3300 руб. (с НДС)
НАШИ ПРЕИМУЩЕСТВА – ВАШИ ВЫГОДЫ!
 ☑ Стоимость подписки в редакции на 20 % дешевле, чем на почте
 ☑ Удобный документооборот ☑ Оформление с любого номера и на любой период ☑ В стоимость включена доставка

ЧЕРЕЗ ДИСТРИБЬЮТОРОВ
 (для читателей из стран СНГ и дальнего зарубежья):
ООО «Информнаука»
 тел.: +7 (495) 787-38-73
<http://www.informnauka.com>
 e-mail: Altimov@vniit.ru
ЗАО «МК-Периодика»
 тел.: +7 (495) 672-70-89,
 ф. 306-37-57
<http://www.periodicals.ru>
 e-mail: guseva@periodicals.ru
 Читатели, проживающие в странах Европы и других странах зарубежья, могут подписаться в режиме online на сайте: www.nasha-pressa.de

В ЛЮБОМ ОТДЕЛЕНИИ СВЯЗИ ПО КАТАЛОГУ: «Роспечать» — 18382

ЖУРНАЛ РАСПРОСТРАНЯЕТСЯ ТОЛЬКО ПО ПОДПИСКЕ

ПОДПИШИТЕСЬ, ЧТОБЫ БЫТЬ В КУРСЕ ВСЕХ ИЗМЕНЕНИЙ!

ПОДПИСКА НА 2013 ГОД

Нам Хе Хён

zean01@korea.ac.kr

канд. филол. наук, научный сотрудник
Института по России и странам СНГ
при Университете Корё
Сеул, Республика Корея

Концептуальный перенос как фактор полисемантизации

(на материале русских соматизмов)

Соматизм, соматическая фразеология, концептуальный перенос, человеческое тело, полисемантичность.

Среди наиболее семантически продуктивных пластов лексики можно выделить названия частей тела человека (соматизмы). Полисемантичность соматизмов отражает ассоциативно-симилятивные связи их денотатов — частей тела с различными концептами. В статье рассматривается перенос концепта «части тела», отраженного в многозначности соматизмов и соматической фразеологии, в другие концептосферы.

Полисемантизм слова является одним из феноменальных явлений языка, подтверждающих тот факт, что лексические единицы постоянно находятся в динамическом состоянии. Вопросами полисемии активно занимались как российские ученые, так и их коллеги за рубежом (Апресян, Шмелев, Ulmann, Palmer, Pustejovsky, Taylor). По мнению ученых, процесс формирования вторичных значений основывается главным образом на ассоциативных связях с различными концептами, в частности по метафорическим или метонимическим переносам. Таким образом, полисемантичность детерминирована ментально-когнитивной структурой человеческого мышления, в центре которой стоит антропоцентричность, поскольку человек видит себя в центре вселенной и осмысляет мир по своему подобию, а так как самой ближайшей к человеку действительностью является его собственное тело, оно является источником и основой познания и осмысления и категоризации действительности.

В связи с этим в ряду наиболее семантически продуктивных пластов лексики можно выделить названия частей тела человека, т.е. соматизмы. Полисемантичность соматизмов отражает ассоциативно-симилятивные связи их денотатов — частей тела с различными концептами. Разветвленная семантическая структура соматизмов оказывается взаимосвязанной с выражением представлений носителей того или иного языка о самых разных концептах, например, предмете, времени, пространстве, количестве, качественной оценке.

Поскольку психофизические потенции человека и его когнитивная структура как самый важный фактор полисемантизации имеют универсальный характер, концептуальный перенос наблюдается во всех языках в сходной форме. В качестве модели концептуального расширения лексем Хайне предлагает следующую модель [15: 48, 131]: «человек» (person) > «предмет» (object) > «деятельность» (activity) > «пространство» (space) > «время» (time) > «качество»

(quality). Однако очевидно, что при всей универсальности телесного кода, его проявления в определенной культуре, а также метафоры, в которых они реализуются, всегда национально детерминированы и обуславливаются конкретной культурой [5: 232].

Данная статья посвящается рассмотрению переноса концепта «человеческое тело», отраженного в полисемантической соматизмов и соматических фразеологизмах, в другие концептосферы.

Соматизмы составляют один из древнейших пластов лексики любого языка. По мнению Хайне, типичные соматизмы имеют несколько признаков. Они являются неприменимыми словами и по форме достаточно коротки. И, как правило, они служат основой для наименования других частей тела, а также предметов, явлений, связанных с денотатами по форме и функции¹ [15: 134].

Русские соматизмы были сформированы в период общеславянского языка и относятся к пласту исконно русской лексики [12: 125–126]. В русском языке большинство соматизмов состоит из одного или двух слогов: *нос, рот, рука, нога, ухо, лицо, спина, кожа, брюхо* и т.д. Однако и в случае двусложных соматизмов, если вычест из них окончание, то они тоже являются односложными: *рук-а, ног-а, ух-о, лиц-о, спин-а, кож-а, брюх-о*.

До сих пор исследования соматизмов проводились главным образом на материале соматических фразеологизмов в русле контрастивной лингвистики, так как темой таких работ является эквивалентность соматических фразеологизмов русского языка и других языков [1, 3, 7, 9].

Соматическая фразеология широко представлена в любом семантическом поле, которое вербализирует базисный концепт «человек» и «межличностные контакты»: состояние человека, способности человека, внешность, возраст человека, отношения между людьми, физическую и речевую деятельность. Это свидетельствует о широкой се-

мантической потенциальности соматизмов. По мнению Л.А. Занковца [4], среди соматических фразеологизмов самую значительную часть занимают фразеологизмы со следующими соматизмами: *глаз* (12,71%), *рука* (12,45%), *голова* (10,96%), *нога* (7,10%), *сердце* (6,41%), *язык* (4,31%), *ухо* (3,55%), *кровь* (3,17%), *нос* (3,02%), *лицо* (2,94%). Как видим, большинство из них представляет собой названия наружных частей человеческого тела, т.е. наиболее активных и функционально очевидных для человека.

Однако вышеперечисленные работы, в основном, были посвящены фразеологизмам с отдельными соматизмами, поэтому не могли выявить общую тенденцию и закономерность концептуального переноса самих соматизмов.

Нас интересует полисемичность соматизмов, чьи вторичные значения формируются путем переноса концепта «части тела» в другие концептосферы по метафорическим и метонимическим связям, т.е. за счет пространственной смежности и формальной и функциональной аналогии. Мы будем рассматривать, соответствует ли концептуальный перенос русских соматизмов вышеуказанной модели полисемантизации, предложенной Хайне, и если соответствует, что же свидетельствует о такой направленности концептуального переноса, и имеется ли при этом национальная специфика.

Многосторонний концептуальный перенос соматизмов проявляется в многозначности соматизмов и соматической фразеологии, которая охватывает широкое семантическое поле, вербализирующее базисный концепт «человек». Поэтому предмет исследования включает лексикографические описания наиболее семантически продуктивных соматизмов таких, как *рука, нога, голова, глаза, нос*, из «Словаря современного русского языка» под ред. А.П. Евгеньевой (1999), но не ограничивается ими. Рассматриваются также соматические фразеологизмы из «Фразеологического словаря русского языка» под ред. А.И. Молоткова (2007). Примеры, служащие для иллюстрации отдельных положений статьи, взяты из вышеуказанных словарей и Национального корпуса русского языка www.ruscorpora.ru.

¹ Л.А. Сайфи установил границы и структуру соматического пространства, куда входят лексические единицы, обозначающие части тела, организмы, продукты деятельности, физиологические состояния, процессы и т.д. [11].

Концептосфера «человек». Соматизмы могут обозначать и самого человека, и такой перенос происходит по пространственной смежности, т.е. метонимии, поскольку часть может обозначать целое. Во многих языках человека могут называть некоторые соматизмы, денотаты которых выполняют самую основную и необходимую деятельность для выживания человека. Так, *рука* обозначает человека, занимающегося физическим трудом, *голова* — умственным, *рот* обозначает человека-едока.

1) В институте есть несколько *светлых голов*, среди них была и голова Файнбурга Захара Ильича.

2) Властям ФРГ не хватает *рук* для сбора налогов.

3) Мужичкам самим есть нечего, а тут целых двенадцать *ртов*.

Помимо этого, соматизмы *рука* и *голова* в сочетании с прилагательными могут называть человека с определенными свойствами.

4) А какой я был сорванец, *буйная голова*, вы и представить не можете.

5) Потеряв наследство дяди, чтобы не лишиться еще многого, мне необходима *сильная рука*.

Концептосфера «предмет». Животное. Соматизмы могут обозначать части тела животных, соответствующие по функции денотата. Такой перенос значения наблюдается почти во всех соматизмах кроме *руки*, так как считается, что рука есть только у человека.

6) *Нос* собаки — главный показатель здоровья и самочувствия собаки.

Неодушевленный предмет. Соматизмы обозначают предметы по формальной аналогии с денотатами, что является антропоморф-

ным принципом мышления. Так, названия верхних (передних) частей многих предметов и шаровидного предмета восходят к понятию *голова*, нижних — к понятию *нога*, центральных — к понятию *сердце*, стороны определяются по руке (по правую и по левую руку) [2: 702]. Аналогично *нос* может обозначать выступающую переднюю часть предмета, *ухо* — выступающую боковую часть предмета, а *плечо* — часть предмета, расположенную под углом к его основной части². Некоторые соматизмы могут обозначать и предметы, выполняющие сходную функцию денотата: *голова сыра*, *голова поезда*, *стол о трех ногах*, *нос лодки*, *шапка с ушами*.

Антропоморфными аналогиями полны и названия природных местностей, например, *горло* — узкий выход из залива, *щеки* — высокие крутые скалистые берега реки, высокие отвесные склоны ущелий, долин. Антропоморфность наблюдается и в архитектурной лексике народного и православного зодчества [8], например, верх православного храма составляли *глава* и *шея*. Фасадную, лицевую часть церкви, терема, избы называли *челом*. А выпуклую поверхность купола, свода — *лбом*. И не только у храма, но и у избы были *лицо*, *лоб*, *усы*, *уши*.

Концептосфера «деятельность». Соматизмы могут обозначать различную деятельность, связанную с функциями соответствующих частей тела. Голова выполняет такие интеллектуальные функции, как мышление, запоминание, анализ, обобщение и оценку. Соответственно, *голова* может обозначать ум, рассудок и сознание. А глаза выполняют функцию зрения, соответственно *глаз* обозначает зрение. Тем более, *глаз* является

² Как показывают лексикографические описания деминутивных форм соматизмов, в них активнее наблюдается перенос в концептосферу «предмет», так как они часто обозначают предметы, сходные по форме с их денотатами, например, *головка* обозначает круглую, выступающую вперед часть предмета (*головка винта*, *спичечная головка*) и шаровидное соцветие и плод некоторых растений (*головка чеснока*), *носик* обозначает сужающуюся переднюю часть предмета (*носик чайника*). А *ушко* — приспособление для более удобного держания (*ушко пуговицы*), отверстие в тупом конце иглы (*игльное ушко*) и во мн.ч. — макаронные изделия в виде фигурных кусочков теста, а также маленькие пельмени.

не только зрительным органом, но и важнейшим инструментом восприятия мира, так как человек приобретает большинство знаний о внешнем мире именно благодаря зрительному восприятию. Таким образом, глаза не только видят, но и судят и оценивают. В соответствии с этим *глаз* обозначает досмотр, внимание, оценку, мнение, надзор и др. *Глаз* и *рука* входят во многие фразеологизмы, которые обозначают ситуации, связанные с названными функциями.

7) Вы *одной головой* хотите писать! – почти шипел Обломов. – Вы думаете, что для мысли не надо *сердца*?

8) Немцы *теряли голову* в этой проклятой русской анархии.

9) В детских учреждениях, в общежитиях и столовых недостает женского *глаза*.

10) Ребенок всегда у меня *на глазах*.

11) Он *открыл* мне *глаза* на это, и у меня как будто *пелена с глаз упала*.

Аналогично этому *рука* и фразеологизмы с этим словом могут обозначать различную человеческую деятельность, связанную с функциями руки, например, мастерство, почерк, помощь, обладание, власть, насилие и др.

12) Он не знал ее *руки*, следовательно не догадался по адресу, от кого письмо.

13) Благодаря старым связям он везде имел *руку*.

14) Удивительно, но боль проходила! У нее была *легкая рука*.

15) Анархисты *взяли в свои руки* «культурно-просветительный отдел армии».

16) Эмигранты видели в этом *руку* Советов.

Ноги являются главным инструментом передвижения и опоры, поэтому фразеологизмы с соматизмом *нога* обозначают ситуации, связанные с этими функциями.

17) Мальчик был *легок на ногу*, не отставал от деда.

18) У меня вдруг закружилась голова, и я почувствовал, что *земля уходит у меня из-под ног*.

19) Используя свой опыт, он быстро *встал на ноги*.

Что касается соматизмов *плечо* и *спина*, то их главная функция – носить груз. Поэтому фразеологизмы с этими словами обозначают заботы и бремя, а иногда и защиту.

20) Забота о собственном доме ложится на *плечи* тех, кто в нем живет.

21) Все барином кормимся, все у него *за спиной* сидим.

22) У меня появились верные друзья, и я впервые понял, что такое *чувство плеча*.

Как видим, многие соматизмы переносятся в концептуальную сферу «деятельность» на основе функциональной смежности денотата. Здесь *рука*, *нога*, *голова*, *глаза* имеют наиболее разветвленные значения, так как они выполняют самые разные и необходимые функции для обеспечения человеческой жизни.

Концептосфера «пространство». Человек использует части тела для наименования пространственных отношений. Прежде всего потому, что он с глубокой древности был мерой пространственного измерения в самом прямом смысле, что является антропометрическим принципом мышления и языка. В связи с этим части тела вплоть до сравнительно недавнего времени служили в качестве эталонов пространственного измерения [6: 73; 10: 83]: *локоть*, *сажень*, *пядь*, *ступень* (шаг).

Помимо этого, некоторые соматизмы используются как пространственные ориентиры, например, *лицо* может обозначать передние пространственные отношения, *спина* – задние, а *бок* – боковые.

- 23) Дом стоял *лицом* к реке
 24) Она не хотела с ним разговари-
 вать и повернулась к нему *спиной*.
 25) Автомобиль на огромной скоро-
 сти влетел *боком* в торговый ларек.

Однако пространственные отношения ярче выражаются в соматических фразеологизмах, большинство из которых обозначает близкие пространственные отношения.

- 26) Нас вызывают выступить *перед*
лицом Совета.
 27) Обращай внимание на то, что у
 тебя *перед глазами*, а не заносись вон
 куда.
 28) Они смотрят на небо и не видят
 того, что делается у них *под носом*.
 29) Там девятиэтажки стоят *нос к*
носу, бинокли — это лишнее.
 30) Неподалеку, *за спиной* у меня,
 что-то зашуршало.
 31) Все это время он находился где-
 то совсем рядом, буквально *под рукой*...
 32) И они вышли из буфета, шли ря-
 дом, *плечом к плечу*, оба разыскивали
 Верочку.

Для человека пространственный опыт относится к самому первоначальному и основополагающему опыту, который структурирует представления о более абстрактных явлениях [17]. Поэтому фразеологизмы, выражающие пространственные отношения, могут переноситься на концептосферу «качество», например, фразеологизм *под рукой* передает не только близкие пространственные отношения, но и качественную оценку ‘что-то легко доставаемое для использования’: «Используй то, что *под рукою*, и не ищи себе другое». Кроме того, фразеологизмы, выражающие пространственные отношения, могут переноситься и на концептосферу «время».

Концептосфера «время». В русском языке только некоторые соматизмы могут образовывать фразеологизмы, выражающие

временные отношения. Часть из них — это те самые, которые выражают пространственные отношения. Так, фразеологизмы, обозначающие пространственные отношения, направленные вперед и назад, могут выражать и временные отношения, например, будущее и прошлое.

- 33) Как все большие и чистые люди
перед лицом смерти, он видел теперь и
 себя, и всю свою жизнь.
 34) А когда жить захотелось, оглян-
 нулся, то *за моей спиной* уже 50 лет
 стояло.
 35) Экзамены *на носу*, десятилетка
 кончается, родители поняли, что ника-
 кой медали не получить.

Концептосфера «качество». Концепт «части тела» также переносится и на концептосферу «качество». Соматическая фразеология может характеризовать состояние или действие, выражая интенсивность и оценки признака, состояния и действия или степень вовлечения в них. В основном, это связано с функциями частей тела, например, рука выполняет механическую работу, поэтому фразеологизмы со словом *рука* чаще всего характеризуют процесс выполнения работы. А голова выполняет интеллектуальные функции и является самой важной частью тела, поэтому фразеологизмы со словом *голова* характеризуют физическое и эмоциональное состояние человека. Нога является главным инструментом передвижения и опоры, поэтому многие фразеологизмы с этим существительным характеризуют физическое состояние человека.

- 36) Все делалось спешно *на скорую*
руку.
 37) Редко кто умел так *на широкую*
руку хлебосольно устроить пир.
 38) Я был взволнован, *голова моя*
так и горела.
 39) Все *сбились с ног* в поисках дья-
 кона.

Очень многие соматические фразеологизмы выражают эмоциональное состояние человека на основе ассоциативных связей, например, если человек опускает руки, то этот жест означает, что он грустит. Если у него руки дрожат, то это во многих случаях показывает, что он встревожен.

40) Чего ж, ты, милая, *нос повесила*?

41) Удивленно *разводя руками*, они делают вид, что все, что происходит, очень загадочно.

42) Так бы он *рот* при мне *кривил*, стороной меня обходил.

Кроме того, многие соматические фразеологизмы могут обозначать интенсивность проявления определенного признака. Это связано с антропометрическим принципом измерения, т.е. многие части тела использовались в качестве единиц количественных измерений. А количественное измерение не только обозначает «много» или «мало», но и часто связано с оценкой и мерой, интенсивностью такого-то действия или проявления признака.

43) Он негодяй *первой руки*, пьет страшно.

44) Он влюблен в нее *по уши*.

45) Он сидит *по горло* в долгах.

46) Правительство должно быть компьютеризовано *с головы до ног*.

Из всего вышесказанного можно сделать следующие выводы.

Единицы лексико-семантической группы «части человеческого тела» обладают высокой семантической продуктивностью и фразообразовательной активностью, так как концепт «человеческое тело» переносится в разные концептуальные сферы. Наше исследование показывает, что перенос концепта «человеческое тело», отраженный в русском языке, соответствует модели полисемантизации, предложенной Хайне: «человек» —

«предмет» — «деятельность» — «пространство» — «время» — «качество».

Конечно, эти концептосферы не имеют четких границ, например, в использовании соматизмов для наименования явлений окружающей действительности, в том числе природных местностей, мы видим перенос концепта «части тела» не только в «предмет», но и в «пространство». О неразделимости концептосфер свидетельствует и то обстоятельство, что соматические фразеологизмы, обозначающие пространственные отношения, могут выражать и временные отношения.

О последовательности концептуального переноса «человек» — «предмет» — «деятельность» — «пространство» — «время» — «качество» говорит и то, что чем дальше заходит концептуальный перенос, тем чаще он не может фиксироваться во вторичных значениях соматизмов, а оставляет следы только во фразеологизмах. Так, перенос концепта «человеческое тело» в концептосферы «человек», «предмет» и «деятельность» фиксируется во вторичных значениях соматизмов и в соответствующих фразеологизмах. А перенос концепта «человеческое тело» в концептосферы «пространство», «время», «качество» фиксируется в основном во фразеологизмах. Из этого следует, что чем дальше заходит концептуальный перенос, тем более зависимыми от контекста становятся деривационные значения, и тем больше морфологических и синтаксических ограничений приобретают соматизмы, так как в таких значениях они употребляются только во фразеологизмах.

Концептуальный перенос русских соматизмов имеет и национальную специфику. В русском языке перенос концепта «части тела» в концептосферу «время» наблюдается реже, чем в других языках. В корейском языке *meri* (голова) и *son* (рука) образуют некоторые составные слова и словосочетания, обозначающие начало какого-нибудь временного отрезка и короткий временный отрезок [13: 289–290, 14: 72–73]: *khomkhomhal meri* (начальное время темнения), *ttaisson* (конец определенного отрезка времени).

В то же время для русского языка характерен активный перенос соматизмов в концептосферу «качество» — многочисленные

соматические фразеологизмы выражают эмоциональное и физическое состояние человека. По мнению ученых, в русском дискурсе акцент делается на выражение эмоциональности и поэтому в русском языке имеется ряд языковых средств, выражающих тонкие эмоциональные оттенки [18], к числу которых и относятся, по нашему мнению, соматические фразеологизмы. При этом в русском языке в выражении эмоционального состояния активнее участвуют соматизмы, обозначающие внешние органы, такие как рука, голова, глаза, в отличие от корейского языка, в котором эмоциональное состояние выражают

фразеологизмы прежде всего с соматизмами, обозначающими внутренние органы, например, гнев связан прежде всего с легкими, страх — с печенью, ненависть и печаль — с внутренностями, любовь — с сердцем, радость — с желчным пузырем [16: 495].

Таким образом, изучение такого явления как полисемантность соматизмов представляет интерес с точки зрения преподавания РКИ, поскольку такие знания позволяют избежать непонимания в процессе общения и помогают лучше понять специфику русского языка, выявляя общие черты и различия между родным и русским языком.

Литература

1. Вайнтрауб Р.М. Опыт сопоставления соматической фразеологии в славянских языках (к вопросу о сравнительном изучении фразеологии) // Труды Самаркандского государственного университета. Новая серия. Вопросы востоковедения. Самарканд, 1976. Вып. 288.
2. Гак В.Г. Языковые преобразования. М., 1998.
3. Городецкая И.Е. Фразеологизмы-соматизмы в русском и французском языках: Дис. ... канд. филол. наук. Пятигорск, 2007.
4. Занковец А.А. Фразеологическая активность соматизмов в русском и белорусском языках // Сб. материалов международной научной конференции «Язык и социум». Минск, 2004.
5. Красных В.В. Этнопсихоллингвистика и лингвокультурология: Курс лекций. М., 2002.
6. Мокшенок В.М. Образы русской речи: историко-этимологические и этнолингвистические очерки фразеологии. Ленинград, 1986.
7. Мугу Р.Ю. Полисемантизм соматической лексики (на материале русского и немецкого языков): Дис. ... канд. филол. наук. Майкоп, 2003.
8. Никифорова Л.В. Архитектура в антропологическом измерении // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. 2005. Том. 5. № 10.
9. Райхштейн А.Д. Сопоставительный анализ немецкой и русской фразеологии. М., 1980.
10. Савчук Г.В. Отражение в русской фразеологии пространственной модели мира: Дис. ... канд. филол. наук. Орел, 1995.
11. Сайфи Л.А. Концептуализация соматического образа человека в языке и дискурсивных практиках (на материале современного английского языка): Дис. ... канд. филол. наук. М., 2008.
12. Шанский Н.М. Фразеология современного русского языка. М., 1969.
13. Bai Do Young. A Study on Meaning Extension of Polysemy 'mari' in Korean // Korean Semantics. Seoul, 2002. № 12.
14. Bai Do Young. A Study on the Principles of the Order of Polysemant Arrangement in the Dictionary // Korean Linguistics. Seoul, 2002. № 15.
15. Heine B. Cognitive Foundations of Grammar. Oxford, 1997.
16. Im Ji Ryong. The Speaking Body. Seoul, 2006.
17. Lakoff G., Johnson M. Philosophy in the Flesh: the Embodied Mind and its Challenge to Western Thought. NY, 1999.
18. Zaliziak A.A., Levontina I. B. Human Emotions Viewed Through the Russian Language // Emotions in Cross-Linguistic Perspective. NY, 2001.

Nam Hye Hyun

CONCEPTUAL TRANSFER AS A FACTOR OF POLYSEMY: ON THE MATERIAL OF RUSSIAN SOMATISMS

Somatism, somatic phraseology, conceptual transfer, human body, polysemy.

Among the most semantically productive layers of lexicon one may pick out the names of the parts of human body, in other words, somatisms. The polysemy of somatism reflects the associative-similiative connections in denoting parts of body with different concepts. This article examines the conceptual transfer of the human body to different conceptual spheres, reflected in the polysemy of somatisms and somatic phraseology.

Ян Чжэн

zyang@mail.ru

канд. филол. наук, ст. преподаватель

Нанкинского университета

Нанкин, Китай

История перевода произведений В.П. Астафьева в Китае: проблемы и перспективы

Произведения В.П. Астафьева, история перевода, проблемы и перспективы.

В статье прослеживается история, рассматриваются проблемы и перспективы перевода произведений выдающегося русского писателя В.П. Астафьева в Китае. При этом названы главные трудности, возникшие перед китайскими переводчиками, а также предложены возможные способы их преодоления.

Виктор Петрович Астафьев (1924–2001) – один из ярких, значительных писателей русской литературы второй половины XX в., еще при жизни вошедший «в плеяду классиков русской литературы» [4]. Современную русскую словесность уже нельзя представить без его книг «Царь-рыба», «Пастух и пастушка», «Ода русскому огороду», «Последний поклон». «Русская литература лишилась одного из самых серьезных своих художников. Астафьев – один из немногих писателей, сумевших сохранить в своих произведениях классическое чувство слова. Литературу минувшего столетия, без сомнения, будут изучать и по его книгам тоже», – говорил писатель, редактор «Литературной газеты» Ю. Поляков в дни прощания с В.П. Астафьевым [7].

Имя этого писателя стало известным в Советском Союзе в конце 1950-х – начале 1960-х гг. с появлением таких его замечательных повестей, как «Перевал» (1959), «Кража» (1966), «Последний поклон» (1968; начальные главы) и «Пастух и пастушка» (1971), за которые в 1975 г. ему присудили Государственную премию РСФСР им. А.М. Горького. Признание мирового масштаба пришло к писателю, жившему тог-

да в глубинке, чуть позже. Первый перевод астафьевских произведений на языки зарубежных стран появился в 1963 г., когда его повесть «Стародуб» была издана в Праге на чешском языке. Однако китайским читателям имя В. Астафьева стало известно намного позже¹. Все дело в том, что еще с середины 1950-х гг. ухудшились советско-китайские дипломатические отношения, читать советскую литературу было официально запрещено правительством. Начиная с 1976 г., когда в Китае завершилась так называемая Культурная революция (1966–1976), постепенно нормализовалась общественная и культурная жизнь в стране, и «китайские переводчики могли уже работать без оглядки» [12]. С конца 1970-х гг. наступил «золотой период» перевода и исследования русской и советской литературы в Китае. Количество переведенных произведений в это время превысило общий объем сделанных переводов за 100 предшествующих лет. По сведениям знаменитого китайского русиста Чэнь Цзянь-

¹ В данной статье история перевода произведений В. Астафьева ограничивается рассмотрением работ, сделанных только в континентальной части Китая.

хуа, в этот период в Китае было переведено и опубликовано около 10 000 произведений русской и русско-советской литературы, в том числе и произведений выдающегося русского писателя Виктора Петровича Астафьева, чье творчество, находясь под пристальным вниманием китайских переводчиков и исследователей, оказало определенное влияние на творчество современных китайских писателей.

Как известно, в России издавна существовала традиция, согласно которой лучшие литературные произведения изначально публиковались в журналах, а лишь потом издавались отдельными книгами. В Китае подобная традиция также соблюдалась. Первое знакомство китайских читателей с творчеством В.П. Астафьева пришлось на 1979 г., когда в пятом номере журнала «Вайго Вэньи» («Иностранная литература и искусство», Шанхай) появился перевод двух глав из повествования в рассказах «Царь-рыба»: «У Золотой карги» (перевод Ся Чжунъи) и «Царь-рыба» (перевод Чжан Цзэмэя). В 1982 г. шанхайское издательство «Переводы иностранной литературы» выпустило перевод всей книги «Царь-рыба», которую подготовил коллектив китайских переводчиков (Ся Чжунъи, Сяо Чжан, Ши Чжэньчуань и др.). Со времени публикации «Царь-рыбы» писатель, имя которого раньше в Китае никто не знал, стал пользоваться большой популярностью. В 1997 г. в г. Тяньцзинь вышел в свет новый перевод «Царь-рыбы», сделанный этими же переводчиками.

Аналогичный путь к китайскому читателю прошла и повесть «Пастух и пастушка». Впервые ее китайский перевод появился во втором номере журнала «Чуньфэн Ицун» («Серия переводов «Весенний ветер», Шэньян) в 1981 г., ее перевели китайские русисты Ван Чжунци и Бай Чуньжэнь. Лишь в 1985 г. тяньцзиньское художественно-литературное издательство «Бай Хуа» выпустило эту повесть в их же переводе отдельным изданием. Данная книга переиздавалась два раза: в 1986 г. (Чанчунь) и 1998 г. (Шанхай). Существует и другой вариант перевода повести «Пастух и пастушка», выпущенный в 1984 г. под редакцией Бай Сыхуна (Хэфэй). Ее пере-

водчиком был Ся Чжунъи – один из тех, кто работал над «Царь-рыбой».

После этого начали переводить произведения, относящиеся к более раннему периоду творчества В.П. Астафьева. В 1984 г. во втором номере журнала «Шицзэ Вэньсюе» («Мировая литература», Пекин) появился перевод повести «Перевал», сделанный Фу Мином и Шу Тао; в 1985 г. в четвертом номере «Сулянь Вэньсюе» («Советская литература», Пекин) – перевод повести «Звездопад» китайского русиста Фэн Юйлюй. Существует и другой вариант перевода данной повести, который принадлежит китайскому русисту Бай Чуньжэню (Чанчунь, 1986). В этом же году появилась книга «Избранные произведения современной советской литературы» (Шанхай), в которую была включена повесть «Кража» в совместном переводе Ван Чжунляна и Ван Юйлуна.

В 1986 г. в первом номере журнала «Октябрь» был напечатан роман В.П. Астафьева «Печальный детектив». Сразу после появления эта «странная книга», как называет ее сам писатель, привлекла всеобщее внимание и вызвала отклики не только в СССР, но и за рубежом. В 1988 г. ее перевел на китайский язык Сюй Сяньсюй. Перевод был включен в книгу «Избранные произведения современной советской литературы» (Шанхай). Через год в Харбине вышла книга «Печальный детектив» в переводе Юй Ичжуна с предисловием, написанным самим В.П. Астафьевым.

Последним из крупных произведений писателя, переведенных на китайский язык,

Роман «Печальный детектив» в переводе на китайский язык

является книга «Сборник лирических миниатюр В. Астафьева» (Тяньцзинь, 1995), в которую были включены избранные миниатюры из сборника «Затеси» и рассказ «Ода русскому огороду». Сам автор написал предисловие к китайскому изданию. Ее перевели супруги-русисты Чэнь Шусянь и Чжан Дабэнь. В 2005 г. вышло новое, дополненное издание.

Стоит отметить, что кроме вышеупомянутых крупных произведений В.П. Астафьева с начала 1980-х гг. на страницах периодических изданий были переведены и опубликованы многие из его произведений малой прозы, такие как «Гемофилия», «Древнее и вечное», «Жизнь Трезора», «Падение листа» (1981); «Восьмой побег», «Деревенское приключение», «Заклинание», «Лунный блик», «Мальчик и девицы», «Пир после победы», «Старое кино», «Солдат и мать» (1982); «Руки жены», «Последний поклон», «Ягодка» (1984); «Прокляты и убиты (отрывки)» (1993); «Звезды и елочки», «Песнопевница» (1994); «Родные березы», «Земля просыпается», «Страх» (1995); «Весенний остров» (1997), «Две подружки в хлебах заблудились», «Одинокый парус» (1999); «Ночное пространство» (2003); «Окно» (2004); «Кленовая палочка» (2009) и др.

Таким образом, несмотря на интерес к работам В.П. Астафьева, видно, что за 30 с лишним лет в Китае были переведены лишь немногие произведения из его творческого наследия. А после 1995 г. китайские переводчики стали обращать внимание только на рассказы писателя. Одна из причин этого заключается не столько в трудностях перевода более крупных произведений, сколько в том, что лирические миниатюры В.П. Астафьева по идейному и эстетическому содержанию более понятны китайскому читателю. Говоря о мотивах перевода сборника «Затеси», Чэнь Шусянь так объясняет интерес к произведениям такого рода: «Почему захотелось перевести его миниатюры «Затеси» и «Ода русскому огороду»? Немного можно назвать произведений, где настолько красиво и поэтично описана природа. По тонкости отображения это чем-то напоминает китайскую живопись» [5]. Недаром рассказы «Заклинание» и «Песнопевница»

были включены в хрестоматию по мировой литературе для китайских школьников.

В.П. Астафьев относится к писателям-классикам XX в. мирового масштаба. Однако на сегодняшний день многие его произведения не переведены на китайский язык, в первую очередь, созданные в поздний период его творчества, которому пока не уделяется достаточно внимания. В действительности же за последнее десятилетие писатель пережил «необычайный прилив творческой энергии» [10]. За это время он создал роман «Прокляты и убиты» (книга первая «Чертова яма», 1992; книга вторая «Плацдарм», 1994), повести «Так хочется жить» (1995), «Обертон» (1996), «Веселый солдат» (1998), новые рассказы для сборника «Затеси», в который, в конечном счете, вошло 10 тетрадей², прощальный «пронзительный» рассказ «Пролетный гусь», удостоенный в 2001 г. премии им. Юрия Казакова как лучший рассказ года.

Кроме того, многое из раннего и зрелого периодов творчества Астафьева также остается непереведенным. Например, рассказ «Васюткино озеро» (1955) и «самая любимая и заветная» книга писателя «Последний поклон» (в трех книгах, 1957–1991 гг.). Правда, из 32 рассказов, составляющих «Последний поклон», два все же были переведены: «Пир после победы» и «Последний поклон». Рассказы о детстве писателя, отличаясь высокой художественностью, вызывают большой читательский интерес, например «Конь с розовой гривой», «Монах в новых штанах», «Бабушкин праздник» и др. Такие произведения стоит переводить в первую очередь.

В.П. Астафьев – не только писатель-прозаик, но и публицист, критик. Значительную часть его творческого наследия составляют очерки, критические статьи, письма. Например, основой книги «Зрячий посох», за которую в 1991 г. он был удостоен последней Госпремии СССР, является его переписка с критиком А. Макаровым. В 2009 г. в Иркутске издательство «Сапронов» выпустило книгу «Нет мне ответа... Эпистолярный дневник

² «Тетрадами» В.П. Астафьев называет главы своей книги «Затеси».

1952–2001», состоящую из пяти сотен писем, в которых В.П. Астафьев откровенно рассказывает о себе, близких, своих творческих поисках и жизни в целом. Л. Быков по этому поводу сказал: «...эпистолярная его проза если не по объему, то по интересности вполне сопоставима с его просто прозой» [3: 19]. На сегодняшний день в Китае из нехудожественных произведений писателя был переведен только его автобиографический очерк «Сопричастный всему живому». Перевод, сделанный китайским русистом Чжилянном, был опубликован во втором номере журнала «Шицзэ Вэньсюэ» («Мировая литература») за 1984 г.

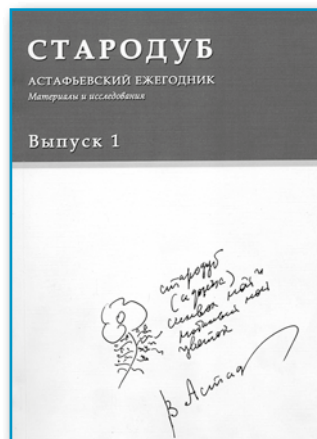
Сложившаяся ситуация, несомненно, связана с невероятными трудностями перевода астафьевских произведений, «неоднозначных и сложных по языку, изобилующих диалектизмами, окказионализмами, авторскими неологизмами и т.п.» [6: 199]. Кроме того, писатель плотно насыщает свои описания синонимическими рядами, когда рассказывает о родном и любимом, например о Енисее: «Мы проходили середину реки, самую стремнину. Называют ее стрежнем, селезнем, зерлом, стрелкой, струной и еще как-то, не вспомню, но слова-то все какие – одно другого звучнее! Это тебе не «берег левый, берег правый» с черной пропастью меж них...» [1: 696].

Переводчик сборника «Затеси» и рассказа «Ода русскому огороду» Чэнь Шусянь считает перевод произведений такого самобытного автора, как В.П. Астафьев, настоящим испытанием, потому что «астафьевский язык нельзя понять только в буквальном смысле: чтобы найти лучший вариант перевода, порой требуется интуиция и правильная настройка эмоций» [9: 290]. С этим нельзя не согласиться. Иногда переводчики расходятся даже в переводе заглавия одного произведения. Например, роман «Печальный детектив» на китайском языке имеет более 6 вариантов названий. Переводчики по-разному понимают эпитет «печальный» и слово «детектив». Однако такое многообразие может вызвать у читателя недоумение.

Тем не менее сами переводчики должны серьезно относиться к своей работе и быть внимательными в процессе перевода, иначе они легко могут допустить ошибки. Так,

к сожалению, заглавие повести «Стародуб» до сих пор переводится неправильно: его чаще переводят как «старый дуб». В действительности же «стародуб» – не дерево, а любимый цветок писателя, символизирующий май – месяц рождения В.П. Астафьева. Внимательный читатель повести, тем более ее переводчик, не может не заметить в тексте следующие авторские слова: «В давние-давние годы появились в этих краях суровые, ни перед чем не гнущиеся, стойкие люди <...> Они всему дали свои названия, и *самый целебный и красивый цветок* (зд. и далее курсив наш. – Я.Ч.) назвали в честь любимого дерева – дуба. *Так цветок этот желтый и духмяный* сделался постоянной, неумираемой памятью о родном, навсегда потерянном крае» [2: 45]. Впоследствии стародуб стал астафьевским символом. Недаром первому выпуску Астафьевского ежегодника, вышедшему в 2009 г., его составитель Г. Шленская дала название «Стародуб».

Подобные трудности в переводе произведений В.П. Астафьева испытывали не только китайские переводчики, но и их коллеги из западных стран. Вот как о своих «муках» переводческой работы говорила немецкая русистка Розамари Титце: «Прежде всего бросается в глаза невероятное изобилие астафьевского словаря, причем он крайне конкретен, насыщен реальной жизнью, т.е. обозначает вещи не вымышленные, а видимые и осязаемые <...> и эта привязанность к месту подчас озадачивает переводчика не в малой степени. Судите сами: что такое «куть»?

Почему спят на каких-то там полатах? Как выглядит жалица? И как она обжигает? Что значит «усмыгнуть»? Или «обопнуть»? Какого вкуса елец? А «бадоги»? Что с ними делают? Почему устраивают «охоту на овсах», когда речь о медведе? И тут переводчику приходится совершать своего рода этнографические экспедиции в труднодоступные области языка, иногда не разведанные даже словарями наречий и ботаническими, зоологическими или другими справочниками» [8].

Об одной анекдотической истории с переводом «Последнего поклона» рассказал однажды сам В.П. Астафьев в интервью, данном пражскому журналу «Иностранная литература»: «Вот недавно перевели на английский мою повесть «Последний поклон» под названием «Кивок головы». Ну, как тут не падать на землю?!» Далее сам объяснил возможные причины этой ошибки: «Думаю, что мои труднопереводимые названия книг и язык, избыливающий местной речью и истинно русскими словами, которые отчего-то сделались «редкими», переводить буквально нельзя, какой-то сходный материал найдется в любом языке, при этом, конечно,

многое потеряется, исчезнет «тень» и «полутьма» <...> Лишь бы переводчики отсебятину не пороли, избегали неточностей и глупостей. Многие переводчики шлют мне большие письма с просьбой объяснить им непонятные слова, и я, отложив всякие дела, немедленно отвечаю» [11: 40]. Из этих отрывков видно, что о проблеме адекватности перевода заботился даже сам В.П. Астафьев.

Из всего вышеизложенного становится ясно, что из творческого наследия В. Астафьева на китайский язык пока переведены лишь немногие произведения, причем абсолютное большинство переводов были сделаны еще до 1990-х гг. После этого время от времени переводились только рассказы. Китайским переводчикам в этом деле еще предстоит проделать большую работу. Ведь художественный перевод имеет непосредственное значение для проведения научной работы, является его предпосылкой и основой. А самым эффективным, на наш взгляд, способом для преодоления лексических, грамматических и стилистических трудностей является составление словаря языка В.П. Астафьева, но это дело отдаленного будущего.

Литература

1. Астафьев В.П. Последний поклон. М., 2010.
2. Астафьев В. Стародуб / Собрание сочинений: В 6 т. М., 1991. Т. 1.
3. Быков Л. Виктор Астафьев – критик (вступительная статья) // Урал. 2004. № 5.
4. Кириллов А. Премией Солженицына наградили Астафьева // Литературная Россия. 2009. № 9.
5. Коновалова Е. Китайцы поют «Оду русскому огороду» // Вечерний Красноярск. 2006. № 38.
6. Никитенко В. К вопросу о переводах и изучении русской литературы в Китае // Стародуб: Астафьевский ежегодник: Материалы и исследования. Красноярск, 2009.
7. Последний поклон Виктору Астафьеву. Прощание // <http://www.booksite.ru/fulltext/las/tbo/rn/2.htm>.
8. Титце Р. Речь по случаю вручения Пушкинской премии Виктору Астафьеву // День и ночь. 1997. № 5–6.
9. Чэнь Шусянь, Чжан Дабэнь. Послесловие // Сборник лирических миниатюр В. Астафьева. Тяньцзинь, 1995.
10. Шленская Г. Виктор Астафьев и Иван Бунин // Сибирские огни. 2008. № 6.
11. Шленская Г. Некоторые проблемы изучения феномена Виктора Астафьева // Феномен В.П. Астафьева в общественно-культурной и литературной жизни конца XX века: Сборник материалов I Международной научной конференции, посвященной творчеству В.П. Астафьева. Красноярск, 2005.
12. Юй Ичжун. Как «нас» читают в Китае? // Литературная газета. 1996. № 27.

Yang Zheng

THE HISTORY OF TRANSLATING V.P. ASTAFIEV'S WORKS IN CHINA: PROBLEMS AND PROSPECTS

Works of V.P. Astafiev, history of translation, problems and prospects.

The paper deals with the history, problems and prospects of translating the famous Russian novelist V.P. Astafiev's works in China, identifies the main difficulties encountered to Chinese translators, and suggests possible ways to overcome them.

А.А. Оранская

lunevo2008@rambler.ru

преподаватель
Московского курса
музыкального отделения
университета Курасики Сакуё
Окаяма, Япония

Русская рапсодия

Университет Курасики Сакуё, русские в Японии, русская музыка, Московская государственная консерватория им. П.И. Чайковского, фонд им. П.И. Чайковского.

В статье рассказывается об истории появления русского языка и русской музыки в Японии, о так называемом Московском курсе музыкального отделения университета Курасики Сакуё – единственного университета в Японии, который сотрудничает с фондом им. П.И. Чайковского и имеет эксклюзивное право приглашать на работу педагогов Московской государственной консерватории. Вот уже более пяти лет в Курасики Сакуё трудятся преподаватели Гос. ИРЯ им. А.С. Пушкина, а студенты, прошедшие 4-летнюю языковую подготовку, продолжают свое обучение в музыкальных учреждениях России как музыканты, а некоторые и как переводчики.

– Педаль!.. Педаль! Стоп. Еще раз – сначала. Поехали...

Это не урок в автошколе. Это занятие по специальности на Московском курсе музыкального отделения японского университета Курасики Сакуё. За роялем – студент-первокурсник. За вторым инструментом – кто-то из педагогов Московской консерватории. За окном под музыку Чайковского сменяются времена года...

Мои студенты уверены, что русский язык в Японии начали изучать совсем недавно – примерно 10 лет назад, когда в Окаюму приехали преподавать музыканты из Москвы. И оказалось, что, для того чтобы понимать музыку – язык, как принято считать, универсальный, – следует понимать и то, что говорит педагог, работая со студентом над музыкальным произведением.

В маленькой Окаяме – столице одноименной префектуры в юго-западной части Японии – найти для каждого студента личного переводчика с русского языка, знакомого с темой и способного получать удовольствие от бесконечно повторяющихся неправиль-

ных пассажей и вздохов профессора, было весьма затруднительно. Сейчас на курсе, который гордо называется Московский, работают настоящие профессионалы – Исикава Мунеюки, Фудзимото Юко, Ямасита Ёко. Они не случайные люди, в русский язык их привела музыка и любовь к нашей культуре. Все они прошли курс обучения в России, и сейчас это уникальные специалисты, знающие музыкальную терминологию и нюан-

сы перевода с русского языка на японский, без устали работающие на уроках по теоретическим дисциплинам и мастер-классах.

Но когда все только начиналось, было решено ввести в программу язык специальности как средство профессионального и повседневного общения в рамках коммуникативного и языкового минимумов для студентов, планирующих учиться в музыкальных учреждениях России. Сейчас каждый год Московская государственная консерватория им. П.И. Чайковского принимает на обучение рекомендованных моими коллегами японских студентов. Отправляясь после IV курса в Москву, они должны усвоить программу русского языка в рамках I сертификационного уровня.

Ни для кого не является секретом тот факт, что изучать язык рекомендуется в условиях языковой среды. Включенное обучение проводится только таким образом, а курсовое — как в языковой среде, так и вне ее. Безусловно, этот фактор не может не тормозить процесс обучения. Тем не менее то, что студенты не теряют интереса к чрезвычайно сложному предмету, регулярно посещают уроки, неукоснительно выполняют требования преподавателя и готовы продолжить обучение тогда, когда предмет становится факультативным (т.е. на III и IV курсах), позволяет сделать вывод, что они, несколько апатичные и вялые вначале, преисполняются интереса и желания говорить по-русски, несмотря на малое количество уроков — всего лишь 6 ч. в неделю на первых двух курсах. Конечно, в крошечном пространстве Москов-

ского курса, на котором три русских педагога работают регулярно и два — спорадически, а обучается 10–15 особо идейных студентов, приходится говорить разве что о наличии микросреды — но все же это лучше, чем ничего. Мы говорим по-русски на занятиях по языку, мы слушаем комментарии педагога на занятиях по специальности (на 2013 г. это только фортепиано, ранее преподавались скрипка и виолончель — но эти инструменты сейчас не столь популярны в Японии), мы готовим друг для друга национальные блюда, вместе отмечаем праздники, вместе радуемся творческим успехам — и мечтаем отправиться в Россию. Эти крупинки интереса к России, в имидже которой много отрицательного (чаще же она вообще безразлична японцам), становятся бриллиантовой крошкой в шкапулке русской души.

Но, конечно, так было не всегда. С русским языком японцы познакомились не 10 лет назад, как думают мои студенты, а гораздо раньше. В конце XVII в. на Камчатке атаман казачьей полусотни Владимир Атласов столкнулся у местных жителей с японским купцом Дэнбеем, который потерпел крушение, путешествуя из Осаки в Эдо (28 недель его корабль мотало по волнам). Дэнбей был препровожден в столицу, где встретился с Петром I в 1702 г. «Петр Первый издал специальный указ о взятии Дэнбэя на государственный кошт, об открытии школы японского языка и назначении в нее Дэнбэя учителем» [5: 13].

В начале XVII в. и вплоть до второй половины XVIII в. (эпоха Эдо, 1603–1867) японцы не имели никакого представления о России. Для Японии, пребывавшей в изоляции, развитие событий в мире было тайной, и японское военное правительство не стремилось открывать границы. Некоторые дальновидные сановники, например Араи Хакусэки, имели горячий интерес к западной культуре и непреодолимое желание изучать ее. От итальянца Сидотти, нелегально жившего в Японии, Хакусэки — видный политик, ученый и поэт — получил информацию о географии мира и создал научный труд «Сэйё кибун» («Описание Запада»). Прогрессивная часть японской элиты прояв-

ляла активный интерес к западной культуре. Единственной лазейкой во внешний мир у спрятавшейся от чужих глаз Японии был порт Нагасаки, в котором велась торговля с Голландией. Поклонники западной культуры мечтали попасть туда — раз в год голландские торговые представители наносили правительству Эдо визиты, и это была единственная мизерная возможность контакта с европейцами. Порой простой служащий торговой компании вынужден был отвечать на самые различные вопросы научного характера — так любознательные японцы получили первые сведения о Московском государстве.

В середине XVIII в. Россия через Камчатку вышла на Курильские острова. Русские стали настойчиво предлагать Японии, которая была закрыта для иностранцев, установить торговые отношения. В период правления Окицугу Танумы интерес к России в Японии, в частности в княжестве Мацумаэ (ныне остров Хоккайдо), стал возрастать.

Хакамада Сигеки, ученый, японский и российский политолог, профессор, председатель «Анпокен», генеральный директор Японской ассоциации по изучению России и Восточной Европы, выступая на традиционной российско-японской конференции ведущих экспертов и политиков двух стран, отмечал, что в 1792 г. «Хэйсукэ Кудо написал книгу «Размышления о нравах рыжих варваров» («Ака эдзо фусэцу-ко»). Это было время, когда, опасаясь установления торговых отношений между Россией и Японией, голландцы, которые в тот период монополизировали всю торговлю с Японией, выступали с предупреждениями о «русской угрозе» для Японии. Кудо, учитывая пристрастность таких предупреждений, истолковал намерения русских следующим образом: на 80% — это стремление установить торговые отношения и на 20% — стремление «украсть страну» (т.е. совершить агрессию). И пришел к выводу о необходимости завязать с Россией торговые отношения.

Еще раньше, в 1787 г., Сихэй Хаяси, самурай княжества Сэндай, написал книгу «Военные беседы о морской обороне» («Кай-коку хэйдан»), в которой первым врагом Японии рассматривал Китай, а вторым —

Россию. Предупреждая об опасности территориальной экспансии России в сторону Японии, Хаяси разъяснял важность обороны страны с моря. В 1792 г. в Японию прибыл Адам Лаксман в сопровождении потерпевшего кораблекрушение Кодая Дайкокуя и потребовал установления торговых отношений между Японией и Россией».

Путем Кодая проследовали и другие мореходы — моряки из Исиномаки и некто Дзюкити из Овари. Они привезли из России русские слова и начальные сведения о грамматике. Первым словарем условно можно считать написанную этим самым Дзюкити брошюру «Русские слова». Она была напечатана в Японии, а ее автор продемонстрировал удивительный лингвистический талант, сумев за один год и три месяца на подобравшем его, дрейфовавшего в Тихом океане, английском судне научиться бойко общаться на русском и английском языках.

Тогда же была издана книга Хосю Кацурарагавы «Краткие сведения о северных краях» («Хокуса бунряку»), содержавшая некоторые данные о жизни в России XVIII в. (автор получил их от Кодая Дайкокуя). Это издание было высоко оценено в различных странах мира и стало основным источником для изучения ситуации, сложившейся в России в XVIII в. Даже такие ученые, как Ю.М. Лотман, использовали его, однако для самих японцев эта книга оказалась практически недоступной.

По словам Хакамада Сигеки, спорадические контакты между Японией и Россией начали устанавливаться уже в эпоху Эдо, но для японского народа Россия оставалась все еще «неизвестной» страной. В эпоху Мэйдзи, когда японцы стали активно читать русскую литературу, они узнали больше — однако вмешательство трех держав, включая Россию, в Японо-китайскую войну 1894–1895 гг. вызвало у японцев враждебные чувства, что вскоре привело к Русско-японской войне.

Впрочем, на отношение японцев к русской литературе этот исторический факт никак не повлиял, как не повлияла позже и Октябрьская революция. Японские интеллигенты обожали русскую литературу — гума-

низм произведений Л.Н. Толстого, непротивление злу насилием и даже вегетарианство оказались очень близки японской душе.

Писатель Симэй Футабатэй (1864–1909), некогда начавший изучать русский язык, «чтобы противостоять русским», стал вскоре ярким поклонником русской литературы и, взяв ее за образец, заложил основы японской литературы нового времени, раннего японского реализма. Он же был переводчиком на японский язык произведений И.С. Тургенева – когда в 1888 г. в одном романе был опубликован рассказ «Свидание» (из «Записок охотника»), стало понятно, что началась новая литературная эпоха, появилась иная точка зрения на окружающую действительность.

Уже в первой половине периода Мэйдзи (1880–1890) были переведены и стали популярны среди японских читателей произведения Ф.М. Достоевского, Н.В. Гоголя, И.С. Тургенева, И.А. Гончарова и других русских писателей. Теория реализма В.Г. Белинского, Н.Г. Чернышевского, Н.А. Добролюбова, идеи других русских критиков оказали большое влияние на японскую литературу нового времени.

В конце XIX – начале XX в. японские писатели и интеллигенция находились под особенно сильным влиянием русской литературы. Писатели Санэацу Мусякодзи, Наоя Сига, Такэо Арисима, восхищенные творчеством Л.Н. Толстого, создали группу «Белая береза». Примечательно, что в Японии особой любовью пользовался роман Толстого «Воскресение», а не ранние произведения писателя. Он даже был поставлен на сцене и «Песню Катюши», додуманную режиссерами для эффектности, пели по всей Японии. По свидетельству японского филолога и историка, специалиста в области древнерусской литературы Накамура Ёсикадзу, «больше не было подобной песни, которую бы пело так много людей».

Рюносукэ Акутагава, широко известный в России как автор рассказа «Ворота Расёмон», положенного в основу фильма «Расёмон», восхищенный творчеством Н.В. Гоголя, создал свое произведение «Нос». А великий Акира Куросава экрани-

зировал роман Ф.М. Достоевского «Идиот». Хотя действие происходит в Японии, его фильм получил широкое признание в России как произведение, выразившее замысел Ф.М. Достоевского глубже, чем фильм российского производства. Куросава также снял фильм по пьесе М. Горького «На дне», действие которой было перенесено в современную ему Японию.

Русская интеллигенция помимо литературы и искусства повлияла и на развитие философии и движение общественной мысли в Японии. Тот же Ф.М. Достоевский и по сей день оказывает огромное воздействие на японцев не только как писатель, но и как мыслитель. Достоевский для японцев – это вообще явление особое. Н.Д. Старосельская отмечает, что «под знаком Достоевского существует в Японии определенный и весьма серьезный пласт культуры». «Братья Карамазовы» были переведены десятки раз и стали самым популярным изданием иностранной литературы. Последний перевод появился в 2006 г., и 5 его томов – титанический труд профессора Токийского университета иностранных языков Камеямы Икуо – вышли тиражом более миллиона экземпляров. А сейчас телеверсия романа демонстрируется поздно вечером по субботам на крупнейшем телеканале «Фудзи ТВ». Но это японские братья и живут они в современной Японии. После экранизации произведения М. Горького переселение русских на острова и перевоплощение их в японцев стало доброй традицией. Поменялась страна – поменялись имена. Карамазовы стали Куросава. В японской версии Иван – это Исао, Дмитрий – Мицуру, а Алеша – милый и скромный Рё.

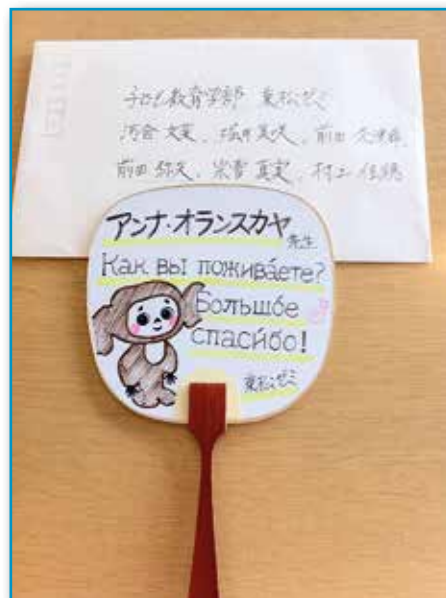
В Японии переведены произведения многих русских писателей: В.М. Гаршина, М.Е. Салтыкова-Щедрина, Н.С. Лескова, Л.Н. Андреева, А. Белого, В.В. Маяковского, С.А. Есенина, Б.А. Пильняка (чья трагическая судьба очень тесно связана со Страной восходящего солнца), М.А. Шолохова, Н.А. Островского, М.А. Булгакова, И.Г. Эренбурга, а также А.И. Солженицына, В.Г. Распутина, В.М. Шукшина, Ф.А. Абрамова, В.И. Белова и др.

Профессор Хакамада отмечает, что в 1930-е гг. взгляды известного русского литературоведа Льва Шестова стали причиной философской полемики между выдающимися японскими мыслителями того времени Киёси Мики, Хидэо Кобаяси, Тэцутаро Каваками и Дзюн Тосакой. В Японии изданы полные и избранные сочинения П.А. Кропоткина, Н.А. Бердяева, М.А. Бакунина, Д.С. Мережковского и др. Хотя в последние годы интерес к русской литературе и общественной мысли в целом снизился, тем не менее работы по теории культуры М.М. Бахтина, Ю.М. Лотмана и других авторов активно переводятся на японский язык.

Русская литература тесно связана с русской музыкой. Как в нашем сознании – так и в японском. Музыкальные вкусы русских и японцев очень близки. По словам искусствоведа Марины Тюрцевой, в Японию после 1869 г. из европейских стран – в основном из Германии и Франции – стали активно приглашаться учителя музыки. Один из них, Рафаэль фон Кёбер, преподавал в Токийской консерватории (ныне – Университет изящных искусств). Именно благодаря ему русская музыка впервые зазвучала на островах. Но и раньше, в XVIII в., по линии православной церкви, которая была особенно известной и влиятельной в Сэндае, русская музыка оказывала определенное воздействие на японцев. Прихожанин Ёсиносин Кису принял православие и, взяв имя Иннокентий, отправился в Санкт-Петербург изучать русскую музыку. Посещая лекции Н.А. Римского-Корсакова, он принял решение вернуться на родину и организовать частную школу. Доподлинно неизвестно, были ли в его программе русские произведения, но очевидно, что он многое почерпнул из русской исполнительской традиции.

Вытесненные Октябрьской революцией, русские музыканты искали приюта и в Японии. Скрипач Александр Могилевский, пианисты Лео Сирота, Леонид Могилевский обучали японских студентов, давали множество концертов. Конечно, слушателями были поначалу представители элиты – но постепенно русская музыка становилась достоянием широкой публики. В 1912 г. Япония познако-

милась с классическим балетом, чуть позже Анна Павлова приезжала на гастроли на острова. В 1917 г. Японию посещали Сергей Прокофьев, Эфрем Цимбалист, Яша Хейфец, Шура Черкасский, Федор Шаляпин. Труппа «Гранд-опера» явила японской публике оперы «Евгений Онегин», «Пиковая дама», «Демон», «Хованщина», «Борис Годунов», «Садко».

Балерины Надежда, Элиана и Ольга Павловы в 1924 г. основали в Японии свою балетную студию. С 1946 г. были поставлены множество спектаклей из европейского классического репертуара, в том числе «Лебединое озеро» П. Чайковского, «Петрушка» И. Стравинского, «Золушка» и «Ромео и Джульетта» С. Прокофьева, «Бахчисарайский фонтан» Б. Асафьева. О. Ивата указывает, что с 1960 по 1964 г. в Токио функционировала балетная школа им. П.И. Чайковского, в которой преподавали советские педагоги А. Варламов и С. Мессерер. Таким образом, русская музыка и русский балет воздействовали на умы зрителей, а японский балет глубоко впитал русские традиции [4: 42–50].

Япония – страна, куда обязательно приглашаются молодые музыканты, где проводится значительное количество музыкальных конкурсов и в жюри при этом находятся русские пианисты, скрипачи и виолончелисты. Самым популярным композитором

остается П.И Чайковский, на втором месте Д.Д. Шостакович, затем С.В. Рахманинов. В исполнительском искусстве возвеличивается «русский пианизм», сочетание виртуозности с эмоциональностью.

Тесная связь музыки с литературой способствует неугасающему интересу к русскому языку. В самом деле – кто же такие Евгений Онегин, Пиковая дама, Руслан и Людмила?.. За что и с кем сражался князь Игорь? Почему так страдает Борис Годунов в опере М.П. Мусоргского? Где этот волшебный град Китеж?..

На все эти вопросы ищут ответы студенты и просто поклонники нашей великой

культуры, решившиеся на отчаянный шаг – изучение русского языка.

Я знаю точно: то, что можно сделать в Москве, в условиях языковой среды, займет у меня в Японии втрое больше времени. И мои студенты будут повторять 53 русских речевых модели так, как они повторяют гаммы, готовясь к уроку по специальности. Но зато когда они, пройдя все интонационные ужасы, прорвавшись сквозь грамматический кошмар, приедут в Москву, окажутся, наконец, в Большом зале Московской консерватории, и, может быть, даже на сцене, – они будут испытывать то, что чувствуем мы. Трепет и восторг, и светлую печаль, конечно.

Литература

1. Бирюков Л.И. Толстой и Восток // Новый Восток. 1924. № 6.
2. Григорьева Т.П. И еще раз о Востоке и Западе // Иностранная литература. 1975. № 7.
3. Громковская Л.Л. Оглянемся на прошлое // 100 лет русской литературы в Японии / Под ред. Л.Л. Громковской. М., 1989.
4. Ивата О. Традиционная музыка и современные балетные постановки Японии // Музыка. XXI век: проблемы творчества, исполнительства, педагогики. Пермь, 2007.
5. Иноуэ Я. Сны о России. М., 1977.
6. Кацурагава Хосю. Краткие вести о скитаниях в северных водах. М., 1979.
7. Конрад Н.И. Запад и Восток. Статьи. М., 1972.
8. Накамура Е. Текст доклада на VIII Российско-японском форуме. Нагоя, 2005.
9. Орехова И.А. Языковая среда. Попытка типологии. М., 2003.
10. Старосельская Н.Д. «Один из самых необходимых писателей». Ф.М. Достоевский и Оэ Кендзабуро // Сто лет русской литературы в Японии / Под ред. Л.Л. Громковской. М., 1989.
11. Хакамада Сигэки. Японская сакура и русская береза // Русский мир.ru. 2008. № 4.

A.A. Oranskaya

RUSSIAN RHAPSODY

Kurashiki Sakuyo University, Russians in Japan, Russian music, Moscow State Tchaikovsky Conservatory, Tchaikovsky fund.

The article tells about the history of the Russian language and music in Japan, the so-called Moscow course of the Kurashiki Sakuyo University – the only one university in Japan which works with the Pyotr Ilyich Tchaikovsky foundation and has the exclusive right to offer job to teachers of the Moscow State Conservatory. For more than five years in Kurashiki Sakuyo University teachers of the Pushkin's State Russian Language Institute are hired, and students after four-year language training continue their studies in musical institutions in Russia as musicians, and some of them as translators.

НОВОСТИ НОВОСТИ НОВОСТИ НОВОСТИ НОВОСТИ

5–26 марта 2013 г. в Лондоне состоялся **IV фестиваль русской литературы Slovo**, открывшийся творческим вечером молодой поэтессы Веры Полозковой. Перед жителями Великобритании выступили писатели Дмитрий Быков и Владимир Шаров, историк Александр Эткинд, поэт и журналист Демьян Кудрявцев и др.

По материалам сайта Российской государственной радиовещательной компании «Голос России» (rus.ruvr.ru)

«ВСЕ МЫ ВЫШЛИ ИЗ ГОГОЛЕВСКОЙ ШИНЕЛИ...»

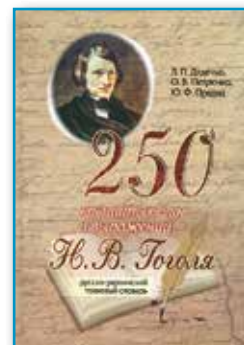
Дядечко Л.П., Петренко О.В., Прадид Ю.Ф.
250 крылатых слов и выражений Н.В. Гоголя:

Русско-украинский толковый словарь.

250 крылатых слов и выражений Н.В. Гоголя:

Украинско-русский толковый словарь.

Симферополь: издатель ФЛП Лемешко К.А., 2012. – 584 с., 236 с. –
(Книга-«перевертыш»)

Словарь, русско-украинский, крылатые единицы, Н.В. Гоголь.

Автор подвергает анализу книгу-«перевертыш» Л.П. Дядечко, О.В. Петренко и Ю.Ф. Прадида «250 крылатых слов и выражений Н.В. Гоголя». В рецензии отмечается новизна жанра, высокий профессиональный уровень описания крылатых единиц, богатейший иллюстративный материал, введение авторами в научный оборот 90 русских и 80 украинских «гоголизмов».

В 2012 г. произошло важное событие в восточнославянской эптографии: на прилавках книжных магазинов появился уникальный словарь-«перевертыш», первый в мировой практике писательский двуязычный переводной словарь крылатых слов (КС) и крылатых выражений (КВ). С одной стороны, это издание – свидетельство дальнейшего развития традиций славянской крылатографии; с другой – оно существенно отличается от всех появившихся ранее эптонимических собраний. С выходом в свет русско-украинского и одновременно украинско-русского словаря крылатых слов и выражений Н.В. Гоголя можно говорить о рождении нового жанра словарей крылатых единиц (КЕ) – писательских переводных толковых двусторонних словарей.

До последнего времени при классификации словарей КЕ ученые в качестве особых жанров, помимо прочих, называли отдельно *переводные* (двуязычные и трехязычные) словари и *авторские*, в основе которых лежат произведения отдельных писателей и поэтов. История крылатографии знает и о первом опыте двустороннего словаря, созданного на русско-латинском материале (например, книга В. Левинского и И. Смирнова 2003 г. [12]). Работа над каждым из этих типов словарей требует от составителей высокого профессионализма,

а потому появляются они на книжном рынке нечасто.

Почти все двуязычные и трехязычные словари КЕ были опубликованы в начале XXI столетия, хотя первые переводные справочники КС и КВ появились в СССР в 1980-е гг., а за рубежом – в 1990-е гг. [4, 6, 18, 25]. Родоначальниками жанра русскоиноязычных справочников КЕ по праву можно считать В.П. Беркова, автора русско-норвежского [6] и русско-английского [18] словарей КЕ, а также составителя русско-немецкого словаря КЕ Ю.А. Афонькина [4]. Первые шаги переводной (пока что только двуязычной) отечественной крылатографии отличались одной особенностью: адресуя свои словари лицам, изучающим РКИ, составители обычно ограничивались указанием на источник КЕ (назывался автор, приводился заголовок произведения, из которого родилось КВ или КС, иногда цитировался фрагмент текста, послуживший базой для рождения КЕ). Поскольку эквивалент, равноценный русской КЕ, находился далеко не всегда, составители в таких случаях включали в словарную статью собственный более или менее удачный перевод. Ни русская языковая единица, ни переводная не сопровождались иллюстративным материалом, и далеко не всегда, даже в тех случаях, когда словарная статья содержала семантическую

характеристику КЕ, сфера ее использования и диапазон ее функциональных возможностей находили должное отражение.

Ситуация изменилась в начале XXI в. В России были переработаны, дополнены и переизданы первые двуязычные словари КЕ [4, 18]; издательство «Флинта» выпустило в 2004 г. очень краткий русско-английский словарь КС и КВ Г.А. Котий [11]. Сопоставительные справочники с «исходными» русскими КЕ начали создаваться в ближнем и дальнем зарубежье. Так, А.Г. Саркисян в 2001 г. написал «Русско-армянский словарь библейских крылатых слов» [17]; в Киеве в 2001–2003 гг. увидели свет материалы к словарю КЕ «Новое в русской и украинской речи» Л.П. Дядечко [9]; в 2003 г. в Польше вышел русско-польский словарь КЕ, подготовленный В. Хлебдой, В.М. Мокиенко и С.Г. Шулежковой [24]; сотрудники Могилевского государственного университета в 2006 г. издали белорусский словарь КВ, восходящих к русскоязычным источникам XII–XX столетий [8], а группа германских исследователей во главе с профессором Х. Вальтером опубликовала в 2007 г. русско-немецкий словарь актуальных КЕ [22]. Крылатографические центры функционируют теперь не только в Германии, но и в ряде городов России, в Армении, Белоруссии, Польше, Словакии, Чехии, на Украине и в других странах. Лидирующее положение среди интересующей нас двуязычной эптонимической продукции занимают русско-немецкие, русско-английские и русско-латинские справочники; что, кстати, создало благоприятную почву для возникновения трехязычных – русско-немецко-латинских и русско-англо-латинских – словарей КЕ (например, книги А.С. Альбова 2003 г. [3] и Н.Л. Адамия 2006 г. [1]).

Принципы описания КЕ в некоторых сопоставительных словарях 2000-х гг. значительно отличаются от тех, что сформировались в 1980–90-е гг. Первопроходцем в этом плане следует признать одного из авторов рецензируемого издания Л.П. Дядечко. В материалах к словарю «Новое в русской и украинской речи: крылатые слова – крылаті слова» исследовательница уже дает образцы

употребления КЕ в сравниваемых языках и отмечает расхождения в семантике русских и украинских единиц [9]. Профессор В. Хлебда в ходе подготовки польской части двуязычного словаря КЕ [24] разработал и применил новую, глубоко продуманную методику сопоставительного описания национальных корпусов КС и КВ. Она предполагает учет своеобразия менталитетов разных этносов и творческие, исходящие от составителя-переводчика, «вкрапления» в систему КЕ языка перевода, когда единицам первого из описываемых языков не находится в языке перевода достойных эквивалентов.

КЕ любого национального языка теснейшим образом связаны с культурой и традициями народа-носителя, а КС и КВ, принадлежащие конкретному писателю или поэту, помимо национальных черт обладают еще и особой художественной формой. Эта форма «вербализует обычно неповторимое, индивидуальное содержание, или понятия и понятийные комплексы, появившиеся только в данном тексте, вызванные к жизни данным автором», а потому при сравнении национальных корпусов КЕ «понятийная безэквивалентность (и, что очевидно, формальная) является скорее правилом» [23: 11]¹. Данный фактор оказывается особенно важным, когда ставится задача создания толкового переводного словаря КЕ отдельного писателя или поэта. Вот почему, хотя уже опубликовано несколько «писательских» словарей КЕ [2, 4, 13–16, 19–21], до сих пор никто не брал на себя смелость написать толковый переводной писательский словарь, тем более – двусторонний.

Рецензируемая книга готовилась к 200-летию со дня рождения Н.В. Гоголя, писателя, которого и русские и украинцы

¹ Единственная область, в которой крылатографам было проще заниматься в аспекте сопоставления национальных корпусов КЕ, – это латинский язык, из которого в восточнославянские языки проникло множество КС и КВ, активно включавшихся в различного типа справочные издания. См., например, Бабкин А.М., Шендеров В.В. Словарь иноязычных выражений и слов: В 2 т. М., 1981–1987; Бабичев Н.Т., Боровский Я.М. Словарь латинских крылатых слов: 2500 ед. М., 1982, а также последующие 7 изданий этого словаря (1986, 1988, 1997, 1999, 2001, 2003, 2008) и др.

не просто признают своим классиком, но и по-настоящему любят. Мы достаточно часто обращаемся к Гоголю не только для того, чтобы образно назвать нечто, уже имеющее «стертое», привычное наименование, или хлестко «припечатать» то, что вызывает возмущение, протест, достойно морального осуждения. Гоголевские КЕ предоставляют нам прекрасную возможность выразить переполняющий душу восторг, восхищение или просто, как пишут авторы рецензируемого словаря, «поиграть с роскошным, вдохновенным, мудрым, веселым, но иногда и язвительным, беспощадным словом» [10: 4]. Кто из нас, встречая после долгой разлуки своего изменившегося от прыска, не воскликнет: «*А поворотись-ка, сын! Экой ты смешной стал!*»; рассказывая кому-нибудь о чересчур обходительной светской женщине, не назовет ее *дамой приятной во всех отношениях*; выслушав очередной пассаж безудержного хвастуна, лгунишки, мысленно не припомнит гоголевского *Хлестакова*, а столкнувшись с очередной сенсационной статьей, основанной на непроверенных фактах, не окрестит ее автора-журналиста *щелкопером* или *бумогомаракой*?

Авторы нового словаря поставили перед собой достаточно сложную задачу — дать полноценное лингвистическое описание всех КЕ Н.В. Гоголя, функционирующих в современных русском и украинском языках, и прекрасно с нею справились. При этом они отказались от экстенсивного принципа при отборе «гоголизмов» (термин составителей. — С.Ш.). Им удалось избежать соблазна включить в словарь все встретившиеся гоголевские интертексты. Цифра 250 кажется, на первый взгляд, такой незначительной по сравнению с цифрами 1900 (столько единиц описано в словаре крылатых выражений А.С. Пушкина [14]) или 2000 (см. словарь КВ по пьесе А.С. Грибоедова «Горе от ума» [13]). Но она действительно представляет корпус гоголевских слов и выражений, имеющих языковой статус.

Секрет успеха авторов кроется в принципах отбора объектов описания. В словарь вошли, во-первых, «имена персонажей и на-

звания мест действия; во-вторых, крылатые выражения — более или менее точные фрагменты из произведений Н.В. Гоголя, уже оторвавшиеся от первоисточника, но еще сохраняющие в сознании современных носителей языка ассоциативную связь с ним и относительно широко используемые в номинативно-характеризующей функции; в-третьих — производные от единиц первых двух» [10: 9]. При отборе КВ авторы словаря руководствовались дополнительным критерием. Утрата КВ «цитатных признаков», их «самостоятельность» определялись «по развитию у оборотов собственного значения и стабилизации у них компонентного состава, не исключающей вариантности, которая, наоборот, подчеркивает высокую степень освоенности языком, являясь результатом, с одной стороны, активного использования в речи, а с другой — давления языковой системы» [10: 9–10].

Составители отказались от включения в словарь нескольких групп единиц, которые традиционно приписывались Н.В. Гоголю:

- отдельные нарицательные существительные в переносном значении (*клубничка* — символическое обозначение флирта, эротики, секса; *баба* — ‘слабохарактерный мужчина’, *моветон* — как курьезное бранное слово; *дубинноголовая*, *черевики*);
- имя *Бонапарта*, приобретшее бранное значение еще до написания «Мертвых душ»;
- гоголевские описания ситуаций, положений и т.д., не получившие своей устойчивой словесной формы;
- фразеологизмы, пословицы, известные в народном обиходе и до Н.В. Гоголя, лишь введенные им в общелитературное употребление и, по утверждению составителей рецензируемого словаря, в настоящее время утратившие ассоциации с гоголевским текстом;
- обороты, принадлежащие другим авторам, но популяризированные Н.В. Гоголем и сейчас функционирующие без «печати авторства» (*Большому кораблю — большое плавание*; *квасной патриотизм*; *В России две беды — дураки и дороги*);
- распространенные разговорные конструкции клишированного или полукли-

шированного типа (*Эй, вы, залетные!*) [10: 10–12].

Несмотря на такой строгий отбор, в словаре описано не только 250 КЕ Н.В. Гоголя, функционирующих в русском языке, но и 100 КЕ, освоенных украинским языком. В целом составители обогатили русскую крылатографию девятью десятками гоголевских КЕ, а украинскую – восемью десятками. И даже те гоголевские КЕ, которые уже попадали в ранее изданные эпиграфические справочники, в новом словаре подверглись тщательному лингвистическому пересмотру: уточнены их значения, путем подбора многочисленных примеров аргументируется их языковой статус, выявляются ранее не замеченные крылатографами вариативные возможности КЕ и дериваты, очерчиваются сферы их функционирования: *И веревочка в дороге пригодится; Плюшкин и плюшкинская куча; Пришли, понюхали – и пошли прочь; храм уединенного размышления* и др.

Особого внимания заслуживает карточка, на базе которой создавался словарь. Это добротные «паспортизованные» цитаты из классической русской и украинской художественной литературы XIX столетия, из советской прозы и поэзии XX в., выдержки из современной периодики, фрагменты из интернет-текстов, устной разговорной речи, материалов радио- и телепередач.

Фундаментальная теоретическая подготовка составителей, лексикографический опыт и обширная иллюстративная база позволили им реализовать многоаспектный лингвистический подход при описании гоголевских КЕ. Это в полной мере отражено в продуманной и планомерно реализованной системе структурирования словаря в целом и его статей в частности.

В издании два раздела, фактически два словаря, построенные зеркально. После вступлений в каждом из них, где излагается история фиксации гоголевских КЕ и обосновываются принципы отбора и анализа языкового материала, дается краткая характеристика самого словаря, перечень основных сокращений и список цитируемой литературы, идут словарные статьи, расположенные

в алфавитном порядке без учета пробелов между словами. Разделы сопровождаются указателями компонентов КВ Н.В. Гоголя и указателями его произведений – источников КС и КВ. Русский раздел завершается двумя приложениями. В первом приводится перечень гоголевских выражений, крылатость которых не подтверждается современной речевой практикой; во втором – КВ разных авторов о Н.В. Гоголе.

Специального рассмотрения заслуживает структура словарных статей. Каждой из них присвоен свой номер внутри раздела (русского или украинского). Она состоит из двух частей. Первая (обязательная для любой статьи обоих разделов) содержит сведения, обычные для переводных словарей, вторая (факультативная в пределах второго раздела) – сведения собственно крылатографического характера. Информация в каждой словарной статье распределяется по 8 зонам: 3 из них (заголовочная, зона перевода и зона источника) располагаются в первой части статьи, 5 (подзаголовочная, зона вариантности, зона толкования, иллюстративная, зона производности, зона окказиональности и зона сведений о фиксации КЕ в специальной литературе) формируют вторую ее часть.

Большим достоинством словаря следует признать то, что при расстановке ударений авторы учитывали коммуникативную акцентуацию компонентов КВ, что в крылатографической практике встречается впервые: *А что́ это у вас, несравнённая Соло́ха?; Ёсть ещё́ поро́х в пороховни́цах; Ба́тько! где́ ты там? Слы́шишь ли ты? – Слы́шу!; Ведь на то́ и живёшь, что́бы срыва́ть цветы́ удовольствия; Ёсть тако́й Бо́бчинский; Не́т уз свя́тее това́рищества; Ну что́, мол, бра́т Пу́шкин?; Я тебя́ породил, я тебя́ и убью́!* и др. Как видно из примеров, ударениями отмечаются и односложные слова, если их необходимо интонационно выделить при произношении, – информация очень важная для иностранцев. Иногда компоненты гоголевских КЕ имеют ударение, не совпадающее с современным нормативным ударением у эквивалентного русского слова, и авторы в таких случаях

дают необходимую историко-орфоэпическую справку, отмечая своеобразие «гоголизма»: *Знаёте ли вы ук^{ра}їнську ночь? У, вы не знаёте ук^{ра}їнської ночи!*

Словарь содержит немало тонких историко-лингвистических и лингвокультурологических замечаний, которые превращают знакомство с ним в увлекательное чтение. Например, короткий историко-культурный комментарий к КВ из комедии «Ревизор» *Казенного жалованья не хватает даже на чай и сахар* о том, насколько дорог был чай в гоголевские времена; любопытные сведения, касающиеся цвета костюма Чичикова, приведенные в словарной статье *цвет наваринского дыма с пламенем*.

Словарь-«перевертыш» по-настоящему современен. Доказательством тому является не только активное использование авторами всех возможностей Интернета, с его собственными жанрами и «кладовыми» текстов прошлых веков (без Интернета в наше время работа лексикографа немыслима), но и внимание к новым явлениям в коммуникативной практике, где письменная речь, благодаря техническим средствам общения, осваивает языковые единицы, бытующие только в графической форме. Составители включили в русский раздел словаря КВ, восходящее к «Запискам сумасшедшего» (1835) *Чи 34 сло Ми гдао, февраль 349* – ‘о событиях, фактах, бессмысленных, глупых, не поддающихся логическому объяснению (ирон.)’. Примеры из иллюстративной части доказывают устойчивость и крылатость данного выражения, очерчивая специфическую сферу его использования.

Естественно, в большой, талантливой, интересной работе есть уязвимые или спорные места. Так, например, вряд ли можно безоговорочно согласиться с авторами, когда они пишут, что на новом витке развития науки «была доказана кратковременность «крылатости» нарицательных имен и, следовательно, признание вслед за Бюхманом крылатыми только собственных имен» [10: 9]. Во-первых, имена собственные, приобретая символическое значение, становятся наименованиями не единичных лиц или явлений, а множества однородных и, таким

образом, переходят из разряда имен собственных в имена нарицательные, став крылатыми, а то, что они могут на письме изображаться с прописных букв, сути дела не меняет. Даже в рецензируемом словаре таких графических вариантов немало (ср. *Чичиков* и *чичиковы*, *Хлестаков* и *хлестаковы*, *Плюшкин*, *плюшкин* и *плюшкины*). Что же касается нарицательных имен существительных типа *хлестаковщина*, *плюшкинство*, *чичиковщина*, то их «долговечность» подтверждается самими авторами, поместившими их на страницы словаря вместе с современными примерами употребления.

Несколько необычным кажется принцип включения в состав крылатых слов или выражений «только при условии, что эти единицы обнаруживались в примерах, в которых они оформлялись как обычная цитата, с прямой или косвенной ссылкой на источник». Вряд ли отсутствие таких «неопровержимых» доказательств в арсенале одного или даже группы лексикографов может свидетельствовать о «стирании печати авторства» и превращении авторских КЕ в обычные, «безымянные» слова и выражения. Упоминание авторов при использовании всем известных КС или КВ участниками коммуникации может восприниматься как некая искусственная, нарочито «ученая» манера общения.

В целом же, перед нами замечательная, умная книга, написанная с глубоким знанием дела, общение с которой доставит истинное удовольствие каждому специалисту-филологу, журналисту, писателю, учителю-словеснику и вообще любителю русского и украинского языков.

Словарь дает возможность насладиться гоголевскими «буйными словесными красками», доведенными, по словам К.И. Чуковского, до такой ослепительной яркости, что радуешься каждой строке, как подарку».

С.Г. Шулежкова

shulezkova@gmail.com

д-р филол. наук, профессор
Магнитогорского государственного
университета
Магнитогорск, Россия

Литература

1. Адамия Н.Л. Русско-англо-немецкий словарь пословиц, поговорок, крылатых слов и библейских изречений. М., 2006.
2. Александрова Т.С. Из Гете. Крылатые слова. Цитаты: Словарь. М., 2000.
3. Альбов А.С. Русско-англо-латинский словарь крылатых слов и выражений. М., СПб., 2006.
4. Афонькин Ю.Н. Русско-немецкий словарь крылатых слов. М., Лейпциг, 1985.
5. Бабичев Н.Т. Словарь латинских крылатых слов: 2500 ед. М., 1982.
6. Берков В.П. Русско-норвежский словарь крылатых слов. М., 1980.
7. Васильева Т.Д. Краткий словарь латинских крылатых выражений. М., 2003.
8. Веніліктаў С.В., Даніленка І.Л., Іванова С.Ф. і інш. Крылатыя выразы ў беларускай мове: тлумачальны слоўнік. Ч. 1–2. Магілёў, 2004–2006.
9. Дядечко Л.П. Новое в русской и украинской речи: крылатые слова – крилаті слова (материалы для словаря): Учебное пособие: В 4 ч. Киев, 2001–2003.
10. Дядечко Л.П., Петренко О.В., Прадид Ю.Ф. Гоголевские крылатые слова и выражения в русской и украинской эпиграфии // 250 слов и крылатых выражений Н.В. Гоголя: русско-украинский толковый словарь. 250 крылатых слов и выражений Н.В. Гоголя: украинско-русский толковый словарь. Симферополь, 2012.
11. Котий Г.А. Русско-английский словарь крылатых слов и выражений. М., 2004.
12. Левинский В., Смирнов И. Словарь латинских крылатых слов и выражений: рус.-лат. и лат.-рус. М., 2003.
13. Мокиенко В.М., Семенец О.П., Сидоренко К.П. Большой словарь крылатых выражений Александра Грибоедова. «Горе от ума». М., 2009.
14. Мокиенко В.М., Сидоренко К.П. Словарь крылатых выражений А.С. Пушкина. СПб., 1999.
15. Мокиенко В.М., Сидоренко К.П. Школьный словарь крылатых выражений А.С. Пушкина. СПб., 2005.
16. Прозоров В.В. Крылатые слова и выражения из сочинений Н.В. Гоголя: словарь-справочник любителям русского слова. Саратов, 2005.
17. Саркисян А.Г. Русско-армянский словарь библейских крылатых слов. Тула, 2001.
18. Уолш И.А., Берков В.П. Русско-английский словарь крылатых слов. М., 1984.
19. Усиков Р.А. Маркс К. Крылатые мысли Карла Маркса из произведений и писем. Новосибирск, 1988.
20. Шкляревский И. Пушкин А.С. (1799–1837). Крылатые слова и афоризмы А.С. Пушкина. М., 1999.
21. Щербина В. Евангеліє українців, або Крилаті вислови «Кобзаря». Київ, 2001.
22. Arzumanova K., Mogutschaja L., Nikitina E., Poljakova M., Walter H. (Leitung); mit Zeichnungen von L. Mogutschaja. Russisch-Deutsches Wörterbuch aktueller geflügelter Worte. Greifswald, 2007.
23. Chlebda W. Małe wprowadzenie do skrzydlatologii ogólnej i stosowanej, a do niniejszego słownika w szczególności / W. Chlebda, W.M. Mokijenko, S.G. Szuleżkova. Rosyjsko-polski słownik skrzydlatych słów. Łask, 2003.
24. Chlebda W., Mokijenko W.M., Szuleżkova S.G. Rosyjsko-polski słownik skrzydlatych słów. Łask, 2003.
25. Orłóś T.Z., Hornik J. Chesko-polski słownik skrzydlatych słów. Kraków, 1996.
26. Walter H., Mokijenko W.M. Deutsch-russisches Wörterbuch biblischer Phraseologizmen. Mit historisch-etimologischen Kommentaren. Greifswald, 2009.

S.G. Shulezhkova

“WE ALL EMERGED FROM GOGOLIAN GREATCOAT...”

Dictionary, Russian-Ukrainian, winged linguistic units, N.V. Gogol.

The author analyzes Russian-Ukrainian and Ukrainian-Russian Explanatory Dictionary of N. Gogol's 250 Winged Words and Phrases compiled by L.P. Dyadchko, O.V. Petrenko and Yu.F. Pradida. The review points out genre novelty, a highly professional presentation of winged phrases, striking and vivid illustrations, and 90 Russian and 80 Ukrainian “gogolisms” that were introduced into academic use by the authors.

НОВОСТИ НОВОСТИ НОВОСТИ НОВОСТИ НОВОСТИ

На стенах зданий небольшого нидерландского городка Лейден написано **101 стихотворение на различных языках**, в том числе и 5 – на русском. Это стихи М. Цветаевой «Моим стихам...», А. Блока «Ночь. Улица. Фонарь. Аптека», А. Ахматовой «Муза», В. Хлебникова «Когда умирают кони...» и О. Мандельштама «Ленинград».

По материалам литературного портала «Белый мамонт» (belmamont.ru)

МОЖНО ЛИ «ПОВЕРИТЬ АЛГЕБРОЙ ГАРМОНИЮ»?

Золян С., Лотман М.

Исследования в области семантической поэтики акмеизма.

Таллин: Издательство Таллинского университета, 2012. – 352 с.

Акмеизм, А.А. Ахматова, О.Э. Мандельштам, семантическая поэтика.

В последнее время в мировом литературоведении возрастает интерес к семантической поэтике. Книга С. Золяна и М. Лотмана «Исследования в области семантической поэтики акмеизма» посвящена изучению семантики и структуры художественного текста А. Ахматовой и О. Мандельштама. На формирование интереса авторов к семантической поэтике оказали идеи У. Вейнрейха, но главное – влияние Ю.М. Лотмана и З.Г. Минц. В центре внимания авторов в их книге – семантика слова (в поэтическом тексте) как многомерная структура. К анализу акмеистских текстов приложены семантические карты стихотворений и рисунки семантических связей в них.

Немного истории. В 1974 г. 5 российских литературоведов (Ю.И. Левин, Д.М. Сегал, Р.Д. Тименчик, В.Н. Топоров, Т.В. Цивьян) опубликовали в выходящем в Амстердаме журнале «Russian Literature» коллективную статью под названием «Русская семантическая поэтика как потенциальная культурная парадигма», явившуюся, по сути, манифестом и получившую у авторов полушутливое-полусерьезное «домашнее» название «Долой!».

Затем, летом 1991 г., на проходившей в Лондоне конференции, посвященной творчеству О. Мандельштама (один из организаторов – Иосиф Бродский), математик и литературовед Ю.И. Левин (один из наиболее ярких представителей московско-тартусской семиотической школы) выступил с сообщением, озаглавленным не без вызова «Почему я не буду делать доклад о Мандельштаме». Предложенное ученым объяснение своего «странного», на первый взгляд, поступка выявило ряд давно назревших проблем в русской филологии вообще, но прежде всего – в изучении творчества теоретика и практика акмеизма. Участники конференции сошлись в одном: ими остро ощущалась необходимость поиска «новых подходов» к изучению поэтики О. Мандельштама, необходимость

обращения к «мотивному анализу», изучению «поэтики подтекста». С этого времени интерес к семантической поэтике особенно возрос и объектом исследования выступал уже не только один Мандельштам: в качестве примера приведем вышедший в Екатеринбурге в 2008 г. сборник «Семантическая поэтика русской литературы».

Авторы книги «Исследования в области семантической поэтики акмеизма» Сурен Золян и Михаил Лотман – признанные авторитеты в изучении означенной проблемы. Их работы в этой области, неизменно привлекавшие внимание специалистов, публиковались на протяжении двух десятков лет (1979–1999) в имеющих высокий авторитет, но при этом малодоступных изданиях (таких как, с одной стороны, «Известия Академии наук СССР: Серия литературы и языка»; с другой – калифорнийский «UCLA Slavic Studies»). Основные публикации С.Т. Золяна и М.Ю. Лотмана, посвященные проблемам семантической поэтики, увидели свет на страницах так же малодоступных вузовских изданий Тарту, Таллина и Еревана.

Новую книгу двух известных авторов, вышедшую в 2012 г. в издательстве Таллинского университета, составляют их прежние работы, дополненные новыми. «Некоторый

разнобой» в стиле, на который указывают они сами, вовсе не мешает восприятию книги во всей ее целостности: она обладает строгим внутренним единством.

Заслуживает внимания написанное с мягким юмором — по отношению к себе и окружающим — «Вместо предисловия» (название сразу отсылает читателя к ахматовскому «Реквиему»), его несколько ностальгический характер. Отметив: «Авторы этого тома вовсе не были академическими пай-мальчиками», — они признаются, что «и сейчас готовы разделять оптимистическое убеждение своей молодости». «Вместо предисловия» показывает путь ученых к семантической поэтике. Здесь свою роль сыграло, в частности, их обращение еще в студенческие годы к идеям тогда уже полузабытого, рано ушедшего из жизни американского лингвиста Уриеля Вейнрейха (Вайнрайха) (1926–1967), автора работы «Исследование семантической теории» (1967), но главное — влияние Ю.М. Лотмана и З.Г. Минца.

В центре внимания авторов в их книге находятся такие проблемы, как семантика и структура мандельштамовского и ахматовского текстов, семантика слова (в поэтическом тексте) как многомерная структура. К анализу акмеистских текстов приложены семантические карты стихотворений и рисунки семантических связей в них.

Особого внимания, на наш взгляд, заслуживает глава «Акмеистическое подражание как тип текста: «Подражания (древне) армянскому» Ахматовой и Мандельштама». (Здесь важно отметить, что С.Т. Золян — известный переводчик с древнеармянского языка на русский средневековой армянской поэзии V–XV вв.).

Глава «Пушкин в мирах ахматовской интерпретации» посвящена анализу «пушкинских» статей А. Ахматовой. Анализ, предпринятый исследователем (С. Золян), указывает на промежуточный синкретический характер ее «научной» прозы, сочетающей достоинства прозы художественной и точность научной статьи.

Несколько слов о самом издании. Сразу обращает на себя внимание со вкусом оформленная суперобложка: на ней воспроизведен

мандельштамовский портрет работы Петра Митурича (1915) — без сомнения, один из лучших портретов поэта. Книга включает библиографический список (около 200 позиций на русском и иностранных языках), библиографическую справку с выходными данными работ авторов.

Обстоятельные «пристраничные» примечания, которыми снабжена едва ли не каждая страница книги, содержат массу интересной и нужной информации и читаются с неослабевающим вниманием. С книгой удобно работать: она, раздвигающая «горизонты смысла» в поэтике акмеизма и демонстрирующая сверхпристальное внимание к слову, без сомнения, будет интересна не только «узким» специалистам, но и читателям, интересующимся современными подходами к изучению истории русской литературы.

И последнее. Со времен А.С. Пушкина («Моцарт и Сальери») российский читатель пребывал в уверенности, что «поверить алгеброй гармонию» невозможно. Затем это представление было сильно поколеблено уже в 1910–20-х гг. в связи с созданием и деятельностью ОПОЯЗа. Знакомясь с новой книгой С.Т. Золяна и М.Ю. Лотмана, мы — в который раз — убеждаемся в том, что «алгебра» и «гармония» — вовсе не такие уж полярные понятия.

Конечно, далеко не все современные литературоведы являются убежденными сторонниками так называемого формального метода. Одно можно сказать с уверенностью: если положение советского литературоведения по отношению к западному М.М. Бахтину определял когда-то как «позицию вне-находимости», — сегодня отечественное литературоведение, оперируя современными методами исследования художественного текста, является равноправной составляющей литературоведения мирового.

Т.К. Савченко

t.k.savchenko@gmail.com

д-р филол. наук, профессор
кафедры русской литературы
Государственного института
русского языка им. А.С. Пушкина
Москва, Россия

T.K. Savchenko

CAN ONE MEASURE HARMONY BY ARYTHMETICS?

Acmeism, Anna Akhmatova, Osip Mandelstam, semantic poetics.

International researchers have recently been showing a growing interest in semantic poetics. S. Zolyan and M. Lotman's book "Studies in the Semantic Poetics of Acmeism" explores the semantics and structure of works by A. Akhmatova and O. Mandelstam. The authors' interest in semantic poetics has been influenced by the ideas of U. Weinreich and, above all, those of Yu. Lotman and Z. Mints. The authors focus on word semantics (in poetic texts) as a multi-dimensional structure. Analyses of Acmeist texts are accompanied by semantic maps of the poems and diagrams of their semantic correlations.

«КОНЕЧНО!» – УЧЕБНИК ПО РКИ ДЛЯ ВУЗОВ ШВЕЙЦАРИИ

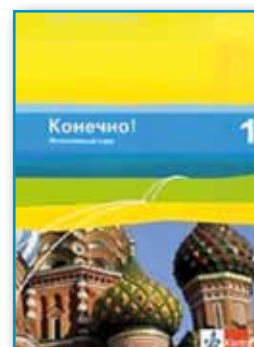
**Amstein-Bahmann C., Borgwardt U., Brosch M.,
Denisova-Schmidt E., Gentsch D., Jakubow P.,
Reichert-Borowsky G., Walach E.
Konetschno! Russisch als 2. Fremdsprache.**

Stuttgart, Leipzig: Ernst Klett Verlag, 2008.

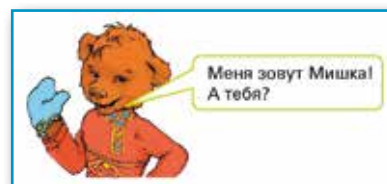
Konetschno! Russisch als 3. Fremdsprache.

Stuttgart, Leipzig: Ernst Klett Verlag, 2009.

«**К**онечно!» – это учебно-методические комплексы (УМК), предназначенные для использования на уроках РКИ в школах Германии, Австрии и Швейцарии («Конечно!» als 2. Fremdsprache (русский как второй язык) – на занятиях в 5-х, 6-х или 7-х классах, а «Конечно!» als 3. Fremdsprache (русский как третий язык) – в 7-х, 8-х или 9-х классах). Учебники несколько отличаются друг от друга в зависимости от возраста учеников, например, по-разному выглядят их талисманы.

В пособиях представлены различные формы текстов (диалоги, монологи, схемы

**Талисман Мишка в учебнике
«Конечно!» als 2. Fremdsprache
(для детей)**

метро, билеты, меню, поздравительные открытки, электронные письма, СМС и т.д.), темы которых отвечают интересам молодого

Талисман Мишка в учебнике
«Конечно!» als 3. Fremdsprache
(для подростков)

поколения немецкоязычных учеников. Все они составлены в соответствии с требованиями ТРКИ и Европейского языкового портфеля. Так, например, в рабочей тетради есть постоянная рубрика «Это я уже умею» (самоконтроль).

«Конечно!» характеризуется также наличием повседневной лексики, в книгах учитывается современный, молодежный язык, например, вместо выражения *мобильный телефон* употребляется *мобильник*, вместо *шоколад* – *шоколадка*. Приведем еще несколько примеров.

Ира: Что это? Мобильник?

Максим: Ой, что делать?

Ира: Так, где же номер? Это «Мама» +7 923..., это «Папа» 8 10 49... Вот это «Дом» +7 495 108 27 53.

Мама: У нас сегодня на ужин борщ и пельмени. Вот сметана.

Максим: А майонез у вас есть?

Мама: Нет, майонеза у нас, к сожалению, нет.

Верочка: Мама, а где шоколадка?

Мама: У меня нет шоколадки, Верочка. Вот не шоколадка, а йогурт.

Все: Приятного аппетита!

Грамматика представлена индуктивно.

Отдельной частью УМК являются аудиоматериалы для учителя и для ученика. Тексты озвучены носителями языка. Есть также песни: «С днем рождения!» (на мотив «Happy birthday to you!»), «Подмосковные вечера». А цифры (от 1 до 10), например, представлены в жанре рэп.

В УМК «Конечно!» входят рабочая тетрадь, CD со всеми учебными аудиотекстами (отметка в учебнике S), кроме текстов для учителя (отметка в учебнике L), а также еще две тетради «Грамматика» (Grammatischer Beiheft) и «Лексика» (Vokabelheft). Более того, в учебнике и рабочей тетради имеются задания для подготовки к ТРКИ.

Учебники содержат аутентичные фотографии и рисунки, выполненные российскими фотографами и художниками.

Типичные русские сувениры

Виды транспорта в России

Материалы для преподавателя состоят из книги для учителя (*Lehrerhandbuch*) и CD, на котором содержатся большая часть фотографий и иллюстраций учебника, тексты для аудирования (аудиозапись + текст), тренировочные материалы (примерно по 3 на урок, с ответами), контрольные работы для каждого урока.

Большое внимание уделяется работе с Интернетом. Для ученика созданы интерактивные упражнения по лексике и грамматике, для учителя – дополнительные тренировочные материалы для скачивания (около 15 на каждый урок). Эти материалы предоставляются бесплатно.

Е.В. Денисова-Шмидт

elena.denisova-schmidt@unisg.ch

доктор, доцент
университета Санкт-Галлен

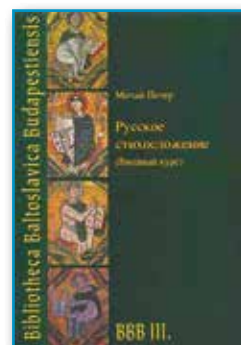
П.Ю. Рульцова-Шлегель

pavla.schlegel@unisg.ch

директор языкового центра
университета Санкт-Галлен
Санкт-Галлен, Швейцария

Петер М. Русское стихосложение (Вводный курс).

Budapest: ELTE Ukr n Filol giai Tansz k, Argumentum, 2008. – 120 с.

Стихосложение, силлабическое, тоническое, силлабо-тоническое, ямб, хорей, рифма, белый стих, строка, строфа.

В статье представлена рецензия на книгу М. Петера, в которой в историческом аспекте рассматривается русское стихосложение. Автор отмечает, что источники русского классического стихосложения – западноевропейские, хотя всегда существовало рядом русское народное (тоническое) стихосложение.

Книга М. Петера, профессора Будапештского университета, представляет собой учебный курс лекций для студентов-русистов, преподавателей, литературоведов и переводчиков. Подзаголовок «Вводный курс» означает, что книга является первым этапом на пути к более глубокому изучению современной проблематики стиховедения. Предполагается, что прочитав это издание,

можно идти дальше – осваивать стихосложение более основательно. Поскольку речь идет о русском стихосложении, то автор пишет, что он «опирался в основном на исследования классиков русского стиховедения В.М. Жирмунского, Б.В. Томашевского, Ю.Н. Тынянова, Б.М. Эйхенбаума, В.В. Холшевского и др.». Называет М. Петер и венгерских стиховедов (И. Фонадь, Л. Гальди).

Если бы книга была опубликована в России, она стала бы хорошим учебником для филологических факультетов.

Книга состоит из 8 глав, следующих друг за другом в соответствии с историей развития русского стихосложения. Начинается книга М. Петера с главы «Основные понятия», в которой предмет книги — стихи — отграничивается от соседствующих понятий: «проза», «музыка». М. Петер берет пример — стихотворение русского поэта К. Бальмонта «Она отдалась без упрека...» и отмечает в нем признаки, которые отличают данное произведение от обыкновенной прозы. Подытоживает сравнение автор следующим образом: «В этом упорядоченном расположении слогов и ударений в пределах стихотворной строки (стиха) заключается важнейшее отличие данного текста от прозаической речи». Не просто строка составляет отличие поэзии от прозы (строка есть и у прозы, например — от одного края страницы до другого), а то, что стихотворная строка упорядочена определенным расположением в ней фонетических единиц — ударных и безударных гласных, слогов (согласный + гласный) и др., что отсутствует в прозаической строке.

Но как быть с белым стихом, у которого есть строки (как и в прозе), но нет никакой фонетической организации внутри этих строк? М. Петер приводит пример белого стиха у А. Блока: «Она пришла с мороза...». Строки здесь короче, чем обычные прозаические (поэт делит прозаическую строку в любом месте), но фонетического упорядочения в строке нет. Получается, что важнейший признак, отличающий стихи от прозы, в белом стихе отсутствует.

М. Петер формулирует следующий окончательный для вводной части своей книги вывод: «...различение стиха и прозы невозможно с математической точностью. Стихи и проза — не замкнутые системы... Можно говорить о более или менее прозаических и более или менее стихотворных текстах». И далее: «...стихи и проза — это два полюса, вокруг которых исторически расположились реальные факторы литературы». В самом деле, если иметь в виду литературу, то сти-

хи и проза — это действительно два полюса. Но если иметь в виду лингвистику текста, то стихи — это проза с членением текста на слова, словосочетания и предложения, дополненная членением текста на строки (стихи), в которых имеет место определенное чередование фонетических единиц: гласных и согласных, ударных и безударных гласных.

Эта дополнительная звуковая материя в определенной организации, превращающая строки текста в стихотворные строки — стихи, и толкала часто некоторых исследователей стиха к тому, чтобы сравнивать стихотворную речь с музыкой. М. Петер возражает: «Материал музыки — это совершенно условный звук, лишенный реального смысла... Материал поэзии — это слово... Слово отягчено значением...» Но существует и так называемая «заумная поэзия» (в модернизме и постмодернизме), состоящая целиком из одних звуков — без слов, без смысла. М. Петер пишет: «...поэзии нужны слова и фразы, которые обладают всеми свойствами речи, т.е. служат средством языкового значения». В заумной же поэзии нет слов и фраз; значит, она не является речью, а заодно и не является поэзией.

Заканчивая первую главу, М. Петер дает краткую характеристику европейских систем стихосложения (заимствованных в русской литературе) — типов чередования фонетических единиц в стихотворной строке:

1) метрическая система (силлабо-тоническая) — в строке чередуются слоги (согласный + гласный) с долгим и кратким гласным (в античной поэзии), с ударным и безударным гласным (в западноевропейской поэзии);

2) силлабическое стихосложение — в следующих друг за другом строках одинаковое количество слогов;

3) тоническое стихосложение — в следующих друг за другом строках одинаковое количество ударных слогов.

М. Петер рассматривает системы стихосложения начиная с самой сложной (силлабо-тонической) и кончая самой простой (тонической) — как они появлялись в европейской истории поэзии. В такой же последовательности (от сложного к простому)

появлялись системы стихосложения и в русской поэзии.

Автор выделяет предысторию русского стихосложения, назвав соответствующую, вторую, главу «Русский силлабический стих». Силлабическим стихом писал свои вирши Симеон Полоцкий в конце XVII в. под влиянием польского силлабического стиха.

В начале XVIII в. под воздействием французского и немецкого классицизма В.А. Тредиаковский и М.В. Ломоносов ввели в русскую поэзию силлабо-тоническое стихосложение. Глава «Русское классическое силлабо-тоническое стихосложение» является самой большой в книге. Основное внимание в главе уделяется двусложному размеру с ударением на второй слог (ямб), который повторяется в строке 4 раза. М. Петер пишет: «Ямбом написана подавляющая часть русской поэзии от Ломоносова и до наших дней. Из различных ямбов самым распространенным является четырехстопный». М. Петер приводит примеры сначала из русской поэзии XVIII в. (М.В. Ломоносов, В.А. Жуковский), а затем — из русской поэзии XIX в. А.С. Пушкин почти все свои произведения, в том числе и «Евгения Онегина», написал ямбом, повторяющимся в строке 4 раза. Реже ямб повторяется 5 (см. также драму А.С. Пушкина «Борис Годунов») и 6 раз (см. поэму «Анджело»). Были у Пушкина ямбы с повторением в строке 3 и даже 2 раза («Играй, Адель, Не знай печали...»), что делало стихи «легкими», «веселыми». Был в русском стихосложении и вольный ямб — с разным количеством повторений ямба в строках (от 2 до 6). Именно в такой системе писал басни И.А. Крылов, построил свою драму «Горе от ума» А.С. Грибоедов.

Хорей, двусложная стопа с ударением на первом слоге, был менее употребителен в русском стихосложении. Хорей с повторением в строке 4 раза — это форма русских народных песен. Именно так писал свои стихи А.В. Кольцов, а П.П. Ершов создал свою народную сказку «Конек-Горбунок». А.С. Пушкин тоже все свои сказки написал таким хореем. Хорей с повторением 2 раза в строке (А.В. Кольцов), 3 раза (А.Т. Твар-

довский), 5 раз (С.А. Есенин) использовался в русской поэзии реже. Повторение хорей 6 раз уже выходит за пределы восприятия строки: ее в таком случае надо делить цезурой на две части.

Многие исследователи задавались вопросом, существует ли «связь между поэтическим содержанием и стихотворной формой». Говорят, что если в стихотворении надо рассказать о длинном пути, то надо использовать пятистопный ямб. М. Петер утверждает, что непосредственной связи между содержанием стихотворения и его фонетической формой нет. Приводится пример из поэмы «Василий Теркин» А.А. Твардовского, в которой главы «Гармонь», где солдаты пляшут, и «Переправа», где солдаты умирают, написаны одним тем же четырехстопным хореем.

Во втором разделе второй главы М. Петер анализирует трехсложные размеры в русской поэзии (дактиль, амфибрахий, анапест). Автор пишет: «Поскольку в русском языке ударение приходится в среднем на три слога, то ценность слова в трехсложных размерах чувствуется в большей степени, чем в двусложных; можно сказать, что в двусложных размерах ритмической единицей является слог, а в трехсложных — слово...» Далее речь идет о конкретной истории трехсложных размеров в русской поэзии. В XVIII в. трехсложные размеры использовали, например, Г.Р. Державин и В.А. Жуковский, в XIX в. — М.Ю. Лермонтов, в XX в. — В.В. Маяковский и К.М. Симонов. М. Петер рассматривает варианты трехсложных размеров в зависимости от количества стоп в строке, от ударного или безударного конца строки, от цезуры в строке и т.д. Все это представлено у него конкретно, точно, содержательно.

Позже в русской поэзии (имеется в виду литературная дворянская поэзия) появилось тоническое стихосложение. В русской народной, крестьянской поэзии оно было всегда — в песнях, в былинах и др. Но дворянские поэты всегда смотрели в другую сторону. М. Петер пишет: «В начале XIX в. дольники появляются прежде всего в переводах с немецкого и английского языков...» Правда, позже, к середине XIX в., русские

поэты-романтики обратили внимание и на русскую народную поэзию. К началу XX в. тоническое стихосложение уже вошло в русскую поэзию, особенно благодаря А.А. Блоку, а затем – В.В. Маяковскому.

Вслед за тоническим стихом русская дворянская литература позаимствовала с Запада и белый стих – тоже посредством перевода западноевропейских авторов (Ж. де Лафонтен, И.В. Гете, У. Уитмен и др.), не замечая, что такой же стих издавна присутствовал и в русской народной поэзии – «говорной стих»: народные комедии, творчество скоморохов, тексты лубочных картинок, прибаутки и др. Текст (проза) членился в народной поэзии на строки с помощью рифмы. Там, где была рифма, заканчивалась прозаическая строка – получалась строка стихотворная (на месте прозы появлялась поэзия).

В русской дворянской поэзии рифмованным белым стихом писали И.А. Крылов (вслед за французским баснописцем Ж. де Лафонтеном), а нерифмованным белым стихом – А.А. Блок и некоторые другие русские поэты. Вставал, однако, вопрос: пишут ли эти поэты в данном случае стихом или прозой? Единственное, что отличает в этой ситуации стихи от прозы, – это фонетическая организация строки посредством рифмы, но в белых стихах рифма может и отсутствовать. М. Петер считает, что в случае белого стиха (без рифмы) имеют место все-таки стихи, а не проза, так как в белом стихе обнаруживается параллелизм в синтаксических конструкциях. Но этот параллелизм может иметь место и в прозе. В таком случае М. Петер пишет: «...графическая разбивка на строки – необходимое условие правильного восприятия свободного стиха». Если бы не было разбивки текста на короткие строки (если бы строка была от одного края страницы до другого), то прочитать этот текст как стихи было бы невозможно. Первичной при таком подходе объявляется письменная речь, а устная – вторичной. В действительности же, как известно, дело обстоит наоборот.

Если считать, что у белого стиха есть поэтическое свойство, то только на том основании, согласно которому считается, что

у существительного И.п. м.р. (*стол*) есть нулевое окончание, обнаруживаемое в сопоставлении с ненулевыми окончаниями других падежей (*стола, столу* и т.д.). Белый стих – это тоже стих по отношению к тоническому, силлабическому, силлабо-тоническому стиху. У белого стиха ничего нет из того, что есть у перечисленных видов стихосложения, – поэтому в общей парадигматике белый стих – это «нулевой» стих.

О том, что стихи в отличие от прозы имеют определенную фонетическую организацию – являются тоническими, силлабическими и т.д., – можно заключить уже на материале одного стиха, одной стихотворной строки. Например, располагая только одной строкой: «Блистая взорами, Евгений...», можно сказать, что перед нами – двухсложная стопа с ударением на второй гласный звук (ямб).

Рифма – это понятие уже двух стихов (двух стихотворных строк), совпадающих по звучанию в конце строки (стиха), например: «Блистая взорами, Евгений / Стоит подобно грозной тени». Здесь рифма «Евгений – тени» предполагает, по меньшей мере, два стиха (две строки). В одной строке она не может обнаружить себя. М. Петер отмечает, что в русском народном тоническом стихе (песня, былина) рифмы специально не было, но часто она могла появляться, вследствие параллелизма в синтаксических конструкциях (глагольная рифма). В русских пословицах рифма почти обязательна: «Поспешишь – людей насмешишь». Специально присутствовала рифма в силлабическом стихосложении С. Полоцкого в XVII в. (глагольная). В XVIII и XIX вв. русские поэты стали относиться к рифме строже: рифма должна быть точной («ночь – прочь»); глагольная рифма («пишет – дышит») считалась плохой.

Далее М. Петер подробно рассказывает о разновидностях точных рифм в русской поэзии, приводя примеры прежде всего из творчества А.С. Пушкина. Рифмы бывают богатые и бедные, мужские и женские, банальные и оригинальные, тавтологические, омонимичные, каламбурные и др. В XX в. под влиянием стиля разговорной речи, который проник в русскую поэзию, появились и неточные рифмы: ассонансы («облако – около»), усе-

ченные («лес — крест»), диссонансы («розах — ризах»), корневые рифмы («робко — коробка») и др. М. Петер особое внимание уделяет рифмам В.В. Маяковского, который придавал им смысловую нагрузку. У него появились и составные рифмы (охватывающие два слова): «до ста расти — без старости».

Благодаря рифме одна стихотворная строка (стих) объединяется с другой, в результате чего образуется строфа. Самая простая строфа состоит из двух строк, самой распространенной в русском стихосложении является строфа из четырех строк — попарно рифмующихся (через строку или с рядом стоящей строкой). Строк в строфе может быть больше — с разными схемами рифмовки и разным их количеством, все это обуславливает типологию строф: двустипшие, четверостишие, одическая строфа, балладная, октава. Самой длинной является онегинская строфа, состоящая из 14 строк. М. Петер пишет: «...это почти предел возможной величины строфы; в более крупной строфе трудно было бы воспринять слухом закономерные чередования рифм». Автор рассматривает и сонет, газель, венки сонетов и др., которых в русской поэзии не было, если не считать переводов на русский язык, например переводов сонетов У. Шекспира (С.Я. Маршак), переводов восточной поэзии (А.А. Тарковский) и др.

В последней главе под названием «Инструментовка» М. Петер так определяет это понятие: «Инструментовкой называется определенная согласованность расположения звуков в пределах строки (или полустипшия), периода, строфы...» Рифма, о которой шла речь раньше, — это тоже определенная согласованность в расположении звуков, но в конце строки. Инструментовка в начале строки — это анафора. И рифма, и анафора могут основываться на аллитерации — повторении согласных, на ассонансе — повторении гласных. Повторение звуков может иметь место не только в конце и начале, но и в середине строки — в любом месте строки, строфы, стихотворения.

М. Петер пишет далее о звукоподражании и звукописи, приводя примеры из произведений А.С. Пушкина: «И быстрой ножкой ножку бьет...», где «аллитерация

«б-н-н-б» мастерски передает... прыжок, при котором балерина ударяет несколько раз ногою об ногу». Так же М. Петер специально обращается к паронимической аттракции, которая распространилась в русской поэзии в XX в., например: «Дуновенье вдохновенья...» (М.И. Цветаева). Все это уже связано со значением, с содержанием стиха, достигаемым через посредство слов.

О звукоподражании в стихотворной речи М. Петер пишет так: «Звукоподражание органически связано с темой, воспринимается как естественное и необходимое средство изображения». Что касается паронимической аттракции, то она непосредственно связана с семантической функцией стихотворения. Автор отмечает: «...с помощью паронимов открывается возможность установить связь между близкими и далекими тематическими и семантическими полями...»

Заканчивает последнюю главу книги М. Петер разделом под названием: «Союз волшебных звуков, чувств и дум» (цитата А.С. Пушкина). Получается, что, с одной стороны, могут существовать звуки, а с другой стороны — чувства и думы, в результате чего звуки становятся волшебными. Далее следует анализ стихотворения А.С. Пушкина, подтверждающий упомянутый союз звуков и содержания: «Юношу, горько рыдая, ревнивая дева бранила». М. Петер пишет: «Страстные упреки девы в 1-ом стихе инструментированы на согласный «р»: «горько», «рыдая», «ревнивая», «бранила»; во 2-ом стихе эта инструментовка смягчается, смешиваясь со звуками «л», «м», «н». Преобладающие во втором дистихе «л», «м», «н», «й» отражают умиление девушки...» Все-таки, не звуки выражают все эти чувства и думы, а слова, в которые входят эти звуки. Об этом говорит и сам автор книги: «Отдельные звуки связываются с определенным содержанием только в составе слова...» И если у слова «хорошее» содержание, то и звуки, входящие в это слово, будут выражать «хорошее» содержание; и наоборот, в словах с «плохим» значением звуки передают «плохое» значение.

В конце книги М. Петер пишет о двух истоках русского стихосложения.

Русское стихосложение, по его мнению, является заимствованным из Западной Европы: греко-латинская метрика, польская силлабика, немецкие и английские балладные размеры, итальянские и французские формы стиха, американский свободный стих. Добавим, что русское народное стихосложение (тонические песни и былины, рифмованный свободный стих – почти все устное крестьянское творчество) оказалось неиспользованным в дворянском творчестве. Впрочем, заметим, что и народ не использовал стихосложение дворянской письменной литературы, так как был неграмотным.

Заимствованное греческое, латинское, немецкое, французское, английское и др. стихосложения в русской литературе попадали под воздействие фонетики русского языка, в котором ударные и безударные гласные звуки (слоги) резко отличаются друг от друга не только по долготе, но и по силе. Кроме того, русское ударение – свободное: ударные гласные (слоги) стоят в любом месте слова. Все это существенно преобразовывало европейское стихосложение на русской почве, хотя в принципе его не меняло: оно оставалось силлабическим, тоническим, силлабо-тоническим и др.

Особенность фонетики русского языка существенно обогащала и рифму в русском стихосложении: безударные гласные, будучи краткими и слабыми, редуцировались в конце стиха и создавали возможность для неточной рифмовки (ассонансы, диссонансы, составные рифмы и др.).

Паронимия, которая, как пишет М. Петер, широко использовалась в русской поэзии XX в., тоже имеет своим источником особенности русского языка, в котором очень много заимствованных из иностранных языков слов. Заимствования из русских народных говоров, наверное, давали бы много материала для паронимии, но этого в истории

русского поэтического языка не происходило, даже в XX в.

Рассматривая эволюцию русского стихосложения, М. Петер делает вывод о его «расшатывании». Кризис классической системы стихосложения (силлабо-тоника) произошел уже к концу XIX в. Начало XX в. (модернизм, символизм, формализм, абстракционизм и т.п.) означало «исчерпанность традиционных средств стиха». Почему это произошло? Философы в то время писали о «кризисе цивилизации», о «закате Европы» и т.д. М. Петер в этой связи высказывается более сдержанно: «В процессе постепенного расшатывания старых канонов стихосложения отражаются глубокие духовные, культурные и общественные изменения». На настоящее время, по сути дела, осталось только одно стихосложение – белый стих (верлибр), который можно считать стихом только по отношению к предшествующему стихосложению – «нулевым стихом». Вне этого сопоставления белый стих (верлибр) – это проза. Автор заключает: «Вопрос о том, что же будет после верлибра, выходит за границы нашей науки». Правда, он осторожно предполагает две возможности для дальнейшего развития стихосложения:

- 1) так называемая конкретная поэзия, основанная на визуальном восприятии стиха;
- 2) возвращение к традиционным формам стихосложения.

Выбор из этих двух вариантов М. Петер, к сожалению, не делает, очевидно, не находя для этого серьезных оснований.

В.А. Федосов

fedosowa@mail.ru

д-р пед. наук, профессор
кафедры начального образования
Владимирского государственного
университета
Владимир, Россия

V.A. Fedosov

PETER M. THE RUSSIAN VERSIFICATION (THE INTRODUCTORY COURSE)

Versification, syllabic, tonic, jambus, trochee, rhyme, blank vers, line, stanza.

The book covers emergence and development of the Russian verse. Even though there existed folk (tonic) versification in Russia, the main sources for the Russian classical verse are found in West Europe.

И.Т. Вепрева

irina_vepreva@mail.ru

д-р филол. наук, профессор кафедры риторики и стилистики
русского языка Уральского государственного университета

Н.А. Купина

natalia_kupina@mail.ru

д-р филол. наук, профессор кафедры риторики и стилистики
русского языка Уральского государственного университета

Екатеринбург, Россия

Портянки

Исконное слово, этимологически родственные слова, словообразовательное гнездо, культурно-специфическое значение.

В статье на материале речевой действительности второй половины января 2013 г. рассматривается функционирование исконно русского культурноспецифического слова *портянки*, ставшего актуальным в силу экстралингвистических причин.

В середине января в СМИ появилась информация о том, что 14.01.2013 министр обороны С. Шойгу провел совещание в режиме видеоконференции, на котором поручил отказаться от использования портянок в армии. «К концу 2013 г., – сказал министр, – мы должны забыть слово *портянки*». Высказывание генерала С. Шойгу вызвало дискуссию, остроу которой отражают газетные заголовки: *Портянки и Шойгу; Портянки в отставку; Прощайте, портянки; Портянки отправят в запас?; Эпоха портянок заканчивается; Носки вместо портянок; Солдатские портянки; Портянки не сдаются; Портянки преткновения*. Ср.: *Портяночная проблема; Портяночные воспоминания*. Вспыхнувшие

«портяночные баталии» обнаружили лингвокультурное упрямство ценителей национальных традиций и русского слова.

Действительно, слово *портянка* относится к исконно русским. Как отмечают этимологи, оно является производным от древнерусского *портаный* («холщовый»). Корень *порт* охватывает группу единиц, зафиксированных, в частности, в словаре В.И. Даля. Некоторые из них ушли в пассивный запас. Например, *портно* – «узкий грубый холст»; *портище* – «отрезок от какой-либо ткани на одежде»; *портеница* – «ткачиха, ткущая портна, холсты». Отдельные единицы устаревают постепенно, сохраняя активность в диалектах и городском просторечии, как, например, существительное

портки / *порты* (просторечное) – «то же, что штаны». Ср. стилистически сниженное выражение *без порток, а в шляпе*, передающее насмешку над тем, кто одет нелепо, с претензией.

Слово *портянка* в современном русском языке отделилось от этимологически родственных образований. Сформировалось отдельное словообразовательное гнездо – *портянка, портяночка, портяночный, портяночник*. Все члены гнезда объединены общенародным культурно-специфическим представлением: *портянки* – «кусок ткани для обматывания ног вместо или поверх носков под сапоги». Неслучайно портянки, составляющие неотъемлемую часть армейского гардероба, стали шутливо называть «русскими носками». Ис-

пользовали портянки (ону-чи) и крестьяне, носившие лапти.

Толчком к активизации в речи бытовизма *портянки* стала императивность высказываний министра: *забыть слово портянки, отказаться от этого понятия, исключить портянки из перечня военного имущества, отказаться от портянок, искоренить портянки*. Нельзя не обратить внимания на вспыхнувшее лингвокультурное сопротивление носителей языка, сопровождающееся стремлением представить «историю вопроса» и тем самым восстановить историческую справедливость. Приведем соответствующие примеры: *Портянки в российской армии были введены еще во времена Петра I; Два куса плотной белой материи, в которые наша армия около 300 лет заворачивала свои ноги*. Участники спора признают, однако, что портянки – не сугубо русское изобретение: в России этот аксессуар пополнил армейский гардероб при Петре I. По легенде, идею наматывания на ноги тряпок он привез из Голландии. Высказывания об исторической ценности портянок характеризуются героико-патриотическим пафосом, который поддерживается олицетворением: *Верой и правдой служили портянки нашим солдатам и офицерам на полях Полтавской и Бородинской битв, на фронтах Великой Отечественной, в горах Афганистана и Северного Кавказа. Портянки тоже*

воевали. Советский солдат-победитель стирал их в берлинской Шпрее. Портянки, сохнувшие на чугунной ограде рейха, видели алое Знамя Победы. Они тоже часто бывали алыми от крови раненых. Гиперболические обобщения способствуют символизации слова в речи: *Истинное значение портянки – культурологическое, духоподъемное и нравственное*. Ожидаемой оказывается ментально обусловленная категоричность: *От сапог и портянок не откажемся и в XXI в.*

Высказывания о портянках приобретают исповедальный характер: *Для каждого, кто служил в армии, портянки наверняка стали частью личной жизни*. Газета «Комсомольская правда» сообщает, например, что артист Валерий Золотухин увез со съемок дорогие его сердцу портянки и приводит слова артиста: *«Когда вижу кирзовые сапоги, у меня срабатывает генетическая потребность завернуть портянки. Это нас так отец приучил. Наверное, не я один такой. Все дети войны умеют портянки наматывать. Это сегодняшние молодые ребята в кроссовках родились»*. Ср.: *«Я не знал, что умение наматывать портянки, привитое в армии, очень пригодится на гражданке, когда я буду пеленать сына»*, – говорит мужчина, некогда служивший в сухопутных войсках. Полковник запаса вспоминает: *«А когда я стал лейтенантом и отцом, то с*

удивлением обнаружил, что теплые байковые офицерские портянки – лучшие в мире пеленки для новорожденных карапузов. Почти все офицерские дети спали в колыбельках, закутанные в неношенные казенные отцовские портянки. Я сам забирал сына из роддома в такой невинной пеленке, пахнувшей нафталином полкового вещевого склада».

Культурно-фоновое содержание актуального слова *портянки* обнаруживается в типовой лексической сочетаемости: *зимние, байковые, фланелевые, шерстяные, летние портянки; обернуть портянки вокруг ноги, мотать / наматывать портянки и размотать / разматывать портянки; стирать, отжать, сушить портянки*.

Умение наматывать портянку, связанное с пошаговой процедурой, трактуется как особое искусство: *Опытные бойцы говорят, что правильно обернуть портянку вокруг ноги – это целое искусство. Искусство это столь сложное, сколь и необходимое; Специальные документы Министерства обороны регламентируют обертывание портянки – расписывается, как наматывать ее на правую ногу, как на левую. Такая инструкция снабжена рисунками, чтоб солдат – ни-ни! – ничего не перепутал. И правда, сухие и теплые ноги – залог здоровья бойца*.

Через весь массив текстов проходит антитеза, основанная на противопостав-

лении портянок и носков. Антитеза поддерживается сочинительными словосочетаниями: *сапоги / кирзовые сапоги* (кирза — «заменитель кожи») и *портянки — берцы / ботинки и носки*.

Поборники портянок рьяно отстаивают их неоспоримые преимущества. Впечатление неконкурентноспособности носков в российских суровых условиях создается с помощью форм сравнительной степени: портянки оказываются *теплее, гигиеничнее, удобнее, практичнее, дешевле*, чем носки. Общее место ярких «портяночных воспоминаний» — носки хуже, а портянки лучше, чем носки. Например: *Носок в десятки раз хуже. Носок слезает с ноги в сапоге, в кирзаче. И дальше что он делает, подонок-носок? Он долго сидит на пятке, еще не хочет туда перевалиться, краешком, и мучает твою пятку, реально мучает. А тебе некогда наклоняться. Потом он слезает и с пятки, потому что таков носок, такова предательская сущность носка, и он перелезает тебе в серединочку ноги, туда скомканым таким кольцом, из-за чего ты ногу ставишь лодочкой, чтобы переступить через этот носок... А с портянкой ничего такого не бывает. У портянки абсолютно интеллигентная сущность. В портянке ты можешь идти 20 километров. Спору нет: портянки лучше, чем носки.*

Один из главных аргументов: портянка — своя,

наша, русская. Например: *Портянка — наша гордость; Многие еще будут вспоминать ее Величество Портянку с ностальгической грустью, как вспомнят обо всем, что стало частью нашей жизни; Русский солдат упорно наматывал портянки. Оно и понятно — роднее и привычнее*. Заместитель министра обороны В. Исаков, назвавший отказ армии от портянок «несуточной революцией», признался: *«Как это скажется на менталитете армии, пока говорить сложно»*.

Противники портянок подчеркивают отсутствие предмета спора. Их аргументы построены на предикатах, которые вскрывают несоответствие портянки текущему времени: *Портянка свое отслужила; Портянка безнадежно устарела; Портянка — это пережиток прошлого, предмет одежды царских времен; портянка — это анахронизм, символ отсталости*. Утверждение *Время портянок прошло* поддерживается сопоставлениями, в основе которых — топ несовместимости: *В то время как наши космические корабли бороздят просторы вселенной, а человечество давно придумало носки, наши солдаты продолжают наматывать на ноги портянки*.

В русле отечественных традиций лингвокультурного сопротивления — иронический взгляд на «портяночные войны», характерный для жанров армейского

фольклора, анекдотов, шуток, поэтической сатиры. Например: *Прежде чем крутить любовь, научись мотать портянки; Гуляйте, девки, на гражданке, пока мотаю я портянки (мотать портянки — перен. 'служить в армии')*; *Не умер в пеленках — не умрешь и в портянках; Бог создал веселье и пьянки, а черт — сапоги и портянки; Портянки плохо намотал — пришел с зарядки и упал* (армейский юмор).

Советские анекдоты о Чапаеве трансформируются в контексте реального времени:

— Василий Иванович! А чтой-то ты сапоги на босу ногу надеваешь?

— Да вот, Петька, носки протерлись, а про портянки приказано забыть...

Появляются новейшие анекдоты, высмеивающие ментально окрашенные гиперболы:

— Почему русская армия носит портянки?

— Это тайное оружие, способное деморализовать противника на большом расстоянии.

В устной речи широко распространены шутки, пародирующие идеологизированные квазипатриотические лозунги: *Русская*

портяночка – легендарное оружие, способное устоять перед реальной угрозой американского империализма.

Д. Быков публикует иронические стихи. Поэтиронист фиксирует речевые переносные употребления слов *портянка*, *портяночник*, высмеивает наметившуюся тенденцию к идеологической спекуляции ментальными предпочтениями:

Вот чудо – поверить
в него не могу!
Я, ленту читая,
узнал спозаранок,
Что новый министр
обороны Шойгу
Решил отказаться от
вечных портянок <...>
Я даже боялся
лежать мечты,
Что их не увижу
хотя бы у внуков.
Считалось, что раз
не портяночник ты –
Тебя презирают
Суворов и Жуков <...>
Портянок сегодня,
конечно, полно –
И с каждой неделей
поболее, поболее...

Не зря же портянками
кличут давно
Доносчиков, жуликов,
лузеров, троллей!

Искренность «портяночников», не намеренных вывешивать белый флаг капитуляции, обеспечила их нравственную победу над «антипортяночниками». Это косвенно подтверждают блогеры: *За полдня обсуждения в своем блоге темы портяночишойгу из 120 комментов только 5–6 за антипортяночную инициативу.*

Подведем итоги. Со стороны спор между «портяночниками» и «антипортяночниками», возможно, кажется курьезным, не заслуживающим внимания. В то же время этот спор выявляет ценностную значимость исконного слова, с помощью которого происходит органическое вхождение в «свой» вещный мир чужой реалии, которая народным сознанием стала восприниматься как собственно русская.

Актуальное слово дня *портянки* приобретает высокую частотность не только

в профессиональной, но и в разговорной, публицистической, политической – устной и письменной – речи. В общую речевую практику внедряется не отмеченное словарями переносное значение ‘проходить службу в армии’, передаваемое сочетаниями *мотать портянки*, *стирать портянки*. Нейтральная лексема *портянки* максимально реализует основанный на культурно-фонических компонентах значения коннотативный потенциал и в ряде контекстов употребляется в функции символа.

В речи наблюдается активизация всех членов словообразовательного гнезда. Прилагательное *портяночный* преимущественно в форме мн. ч. (*портяночные войны, баталии, схватки, воспоминания*) в составе нестандартных сочетаний приобретает переносное контекстуальное значение ‘о лицах, связанных с инициативой отмены портянок’. На базе этого значения в речи формируется антонимическая пара *портяночный* – *антипортяночный* и развивается перспектива расширения гнезда.

Работа выполнена при финансовой поддержке Министерства образования и науки РФ (Соглашение 14.A18.21.0273, проект «Многоречие в социокультурном пространстве современной России»).

I.T. Vepreva, N.A. Kupina

PORTYANKI (FOOT CLOTHS)

Vernacular word, etymologically close words, a family of words, culturally specific meaning.

The article reviews the functioning of the culturally specific vernacular Russian word *portyanki* (foot cloths), basing on the speech environment materials. The word became actual due to the extra linguistic issues.

Из прошлого в будущее

Издательству «Русский язык». Курсы» – 20 лет

С.Ю. Ремизова

Когда речь заходит об РКИ, нельзя не вспомнить знаменитое советское издательство «Русский язык», которое в течение многих лет ассоциировалось с распространением русского языка за рубежом. Кто не помнит магазин «Прогресс» на «Парке культуры», где на прилавках отдела «Русский язык как иностранный» стройными рядами лежали книги этого издательства!

Но наступили другие времена в жизни нашей родины, ситуация в стране стала совсем иной, коснулась она и РКИ, и издательского дела.

Начало 1990-х гг. – не только время, когда поменялась страна, но и период возникновения огромного интереса ко всему русскому, в том числе и к языку, за рубежом. Именно тогда из продажи начали исчезать учебные пособия для изучающих РКИ. Единственное государственное издательство «Русский язык» практически прекратило их выпуск.

Но вот в 1993 г. появилось новое издательство «Русский язык». Курсы». Именно о нем в связи с 20-летним юбилеем мы и хотели бы поговорить со Светланой Юрьевной Ремизовой, генеральным директором издательства.

– Часто спрашивают, почему у издательства именно такое название.

– Издательство «Русский язык» было нашим учредителем. Кроме того, первые несколько лет мы сочетали издательскую деятельность с образовательной. У нас успешно работали курсы РКИ, и именно поэтому второе слово в названии издательства «курсы». Оно также ассоциируется с обучением: ведь в издательстве выпускается именно учебная литература.

– Расскажите, пожалуйста, подробнее, как все начиналось.

– Начинали мы с «финансового нуля», но зато у четырех первых сотрудников издательства был колоссальный редакторский опыт, именно поэтому нам удалось сохранить традиции, школу ведущего в свое время издательства «Русский язык». И через несколько лет на прилавках магазинов в

Москве и Санкт-Петербурге уже появились книги нашего издательства.

– А какие книги были изданы первыми?

– Тогда их было всего 5: «Учебная грамматика русского языка: Базовый курс» (Т.М. Дорофеева, М.Н. Лебедева), «Слово о России: Книга для чтения по русской истории» (В.М. Соловьев), «Русские с первого взгляда: Что принято и что не принято у русских: Книга для чтения и тренировки в коммуникации» (О.Е. Белянко, Л.Б. Трушина), «Русский язык. Практический синтаксис: Учебное пособие по русскому языку для иностранцев» (И.С. Иванова, Л.М. Карамышева, Т.Ф. Куприянова, М.Г. Мирошникова), «Короткие рассказы: Книга для чтения» (составитель И.С. Иванова). Как видите, уже в самом начале нашего издательского пути нам доверили свои произведения известные авторитетные авторы, за что мы им и сейчас благодарны.

В 2001 г. в США на одной из конференций издательство представляло свои книги, и меня спросили, есть ли у нас каталог. Каталога не было. Зачем он нужен на 10–15 книг? Это была та отправная точка, когда было принято решение сместить акцент с курсов РКИ на издательскую деятельность.

Каталог издательства стал выпускаться с 2001 г. В первом было всего 29 страниц, сейчас их 112, а названий — около 300. Среди представленной литературы можно увидеть как стабильно появляющиеся новинки, так и книги, которые переиздаются из года в год и остаются устойчиво востребованными. Например, неизменный лидер продаж — «Русский язык в упражнениях» (С.А. Хавронина, А.И. Широценская). Это пособие впервые было опубликовано в 1974 г. В 2007 г. произведение было переработано, сейчас оно издается в английском, немецком, французском, итальянском, турецком вариантах.

Бесценный профессиональный уровень сотрудников позволил наметить новые направления развития издательства и привлечь к работе ведущих методистов в области РКИ, творческих и талантливых авторов. Сейчас издательство выпускает не только учебники разного уровня и для различных целей обучения, пособия по фонетике, грамматике, развитию речи и чтению. Нами подготовлена целая линейка учебников для специалистов и для изучающих русский язык в целях делового сотрудничества.

— **Какие темы Вы считаете особенно актуальными и востребованными на рынке учебно-методической литературы по РКИ?**

— Появились новые направления: мультимедийные учебные комплексы и различные языковые игры. Мы выпускаем учебные книги с аудио- и видеоприложениями, интернет-сопровождением, электронные издания, а также мультимедийные комплексы историко-страноведческого характера.

Думаю, надо сказать еще об одной группе книг — это методическая литература для молодых преподавателей РКИ. Сейчас в этой серии 23 названия, и еще 2 произведения готовятся к печати. Неоценим вклад в разработку данных изданий наших коллег, известных методистов Л.В. Московкина, А.Н. Щукина.

Особое внимание уделяется выпуску учебных книг для детей соотечественников, проживающих за рубежом. Мы были первыми, кто в 2001 г. начал издавать для них учебную литературу. Но прежде нужно было придумать эту серию книг и разработать методическое основание. Издательство вместе с коллективом единомышленников, талантливейшими методистами А.А. Акишиной, В.В. Дроновым, В.М. Соловьевым, О.Э. Чубаровой работали над этой непростой задачей. Сейчас в данной серии около 20 названий.

Коллектив издательства немало потрудился, чтобы достигнуть сегодняшнего уровня. Иногда мне кажется, что все происходило само собой. И я не думала об успехе. Мы ошибались, рисковали, теряли. Три раза начинали с нуля — такое было время.

В издательстве работают грамотные, хорошо образованные сотрудники, которые готовы решать новые сложные творческие задачи. Как говорится, яйцо Фаберже не выкуешь на конюшне. Профессионализм сотрудников позволяет выпускать качественные издания высокого уровня. Авторские рукописи обязательно редактируются, включая контрольное чтение. Неслучайно мы часто слышим от преподавателей: «Это издательство выпускает качественные книги», «Спасибо! По вашим книгам интересно заниматься», «Это же «Русский язык». Курсы!» У них отличные книги».

Возможно, именно поэтому с издательством сотрудничают замечательные авторы из ведущих вузов Австрии, Бельгии, Герма-

нии, Польши, России, США, Японии. Наши книги издаются в Болгарии, Италии, Китае, Корее, Польше, Словакии, Турции, Японии.

— **В каких странах занимаются по книгам издательства?**

— В настоящее время издательство широко известно на международном книжном рынке. Мы знаем, что наша литература разными путями попадает более чем в 80 стран мира. Мы оцениваем это как наш несомненный успех. Ну и, конечно, внутри страны издательство сотрудничает со всеми заинтересованными структурами, занимающимися распространением учебной литературы этого сегмента.

— **Что, с Вашей точки зрения, нужно и можно было бы изменить на российском книжном рынке РКИ?**

— Несмотря на стабильное развитие, трудностей у нас тоже хватает. Мы небольшое издательство, но закрываем значительную часть рынка учебной литературы по РКИ. Зададимся вопросом: «Почему на этом рынке работают только два специализированных издательства в стране?»

Выпускать качественные учебные пособия по РКИ достаточно хлопотно и малоприбыльно. Такие издания требуют специального редактирования, сложной верстки и создания особого рынка продаж. В настоящее время, например, в Москве только в 4–5 больших книжных магазинах есть отделы такой литературы.

Продажи связаны также с обстоятельствами, которые не зависят от издательства: это прежде всего количество изучающих РКИ. Число это непостоянно и разнится от года к году. Таким образом, выпуск такой литературы требует больших затрат, но при

этом не приносит большой прибыли — ни на федеральном, ни на московском уровнях государство его не субсидирует. Так что приходится рассчитывать только на свои силы.

Тем не менее, несмотря на все трудности, мы занимаем уверенное положение в данном сегменте рынка и надеемся на дальнейшее развитие. У издательства большие планы.

— **Издательство занимается только собственно издательской деятельностью или есть и другие направления работы?**

— За последние 10 лет издательство участвовало в книжных выставках, конференциях, семинарах практически во всех странах Европы, в Венесуэле, во Вьетнаме, в Египте, Израиле, Индии, Китае, на Кубе, в Мексике, Монголии, Турции, Японии, в странах СНГ и, конечно, в России. Это всегда вызывает активный интерес у преподавателей и других участников. Они получают уникальную возможность поддержать учебное пособие в руках, оценить его нужность, познакомиться с новыми методическими тенденциями, иногда пообщаться с авторами книг. Взаимный обмен мнениями позволяет сотрудникам издательства уточнять свои планы, находить новых авторов и интересные идеи.

Сейчас в редакционном портфеле более 40 рукописей — это новые замечательные проекты, которые будет воплощать в жизнь профессиональный, современный, молодой коллектив единомышленников.

Ну а я, главный редактор и директор издательства, конечно, счастливый человек. Последние 20 лет в меру сил я занимаюсь тем, что мне нравится, в чем я хорошо разбираюсь, и тем, что необходимо для страны, — продвижением русского языка за рубежом. Думаю, что такое редкое сочетание дается не каждому.

— **А что Вы хотели бы пожелать сотрудникам издательства «Русский язык». Курсы?**

— Долгих лет жизни и процветания на ниве РКИ!

Беседу вела Т.К. Будовская

ответственный секретарь
журнала «Русский язык за рубежом»

День родного языка в Швейцарии

Семинар канд. филол. наук, доцента кафедры ЮНЕСКО (Москва) О.Н. Каленковой в Швейцарии – один из проектов ЮНЕСКО, осуществляемых по всему миру для содействия развитию языкового разнообразия. Мероприятие состоялось по инициативе Международной ассоциации родного языка 2 марта 2013 г. в Институте славистики Цюрихского университета.

В работе семинара приняли участие родители двуязычных детей, проживающих в Швейцарии, преподаватели ведущих русских школ дополнительного образования, преподаватели русского языка высших учебных заведений Цюриха, Сант-Галлена, Берна, Женевы.

Семинар и презентация книги «Моя русская грамматика» и учебно-методического комплекса «Уроки русской речи» вызвали интерес и массу положительных отзывов у родителей и педагогов. В ходе мероприятия были рассмотрены основные направления работы с двуязычными детьми, а также приемы улучшения усвоения материала и повышения мотивации к изучению языка.

Для преподавателей учебно-образовательного центра «Матрешка» был проведен отдельный семинар, главной задачей которого стало обсуждение новых методов представления материала и возможностей усовершенствования подхода к преподаванию РКИ детям в школе дополнительного образования «Матрешка». Рекомендации по совершенствованию подхода к преподаванию русского языка были составлены О.Н. Каленковой в ходе недельной работы в центре. Она посетила основные классы учебно-образовательных центров «Матрешка» в Цюрихе и Цуге.

Людмила Санкова

matrjoschka@gmx.ch

пресс-секретарь
учебно-образовательного центра
«Матрешка»

Цюрих, Швейцария

«Русская традиционная культура»

Олимпиада по РКИ в Таллине

В Таллине 11–12 марта 2013 г. состоялась ежегодная республиканская олимпиада по РКИ, которая традиционно проводится в Таллинском университете сотрудниками Института славянских языков и культур. Мероприятие состоялось при поддержке Министерства науки и образования Эстонии, Таллинского университета и издательства «Авита».

Тема олимпиады – «Русская традиционная культура», подтемы – «Русские народные сказки», «Фольклорные жанры: загадки, скороговорки, пословицы, поговорки и др.», «Народный календарь: праздники, обряды, приметы и т.д.»

В республиканском туре приняли участие 26 старшеклассников (10–12 классы) из разных уголков Эстонии – победители региональных туров. Все школьники были разделены на 2 группы – учащиеся, использующие / не использующие русский язык в домашнем общении.

В первый день мероприятия ребятам были предложены задания, разработанные сотрудниками университета: тексты, письменные упражнения на их основе и культурологический тест. Старшеклассники также участвовали в обсужде-

нии фильма А. Роу «Морозко». Во второй день школьники представляли свои домашние задания – выступления по теме «Отражение традиционной культуры в живописи, моде, архитектуре, литературе и т.д.» Каждый ученик конкретизировал эту тему и предъявлял ее либо в форме исследовательской работы, либо как яркую эмоциональную зарисовку.

В категории двуязычных учащихся победителями олимпиады стали Катарина Будрик из Таллинской гимназии Густава Адольфа (учитель Тамара Смирнова), Наталья Лайус из Таллинской школы № 21 (учитель Алла Кириллова) и Моника Хярма из Таллинского французского лицея (учитель Элеонора Рудаковская). В категории учащихся, не использующих русский язык дома, победу одержали Кристийна Оямая из Кохтла-Ярвеской гимназии (учитель Мария Дербнева), Мари Лийс Сиимон из Таллинской Ярвеотсаской гимназии (учитель Марина Анфиногенова) и Кристина Бендак из Тюриской общей гимназии (учитель Эльве Лаасмаа).

Оргкомитет олимпиады

LI конференция славистов в Белграде

В Белграде 9–12 января 2013 г. состоялась LI конференция славистов, организованная Славистическим обществом Сербии. В ее рамках традиционно проводится семинар по повышению квалификации преподавателей русского языка и международный форум «Белградские встречи славянских русистов». Мероприятия проходят при всесторонней поддержке филологического факультета Университета в Белграде и Русского дома (РЦНК) в Белграде.

Тема LI славистической конференции – **«Актуальные тенденции в изучении славянских языков, литератур и культур»**.

На пленарном заседании выступили славист из Брно Вацлав Штепанек с докладом «Кирилло-мефодиевская миссия в ловушке постмодернистского дискурса», белградский русист Ксения Кончаревич с докладом об актуальных тенденциях в методике преподавания церковнославянского языка, нови-садский литературовед Богдан Косанович – «О концепции волшебной сказки Проппа», сотрудник «Русского зарубежья» С.Р. Федякин с докладом «Ситуация *двух литературных языков* в русском зарубежье и творчество Алексея Ремизова», сербский русинист Янко Рамач с докладом «Тарас Шевченко как поэт и национальный кумир в изданиях Русинского национального просветительского общества» и молодой сербский теоретик литературы Жарка Свирчев с докладом о новых перспективах истории литературы.

В ходе мероприятия на выборном заседании Славистического общества Сербии профессор Петр Буняк, занимавший пост заместителя председателя, был выбран председателем общества.

В течение двух дней в нескольких секциях заслушано 45 докладов, большая часть которых была посвящена русскому языку и методике преподавания русского языка (18), русской литературе и культуре (10), словацкому языку и методике словацкого языка (5), словацкой литературе (4), чешской литературе и культуре (3), чешскому языку (2), русинскому языку, украинской литературе (по одному докладу). В одном докладе сопоставлялись сербский и корейский языки.

Доклады LI конференции славистов опубликованы в № 17 журнала Славистического общества Сербии «Славистика».

9–10 января 2013 г. прошла Зимняя школа – семинар по повышению квалификации сербских русистов, преподавателей восьмилетних, средних школ и гимназий. С 2004 г. сербскую Зимнюю школу проводят преподаватели Гос. ИРЯ им. А.С. Пушкина: в этом году – Л.Л. Вохмина и Е.Ю. Красникова, выдающиеся специалисты по методике РКИ, блестящие педагоги. В работе Зимней школы также принял участие преподаватель русского и белорусского языков филологического факультета в Белграде Микита Супрунчук. Более 120 участников в течение двух дней посещали лекции и практические занятия.

Темы для занятий, учитывающие трудности в изучении близкородственного языка, были специально подобраны для сербских русистов: глаголы движения, особенности русского произношения, презентация и закрепление предложно-падежной системы русского языка. Прошли мастер-классы по обучению некоторым аспектам русской фразеологии, лингвокультурологии, по играм и игровым заданиям на уроках русского языка.

Судя по данным анкетирования, которое Славистическое общество провело в конце семинара, участники были очень довольны организацией семинара, преподавателями, темами и полученным дидактическим материалом.

11–12 января 2013 г. продолжилась работа конференции в рамках V белградской встречи славянских русистов. В этом международном научно-педагогическом форуме участвовало 15 докладчиков (7 из России, 1 из Македонии, 1 из Болгарии и 6 из Сербии). Работа форума была плодотворной и весьма полезной. Единственное замечание участников по поводу организации касалось отсутствия коллег-русистов из некоторых славянских стран. Организаторам форума в следующем году следует позаботиться о том, чтобы славянские русисты были представлены более полно.

С докладами участников форума можно ознакомиться в № 5 белградского журнала «Русский язык как инославянский».

Биляна Марич

slavisticko.drustvo@gmail.com

д-р филол. наук, доцент,
первый заместитель председателя Славистического общества Сербии

Елена Гинич

канд. филол. наук,
секретарь Славистического общества Сербии
Белград, Сербия

НОВОСТИ

НОВОСТИ

НОВОСТИ

НОВОСТИ

НОВОСТИ

11–22 февраля 2013 г. в Государственном институте русского языка им. А.С. Пушкина состоялся **семинар повышения квалификации преподавателей РКИ** «Обучение русскому языку как средству продвижения национальных интересов России в современном образовательном пространстве». Слушателями семинара были профессора, доценты и учителя высших и средних учебных заведений из Москвы, Казани, Иркутска, Ростова-на-Дону, Волгограда и Минска. Преподавание РКИ рассматривалось в контексте актуальных вопросов модернизации высшего образования в России, совершенствования образовательных программ в соответствии с требованиями федеральных государственных образовательных стандартов. Были затронуты проблемы психолингвистики, языкового сознания, межкультурной коммуникации, контроля знаний учащихся. На мастер-классах раскрывались особенности внедрения в языковой учебный процесс модульных образовательных программ (фонетический, грамматический, лексический и культурологический модули). Названные аспекты преподавания РКИ анализировались на фоне феномена отечественной культуры.

*Е.Ю. Перова, канд. культурологии,
доцент Московского государственного лингвистического университета*

«Риторика и культура общения в общественном и образовательном пространстве»

XVII Международная научно-методическая конференция

Вот уже семнадцатый год подряд конец января – начало февраля отмечен для преподавателей риторики, культуры речи и различных речеведческих и коммуникативных дисциплин профессиональным праздником – организацией очередной международной конференции. На этот раз риторы России и их иностранные коллеги, объединенные в Российскую ассоциацию исследователей, преподавателей и учителей риторики, собрались в Гос. ИРЯ им. А.С. Пушкина, где 30 января – 1 февраля 2013 г. состоялась XVII Международная научно-методическая конференция «Риторика и культура общения в общественном и образовательном пространстве».

Конференцию открыл ректор Гос. ИРЯ им. А.С. Пушкина проф. Ю.Е. Прохоров, рассказавший о достижениях риторического образования в последние десятилетия. С докладами выступили профессор Н.А. Ипполитова (Московский педагогический государственный университет), профессор И.А. Стернин (Воронежский государственный университет), профессор А.К. Михальская (Литературный институт им. А.М. Горького), профессор А.А. Волков (МГУ им. М.В. Ломоносова),

профессор О.И. Марченко (СПбГУ), Л.Г. Антонова (Ярославский государственный университет им. П.Г. Демидова), профессор Д.А. Щукина (Санкт-Петербургский горный институт), профессор В.И. Аннушкин (Гос. ИРЯ им. А.С. Пушкина), доцент И.В. Анненкова (МГУ им. М.В. Ломоносова), профессор Т.М. Григорьева (Сибирский федеральный университет).

На круглом столе «Сводки с мест риторических событий» были представлены книжные новинки. Отметим прежде всего выход в свет фундаментального словаря «Эффективное общение» объемом свыше 50 п.л., подготовленного в Сибирском федеральном университете (гл. ред. проф. А.П. Сковородников). Особенностью этого словаря является то, что в компактной форме (каждая статья не более 1,5 с.) представлена вся основная терминология речеведческих дисциплин. К работе над словарем были приглашены коллеги из всех авторитетных научно-педагогических учреждений страны.

С особым вниманием было воспринято издание «Риторики» Н.Ф. Кошанского, профессора русской и латинской словесности Царскосель-

ского лица (издание подготовлено В.И. Аннушкиным, А.А. Волковым, Л.Е. Макаровой). Кошанский, читавший первую вступительную лекцию 19 октября 1811 г. на открытии Лицея, был первым учителем, взрастившим музу юного Пушкина, а его «Риторика», переиздававшаяся с 1829 по 1849 гг., была не только энциклопедией словесных наук пушкинского времени, но и учебником, по которому училось не одно поколение лучших людей России.

Российская риторическая ассоциация имеет разветвленные связи со многими зарубежными коллегами. За прошедшие годы защищен ряд диссертаций по русской риторике специалистами из Афганистана (Касем Мухаммад – о коммуникативных качествах речи), Румынии (Петру Истрате – о риторике и стилистике русского футбольного репортажа), Вьетнама (Нгуен Тхи Занг – о риторике деловой презентации) и Индии (Анджу Мехта – о русском торжественном политическом красноречии). Особенно стоит отметить коллег из Китая (Сианьский институт иностранных языков), первыми из иностранных аспирантов защитивших диссертации по риторике в Гос. ИРЯ им. А.С. Пушкина: Линь Мэй – о специфике русского телефонного диалога, Ван Ци – об эволюции русских терминов *слово – язык – речь*. Доцент Линь Мэй – не только автор статей в российских научных изданиях, но и преподаватель риторики как учения о речи, использующий множество методов и приемов эффективного рече-коммуникативного обучения в вузе.

XVII Международная конференция констатировала, что в совет ассоциации входят 17 авто-

ритетных ученых и педагогов из разных городов России, в ассоциации 17 региональных отделений, которые действуют в Москве, Санкт-Петербурге, Воронеже, Саратове, Перми, Екатеринбурге, Красноярске, Туле, Салехарде, Самаре, Барнауле, Ярославле, Астрахани, Волгограде, Смоленске, Пятигорске, Гродно (Белоруссия). На 1 января 2013 г. ассоциация насчитывает более 470 членов.

Приглашаем коллег к участию в XVIII Международной конференции по риторике, которая состоится 30 января – 1 февраля 2014 г. в Ярославском государственном университете им. П.Г. Демидова на базе факультета филологии и коммуникации и кафедры теории и практики коммуникации. Тема конференции – «Риторика в современной России: традиции и новые задачи».

В.И. Аннушкин

vladannushkin@mail.ru

д-р филол. наук, профессор
Гос. ИРЯ им. А.С. Пушкина,
председатель Российской ассоциации исследователей,
преподавателей и учителей риторики

Москва, Россия

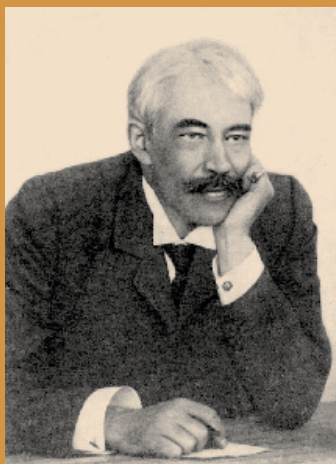
«Страсти по Станиславскому»

В феврале 2013 г. в Мюнхене состоялся театральный фестиваль российских соотечественников. Один из мюнхенских интеллектуалов, не пропустивший ни одного спектакля, назвал его «Страсти по Станиславскому».

Zentrum russischer Kultur in München
Центр русской культуры в Мюнхене

Januar – März 2013

Leben – das heißt handeln
(K.S. Stanislawskij)

Жить – значит действовать
(К.С. Станиславский)

Zum 150. Geburtstag von Konstantin Stanislawskij

К 150-летию со дня рождения К.С. Станиславского

Info: www.mir-ev.de

Фестиваль, организованный центром русской культуры в Мюнхене «МИР» в крупнейшем культурном центре Баварии «Гастайг», получился действительно страстным. И не только потому, что в его программе были представлены, пожалуй, все театральные жанры – от абсурдной комедии и фарса до леденящей душу трагедии, но и – что главное – по накалу чувств его организаторов и участников, по той отдаче, с которой играли актеры, и сердечности, с которой принимали их зрители.

На открытии фестиваля президент центра «МИР» Татьяна Лукина высказала пожелание, чтобы это мероприятие стало праздником русского театра, частицей которого является каждый из участников фестиваля. Надо отметить, что слова вдохновителя этого замечательного события сбылись – фестиваль под названием «Жить – значит действовать» (одна из знаменитых цитат Станиславского) стал настоящим праздником для участников и еще в большей степени для зрителей.

А разве могло быть иначе, когда представители русской культуры – артисты, режиссеры, музыканты, драматурги и художники – вдали от своей исторической родины отмечали 150-летие их великого учителя (пусть уже в третьем и четвертом поколении) – Константина Сергеевича Станиславского, совершившего более 100 лет назад настоящую революцию в сценическом искусстве и создавшего систему актерского мастерства, по которой и сегодня учатся во всех театральных школах мира.

И, конечно же, все руководители и режиссеры театров, принявших участие в фестивале, так или иначе связаны с Константином Сергеевичем и его знаменитым методом подлинного переживания. К ним относятся с блеском выступивший на открытии фестиваля режиссер, поэт и драматург Александр Мерлин, завоевавший вместе со своими питомцами из созданного им в Мюнхене «Театра песни» симпатии зрителей, замечательный певец Анатолий Фокин, виртуозно аккомпанирующий себе на баяне, создатель и руководитель мужского хора русских ветеранов в Баварии.

Анатолий Фокин

Инна Соколова-Гордон, художественный руководитель рожденного в Берлине в 2006 г. театра «Русская сцена», выпускница Московского университета культуры и искусств (курс Ю.Н. Мальковского – одного из последних учеников К.С. Станиславского), представила на фестивале свою последнюю работу – инсценировку «О, мой безумный Господин» по трагедии Шекспира «Король Лир». Она отличается не только высоким вкусом и фантазией режиссера, но и великолепным актерским ансамблем, в котором актеры Светлана Лучко и Вадим Граковский исполнили каждый по несколько ролей.

Не менее впечатляющим оказался дуэт молодых, находящихся в самом начале своего творческого пути актеров Евгении Мановой и Сергея Стански-Сорокина, исполнивших главные роли в спектакле Театра Михаила Рыбака (Штутгарт) «Мне так хочется любить», поставленного главным режиссером и руководителем театра по пьесе Надежды Птушкиной «Ненормальная». Михаил Рыбак, выпускник Киевского театрального института (актерский и режиссерский факультеты), создал свой театр в 1999 г. и за это время успел зарекомендовать себя как тонко чувствующий зрителя и умело воплощающий на сцене дух времени художник.

О выпускнице Санкт-Петербургской академии театра, музыки и кинематографии Татьяне Ходоренко, основавшей в 2003 г. в городе Гёттинген «Фигурен-театр», можно говорить и писать бесконечно. С первой минуты созданные

ею куклы-образы, будь то страдающая от одиночества Баба-яга или изголодавшийся по «заслуженному отдыху» Медведь, не говоря уже о неудачнике-счастливчике Иване-царевиче и его грациозно танцующей под музыку Чайковского «Танец маленьких лебедей» Царевне-лягушке, завоевывают сердца как маленького, так и взрослого зрителя. Своим кукольным спектаклем «Царевна-лягушка» директор и актриса театра Татьяна Ходоренко подтвердила слова великого мастера, что «играть для детей надо также хорошо, как и для взрослых, только еще лучше».

Созданный в 1996 г. театр «Кулисы» (Дюссельдорф), которым руководят председатель Союза театров соотечественников Германии режиссер Вячеслав Лисин и поэт Нелли Кунина, являющаяся заведующей литературной частью театра, порадовал публику своей инсценировкой комедии абсурда Славомира Мрожека «Стриптиз». Артисты Дмитрий Иванов, Вадим Идиатулин и Вячеслав Рогинский вернули публику фестиваля, состоявшую на 70% из соотечественников, на 3 десятилетия назад, когда слово «свобода» звучало так заманчиво и сладко.

Представляя спектакль «Ночной Гаспар. Повешенный. Или история одного предательства...», Татьяна Лукина подчеркнула, что фестиваль объединил соотечественников не столько по их территориальной, сколько по их духовной близости. «Во времена первой эмиграции, по словам писателя Набокова, соотечественников определяли по их отношению к Пушкину. Мы, сидящие сегодня в этом зале, определяем своих соотечественников по их принадлежности к русской культуре, к русскому театру, к великому Константину Сергеевичу Станиславскому. Предлагаю вниманию публики спектакль, созданный актрисой киевского Театра на Подоле Тamarой Плащенко совместно с режиссером и художественным руководителем Нового драматического театра на Печерске (Киев) Александром Крыжановским по пьесе рожденной в Узбекистане, учившейся в Ленинграде и проживающей сегодня в Лондоне Лейлы Александер-Гарретт».

Это был замечательный спектакль с потрясающей своим драматическим дарованием и в то же время удивительной естественностью актрисой Тamarой Плащенко, исполняющей 3 совер-

Татьяна Лукина

шенно разные по характеру, возрасту и темпераменту роли. Филигранно, как кружева, плела она свои образы, заставляя зрителя, затаив дыхание, следить за каждым ее жестом и движением. Присутствующая, накануне прилетевшая из Лондона на фестиваль Лейла Александер-Гарретт, работавшая с такими режиссерами, как Андрей Тарковский и Юрий Любимов, назвала протагониста своей пьесы Тамару Плащенко одной из самых выдающихся драматических актрис современности.

Для Татьяны Лукиной этот фестиваль был незримым мостиком к самому первому фестивалю Русского театра в Германии, который она организовала 27 лет назад, в 1986 г., на этой же сцене, в этом же театральном зале совершенно нового, только что открывшегося тогда в Мюнхене самого крупного культурного центра ФРГ «Гастайг». В его программе были «Дни нашей жизни» Л. Андреева, «Бедные люди» Ф. Достоевского, поставленные и сыгранные актерами из числа русских эмигрантов. Тогда их еще называли, в лучшем случае, бывшими соотечественниками. Слава богу, что времена изменились и фестиваль соотечественников наряду с Управлением культуры г. Мюнхена поддерживает российский фонд «Русский мир». Мы гордимся своей принадлежностью к великой русской культуре, которая объединяет нас и делает настоящими соотечественниками.

© Фото Анны Милковой, Лидии Вишневской, Тристана Ваннека

Раиса Коновалова

raikon@list.ru

центр русской культуры «МИР»

Мюнхен, Германия

СТАНДАРТЫ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ МАТЕРИАЛОВ В ЖУРНАЛ «РУССКИЙ ЯЗЫК ЗА РУБЕЖОМ»

1. Материалы представляются в электронном и распечатанном (1 экз.) вариантах, которые должны быть идентичны (либо только в электронном варианте для тех, кто высылает статью по e-mail: editor@pushkin.edu.ru).

2. Текст набирается в программе MS Word, шрифт Times New Roman Cyr, 12 кегль, через 1 интервал, без переносов, выравнивание по левому краю. Поля: верхнее и нижнее по 2 см, левое и правое по 2,5 см.

3. Абзацный отступ устанавливается автоматически (*Формат → Абзац → Первая строка – отступ 1 см*). **Внимание!** Не следует оформлять абзацный отступ с помощью многократных пробелов и табуляции.

4. Номера страниц проставляются внизу, начиная с первой страницы.

5. Для выделения в тексте допустимо: **полужирное** и *курсивное* написание, подчеркивание, а также использование какого-либо **одного** цвета. Примеры рекомендуется выделять *курсивом*, а новые термины и понятия – **полужирным** шрифтом.

6. При наборе текста (в том числе заголовков) не следует использовать такие выделения, как ПРОПИСНЫЕ БУКВЫ и р а з р ы д к а через пробел.

7. Ударения и другие надстрочные знаки расставляются вручную в распечатанном тексте цветными чернилами.

8. Сноски следует давать в сквозной цифровой нумерации внизу страницы.

9. **Внимание!** Библиография дается в конце текста статьи и оформляется в алфавитном порядке по следующему образцу.

Литература

1. Верецагин Е.М., Костомаров В.Г. Язык и культура: Лингвострановедение в преподавании русского языка как иностранного. 4-е изд., перераб. и доп. М., 1990.
2. Всеволодова М.В. Употребление полных и кратких прилагательных // Русский язык за рубежом. 1971. № 3.
3. Дорофеева Т.М. Обязательная синтаксическая сочетаемость глагола в современном русском языке: Дис. ... канд. филол. наук. М., 1974.
4. Преображенский А.Г. Этимологический словарь русского языка. М., 1959.
5. Практическая методика обучения русскому языку как иностранному / Под ред. А.Н. Щукина. М., 2003.
6. Bennett M. A Developmental Approach to Training Intercultural Sensitivity // International Journal of Intercultural Relations. 1986. Vol. 10. № 2.
7. Howatt A.P.R., Widdowson H.G. A History of English Language Teaching. Oxford, 2004.

Библиографические ссылки в тексте оформляются в квадратных скобках [номер источника по списку: номера страниц], например, [2: 67–68].

10. В левом верхнем углу указываются фамилия и инициалы автора кириллицей и латиницей, e-mail, ученая степень, должность и место работы, город и страна по следующему образцу.

Н.Н. Иванов

N.N. Ivanov

ivanov@pushkin.edu.ru

д-р филол. наук, профессор Государственного института русского языка им. А.С. Пушкина
Москва, Россия

Ван Линь

Van Lin

vanlin@yandex.ru

аспирант Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова,
ст. преподаватель Сианьского университета иностранных языков
Сиань, Китай

11. Ниже, через 2 интервала, 12 кеглем с **полужирным** выделением указывается название статьи на русском и английском языках.

12. На последней странице следует указать фамилию, имя, отчество автора полностью, телефон и почтовый адрес, по которому наложенным платежом будет отправлен авторский экземпляр журнала с опубликованной статьей (отправка только по России).

13. К статье **необходимо приложить** списки ключевых слов (по 5 единиц) и аннотации (по 500–700 знаков с пробелами) на русском и английском языках.

14. Файл сохраняется в формате doc. Название файла – фамилия автора, например, Иванов.doc.

15. Для публикации необходима современная цветная фотография автора (в электронном виде – минимальный размер **3,5 x 5 см** при разрешении **300 dpi** или в напечатанном виде – минимальная ширина 6 см). Копии фотографий, присланные по факсу, и фотографии в файлах с расширением doc не принимаются!

16. К тексту желательно прилагать иллюстративный материал (файлы в формате jpeg, gif, bmp объемом от 200 Кб до 2 Мб). Подписи к иллюстрациям обязательны!

17. Объем материалов.

«Учебный раздел»: 15–20 с., вступительная статья к учебным материалам не менее 3500 знаков с указанием контингента, на который рассчитан материал, и уровня владения русским языком, иллюстрации обязательны. Текст учебных материалов следует набирать с использованием буквы ё.

Статьи по методике, лингвистике, литературе, культуре и в другие разделы: 8–9 с.

Статьи в раздел «Критика и библиография»: 3–5 с. Предоставляется рецензируемое издание либо его обложка, титул и оборот титула в электронном виде.

Информация о мероприятиях (конференциях, круглых столах, конкурсах, олимпиадах, фестивалях и т.п.), а также актуальные сведения о деятельности государственных, общественных, коммерческих организаций, связанной с преподаванием и распространением русского языка за рубежом:

* в рубрику **«Хроника»:** 3–5 с. + фотографии;

* в рубрику **«Новости»:** 0,5 с. (1 сообщение).

18. Принимаются только оригинальные материалы, не публиковавшиеся ранее в других изданиях, если иное не согласовано с редакцией!

Редакция не возвращает присланные рукописи.

Все материалы, опубликованные в журнале «Русский язык за рубежом», защищаются Законом Российской Федерации об авторском праве и смежных правах.